

Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского

Институт «Таврическая академия»

Философский факультет

Кафедра философии

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ:**

*состояние
и перспективы*

2022

**Сборник материалов
V научной конференции**

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2022

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6
П 69

*Проект кафедры философии Института «Таврическая академия»
Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*

Главный редактор:

О.А. Габриелян, доктор философских наук, профессор

Ответственный редактор:

Н.В. Сафонова, кандидат философских наук, доцент

Редактор:

Л.И. Зиннурова, кандидат философских наук, доцент

П 69 **Практическая философия: состояние и перспективы:**
Сборник материалов V научной конференции / гл. ред.
О. А. Габриелян. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2022. – 284 с.
ISBN 978-5-907587-88-5

В сборнике представлены материалы пятой юбилейной научной конференции «Практическая философия: состояние и перспективы» (Симферополь, Ялта, 26–27 мая 2022 г.). Целью конференции было обсудить философские вопросы практического характера, определить возможность оптимальных действий в разных сферах жизнедеятельности человека, протекающей в ситуациях возрастающей неопределенности, осмыслить то, чем может быть полезной в этом философия. Об актуальности этой цели говорит география участников конференции, работающих в вузах Симферополя, Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Казани, Челябинска и многих других городов России. Также в сборнике представлены лучшие работы аспирантов Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, написанные по завершении курса «История и философия науки» и посвященные философским аспектам тем их диссертационных исследований.

УДК 141.201(477.75)
ББК 87.3(2)6

ISBN 978-5-907587-88-5

© Коллектив авторов, текст, 2022
© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ

<i>Лазарев Ф. В.</i> Восстание русского духа	8
<i>Габриелян О. А.</i> Объективные основания этических систем и перспективы их развития (информационно-коммуникативный подход).....	28
<i>Воеводин А. П.</i> «Практическое» как предмет философского анализа	35
<i>Рамазанов С. П.</i> Постмодернизм и современная Россия.....	40
<i>Шичанина Ю. В.</i> Философские практики развития технологий мышления: Soft skills, теория множественного интеллекта	43

II. ГОРИЗОНТЫ МЕТОДОЛОГИИ

<i>Креминский А. И.</i> Значение интервального подхода для концептуальной разработки практической философии.....	50
<i>Сафонова Н. В.</i> Роль трансцендентного в этических системах.....	61
<i>Аблаев С. С.</i> Вычислительная математика, её методологические стратегии и роль в философии	68
<i>Бочко А. Ю.</i> Новая методология: об устойчивости динамических систем к начальным данным и стратегиях решения дифференциальных уравнений.....	72
<i>Аминова А. Р.</i> Аспекты развития мышления для проектной и повседневной деятельности	75

<i>Моисеенко В. А., Симченко Н. А.</i> Ноосфера и искусственный интеллект: научная трансформация идей В. И. Вернадского о ноосфере в развитии искусственного интеллекта	79
--	----

III. ГОРИЗОНТЫ АНТРОПОЛОГИИ

<i>Пономарёв С. Б.</i> Российский тюремный социум с точки зрения социальной антропологии.....	84
<i>Ильянович Е. Б.</i> Цифровая антропология: новые возможности исследований человека	88
<i>Пономарева Г. М.</i> Практопия трансгуманизма: социально-антропологический аспект.....	94

IV. ГОРИЗОНТЫ СОЦИАЛЬНОСТИ

<i>Борисов С. В.</i> Эссе о старой и новой идеологии.....	102
<i>Тарасов О. В.</i> О метафизическом и утопическом характере либеральной концепции К. Поппера	108
<i>Канышева О. А.</i> Интеллигенция и нравственные проблемы общества.....	114
<i>Жупник О. Н.</i> Специфика и проблемы современной студенческой семьи	120
<i>Панца Р. А.</i> Франкфуртская школа социальных исследований.....	125
<i>Дубиков Д. И.</i> К вопросу о социально-политических предпосылках экстремистской деятельности	129
<i>Ковтушенко З. Н.</i> Государство как предмет философской рефлексии: жанр утопии	136

V. ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

<i>Пугачёва В. О.</i> Культурное наследие как инструмент сохранения идентичности во времена остросоциальных конфликтов	142
<i>Рецова К. М.</i> Трансгуманизм: закат эры гуманизма	148

VI. ГОРИЗОНТЫ ЭКЗИСТЕНЦИИ

<i>Васильев Я. Ю.</i> Прогностический парадокс Эдипа и институциональный контроль.....	153
<i>Гусар В. И.</i> Мораль и этика в современной предпринимательской деятельности в России	159
<i>Закирова Г. Ф.</i> Проблематика любви в философии Нового времени.....	165
<i>Кожевникова А. А.</i> Особенности коммуникации в философии экзистенциализма .	169
<i>Ивакин Е. И.</i> Этические регуляторы волевого поведения военнослужащих .	172

VII. ГОРИЗОНТЫ РЕЛИГИИ

<i>Девятова С. В.</i> Христианство в контексте вызовов современной цивилизации ...	180
<i>Кудряшов С. В.</i> Религиозная проблематика современности: философский аспект.....	183
<i>Гридин А. В.</i> Соработничество как модель церковно-государственных отношений: онтологические преимущества и механизмы реализации	189
<i>Бурдина А. С.</i> Христианские мотивы в творчестве А. А. Ахматовой.....	194

VIII. ГОРИЗОНТЫ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Черных С. И.</i> Технологии «nudge» в образовании.....	201
<i>Матвеев В. В.</i> Анализ взаимосвязи образования и социального неравенства: от античности до XIX века	207
<i>Доронина С. Г.</i> Философия для детей: ребенок как субъект образовательных практик	213

IX. ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

<i>Ворожихин В. В.</i> О развитии науки и экономики России	219
<i>Соловьева Л. Н.</i> Человек и искусственный интеллект: грани новой онтологии	224
<i>Джубатчанова И.</i> Этический аспект технауки	229
<i>Матковский В. А.</i> Интеллектуальный агент и человек: как их различить уже сейчас?.....	233
<i>Максюта С. А.</i> «Философские аспекты моделирования с позиции новейших технологий»	238
<i>Цапик Д. К.</i> История и перспективы взаимодействия человека и искусственного интеллекта в автоматизированных системах проектирования электроники.....	244
<i>Даниленко А. Н.</i> Киберпространство: новое пространство реальности или новая реальность?.....	249
<i>Малько А. В.</i> Философское понимание кредита и займа	253

X. ГОРИЗОНТЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ЗЕМЛЕЙ

<i>Стадничук О. В.</i> Ноосфера: идеи академика В. И. Вернадского в современных реалиях сельского хозяйства	258
<i>Борбот И. Н., Захаров Р. Ю.</i> Экологический императив как необходимое условие создания систем управления водными ресурсами	263
<i>Захарчук П. С.</i> Решение практических задач (плодородия почвы) и философские концепции: есть ли взаимосвязь?	271
<i>Кузнецова Е. Е.</i> Гуманитарный аспект проблем цифровой трансформации малых предприятий агропромышленного комплекса.....	277

УДК 101

ВОССТАНИЕ РУССКОГО ДУХА

THE UPRISING OF THE RUSSIAN SPIRIT

Лазарев Ф. В.,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,

Lazarev F.V.,

Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor of the Department of Philosophy, Crimean Federal V.I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье обсуждается вопрос об исторических судьбах Русского мира. В связи с этим раскрывается специфика российской цивилизации. В настоящее время цивилизационные проекты прошлых эпох исчерпали свой исторический потенциал. Поэтому наше общество стоит перед необходимостью разработки такого образца будущего, который бы соответствовал новой исторической реальности. Глубокий цивилизационный разлом «Россия – Запад» ведет к формированию нового русского сознания.

Abstract. The article discusses the question of the historical fate of the Russian world. In this regard, the specifics of Russian civilization are revealed. At present, the civilizational projects of past eras have exhausted their historical potential. Therefore, our society is faced with the need to develop such a model of the future, which would correspond to the new historical reality.

Ключевые слова: локальная цивилизация, Русский мир, цивилизационный проект, новое русское сознание.

Key words: local civilization, Russian world, civilizational project, new Russian consciousness.

Человеческая история представляет собой глубоко противоречивый, сложный и многомерный феномен. Очевидно, что её всесторонний анализ предполагает использование эффективного методологического инструментария. В своё время К. Маркс разработал и успешно применил в своих исследованиях концепцию материалистического понимания истории. Её важнейшим элементом

является формационный подход при объяснении глубинных процессов в жизни социума. Однако в контексте современной методологической культуры историософский дискурс существенно трансформировался. И, естественно, исторический материализм как исследовательская парадигма сегодня нуждается в серьезном переосмыслении и дополнении. Но это отдельная большая тема для обсуждения. Мы хотели бы обратить внимание лишь на два существенных момента.

Во-первых, формационный подход Маркса должен быть дополнен цивилизационной моделью общественного развития. Во-вторых, многолетний опыт метаисторических обсуждений показал, что при объяснении масштабных и ключевых событий в жизнедеятельности людей необходимо принимать в расчёт факторы самого разного порядка (как материальные, так и духовные, как политические, так и культурно-исторические). При этом каждый фактор играет существенную роль лишь в строго заданных границах (в рамках фиксированного интервала абстракции). В тех или иных конкретных ситуациях на первый план могут выдвигаться то один аспект, то другой, то третий и т.д. На смену марксистскому принципу монизма приходит принцип многомерного анализа (интервальный подход). В-третьих, следует обратить внимание на то, что в последние годы заметно возрастает значимость морального фактора при интерпретации тех или иных исторических явлений. Это связано не с тем, что люди стали более строгими в своих нравственных оценках, а с тем, что названный фактор объективно обнаруживает своё более заметное влияние на ход исторических событий в контексте постглобального мироустройства.

1. Русский мир как самобытная цивилизация.

Сегодня политики, журналисты, деятели культуры часто спорят о том, является ли Россия частью европейской цивилизации. Великий русский ученый и философ Н. Я. Данилевский в своих работах впервые высказал мысль о том, что Россия - и Русский мир в целом - представляет собой особую локальную цивилизацию со своей историей, многовековым опытом выживания, со своей системой ценностей и культурными традициями. Дальнейший ход событий подтвердил выводы учёного.

Исторически российская цивилизация в своей глубинной тектонической эволюции конструировалась из нескольких культурных плит, которые то сталкивались между собой, то расходились, вызывая судьбоносные социальные изменения и даже геополитические землетрясения. Русский мир постоянно жил в этом глобальном поле напряжения – духовного, экономического и культурно-исторического. Можно указать на четыре истока этого мира:

- язычество (автохтонная плита);
- евразийство (туранская плита);
- православие (византийская плита);
- западничество (западно-европейская плита).

Каждая локальная цивилизация основывается на определенной совокупности архетипов массового сознания и кодах культуры, которые играют роль скреп, обеспечивающих выживание данной общности людей. В этом смысле Россия в качестве одной из скреп своего исторического бытия принимает принцип незыблемости *универсальных ценностей* (справедливость, честность, добрососедство между народами, уважение к другим культурам и т.п.). Отсюда одной из сущностных черт российской цивилизации является то, что её исходные константы исторически включали в себя духовно-нравственные установки в качестве социокультурной пресуппозиции. Поэтому при анализе отечественной истории зачастую трудно в полной мере понять суть многих ключевых событий, если не рассматривать их сквозь призму *нравственного измерения*.

Важным признаком локальной цивилизации является наличие у неё мироустроительного проекта. Имелись ли в нашей истории такого рода социокультурные метапостроения? Разумеется, имелись. Был проект «Москва - Третий Рим», известны европейские преобразования Петра I, равно как и программа построения социалистического общества. Но вот вопрос: есть ли у нас сегодня новый, соответствующий данному этапу развития Большой цивилизационный проект? Видимо, следует признать, что полноценного образа будущего у нас нет, хотя идёт интенсивный поиск новых идей в этом направлении. Общество всерьёз задумалось о восстановлении исторической памяти, о возвращении к культурно-историческим корням народной жизни, о возможных оптимальных моделях социально-экономического развития. В последнее время идёт весьма

оживлённая дискуссия о понятии российской нации, о проблемах нашей культурной идентичности. Бесспорно, что народы нашей страны объединяют в единое целое общая история, единый язык общения, культурные традиции, общая память о великих подвигах предшествующих поколений. Вместе с тем, очевидно, что, во-первых, новый цивилизационный проект действительно необходим, во-вторых, его нельзя взять с потолка, сочинить, он может быть лишь выражением нашего исторического, социального и культурного опыта. Но ясно другое: необходима глубокая идейная, интеллектуальная проработка вопроса, некая общественная саморефлексия, ведущая к осознанию ближайшей и отдалённой социально-исторической перспективы. Мы стоим перед новым судьбоносным выбором. Тот выбор, который был сделан в 1991 г., оказался не только неудачным, но и небезопасным для Отечества.

2. Россия: между Востоком и Западом

Традиционное деление стран на «Восток» и «Запад» идёт с древнейших времен, когда они просто обозначали географическую принадлежность того или иного региона Земли. Но позднее это разграничение приобрело более глубокий смысл, поскольку культура данных регионов («восточная» и «западная») стала развиваться в разных направлениях: как чувственная, эмоциональная в первом случае и более рациональная, апеллирующая к прагматизму и расчёту во втором. И по мере развития цивилизаций (почти вплоть до XX века) это различие все усиливалось. Западу преимущественно мир обязан развитием техники, социальными инновациями, освоением «неудобных» регионов и пространств. Западные страны, прежде всего, несут человеческой популяции технический прогресс, революционное обновление общественных структур. Но последнее столетие они всё больше перестают ассоциироваться преимущественно с прогрессивным началом в жизни людей - скорее с войнами, насильственным захватом чужих территорий и т.п.

Исторический путь развития Русского мира существенно отличается как от Запада, так и от Востока. В его лоне в течение столетий складывается устойчивое многонациональное государство, в котором формируются традиции терпимости и уважения к различным культурам, языкам, религиям. Создаётся духовно ориентиро-

ванная система ценностей. Разумеется, возникают свои особенности и в экономическом укладе российского общества.

В российском народе издревле живёт неизбывная жажда гармонии и справедливости. Это обострённое чувство справедливости как родовая травма проистекает из трагического опыта истории, возможно, из той поры, когда, находясь под иноземным игмом, народ мечтал о духовной свободе и политической независимости. Как видим, с Востоком нас роднит способность сохранять в своем самосознании традицию мудрости. Но между Русским миром и Востоком есть и глубокое различие. Восточная мудрость предполагает самоуглубленность, погружённость в свой внутренний мир как в бесконечную вселенную духа, слияние в медитации своего Я с миром. Русская мудрость – это, прежде всего, интенция «навстречу к Другому», способность к состраданию. На этом пути возникает особый тип транскультурной коммуникации - от сердца к сердцу, когда моё Я открыто и прозрачно для Другого.

Истоки русской мудрости в той общинной форме существования, когда нет другого способа выжить человеку среди бескрайних степей и лесов, как держаться вместе, объединяться в общину, выстраивать своё ежедневное бытие на базе родового сознания. Для восточно-славянского мира характерно было коллективистское сознание, когда индивид живет в лоне Традиции, которая жестко задает систему ценностей, стиль жизни, нормы поведения, предполагающие идею общности, солидарности, братства.

В отличие от восточно-славянских народов, ментальность европейского человека веками формировалась на базе приоритета индивидуального начала. Здесь философия выживания предполагала прежде всего опору на самого себя, свои силы, способности и жизненные ресурсы. Разумеется, индивид как самобытие, как экзистенция является безусловной ценностью. Установка подобного рода в той или иной версии присутствует в ценностных основаниях практически большинства мировых цивилизаций. Но любая абсолютизация Я в духовной практике того или иного общества ведёт в конечном счёте к деградации и человека, и общества.

Именно эту интенцию мы наблюдаем в эволюции европейского самосознания. Угроза деградации проистекает из специфического отношения европейского духа к проблеме универсальности как к базовой категории культуры. Любопытную картину можно заме-

тить в жизни современного Запада, включая США. Всё чаще мы сталкиваемся с тенденциями культурного нигилизма, с практикой «культуры отмены», когда идет атака на духовные ценности, когда в угоду модным идеологическим течениям происходит переименование и варварская обработка классических произведений искусства, когда сносятся оказавшиеся в опале памятники и т.п. Я уже не говорю о нигилизме по отношению к русской культуре. В недрах массового сознания размывается сама идея культурного наследия. Всё это ведёт к сбою в процессах культурной самоидентификации широких слоёв населения, возникают симптомы саморазрушения социума как системного целого. В сущности, мы имеем дело с отказом от важнейших принципов экологии культуры. Последняя в качестве одной из предпосылок имеет следующий постулат: только приобщение к универсальному началу, его всестороннее освоение и распредмечивание сообщает высшую ценность бытию - бытию как индивида, так и отдельной цивилизации. Признание общечеловеческих смыслов и ценностей делает возможным диалог культур и цивилизаций, взаимопонимание между народами и государствами. Видимо, есть глубокий смысл в том, что философы-экзистенциалисты, подчеркивая важность экзистенциального горизонта человеческой личности, вместе с тем акцентировали внимание на ключевой роли практики трансцендирования (К. Ясперс). Противоположный трансцендированию аспект бытия индивида западные философы связывают с проблемой телесности и чувственности. Эта тема становится излюбленной во многих постмодернистских теоретических построениях.

Отклик на эту проблему в контексте духовных установок отечественной аксиосферы мы находим в работах таких выдающихся исследователей русской цивилизации, как А. С. Панарин и Д. Е. Муза. Так, в своем анализе А.С. Панарин отмечает: «Ренессанс раскрыл буржуазность как чувственность и заложил программу раскрепощения чувственности. Реформация взялась эту чувственность обуздать. В результате в западную культуру была зало-

жена антиномия: изначально социальную чувственность надо было подчинить моральному долгу, по природе ей чуждому»¹.

В контексте сказанного ещё раз возникает вопрос о том, какой ответ мы встречаем в рамках культуры Русского мира на данный вызов. Касаясь этой проблемы, Н. Фергюсон пишет: «Русская культура, опирающаяся на православную традицию, задала совсем иную программу социализации чувственности. Во-первых, человеческая чувственность понимается как находящаяся по эту, а не по ту сторону культуры и нравственности.

Следовательно, требуется, выражаясь словами Фрейда, не реактивное подавление чувственности в духе кантианской этики долга, а её сублимация - подключение её энергетики к нашей нравственной воле. Во-вторых, сама эта сублимация - дело не одной только религиозной морали и аскетики, но всей культуры в целом. Культура должна быть изнутри без цензурного принуждения пронизана нравственностью, подобно тому, как сама наша чувственность не безблагодатна, пронизана духовными энергиями и подвластна. Поэтому в русской культуре не могла зародиться радикальная программа высвобождения репрессированной чувственности, которая родилась на протестантском Западе. У нас чувственность изначально никто не закабалял: наша чувственность скорее «сентиментальна», чем брутальна, и асоциальна, и в этом смысле всегда выступает союзницей нравственности. Программа освобождения репрессированной чувственности пришла в Россию с Запада...»² Тем самым перед нами, отмечает Д. Е. Муза, явная попытка возвращения к метарассказу, заявка на преодоление кризиса духовной власти и выход к перепрочтению и реинтерпретации восточнохристианского суперэтнического текста. Разумеется, с целью соблюдения критериев «строгости священства и вдохновительного пророчества»³.

3. Возможен ли в России капитализм?

В свете сказанного относительно исторических особенностей Русского мира вырисовывается весьма любопытная, можно сказать, историософская проблема: насколько совместимы российская система экономических отношений и западная модель капитализма? Что можно сказать о перспективах и судьбах капитализма в России как особом цивилизационном пространстве?

Как известно Маркс, Энгельс, а вслед за ними и Ленин, утверждали, что капиталистический способ производства является необходимой для всех стран фазой исторического развития человечества. Этот тезис следует из того, что история, согласно классической историософской модели, есть единый для всех стран и народов целостный поток, определяемый универсальными историческими закономерностями. Но это схема уже в XIX веке была поставлена под сомнение в работах ряда мыслителей. Прежде всего, это касается Н. Данилевского. Он предложил свою альтернативную версию хода мировой истории. Из концепции учёного, в частности, вытекало, что Русский мир представляет собой отдельную локальную цивилизацию со своими особыми путями исторического развития. (Это не исключает, разумеется, того, что Россия, как и любая другая страна, подчиняется в своей эволюции некоторым единым законам хода мировой истории).

Что касается капиталистического способа производства, то следует подчеркнуть, что речь идёт о специфически западном цивилизационном проекте. Во всей своей полноте и мощи он воплотился в жизнь именно в западных странах и в США. Ни Китай, ни Индия, ни арабский Восток не приняли этот проект в его классических формах. Они лишь рационально адаптировали его относительно специфических условий своих стран. Как говорят в Китае, неважно какого цвета кошка, важно, чтобы она ловила мышей. В этом смысле Китай успешно сочетает в своей экономической практике как преимущества социалистической системы, так и проверенные технологии капиталистического хозяйствования. В свою очередь арабский мир также весьма специфически выстраивает у себя систему капиталистических отношений. Любопытно, что даже Маркс относительно восточных стран выдвигал понятие «азиатского спо-

¹ Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во «Эксмо». С.315.

² Фергюсон Н. Цивилизация: Чем Запад отличается от остального мира. М.: АКТ: CORPUS. 2014. С.315 – 316.

³ Муза Д.Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности: поиски формулы самостояния. М.: Канон РООИ «Реабилитация». С.43.

соба производства». Специфика сугубо западного капитализма в том, что он в течение ряда столетий формировался на основе колониальной практики. Базовые элементы собственно материального производства строились на системе выкачивания материальных богатств из колониальных территорий. Формально колониализм был разрушен во второй половине XX в., но изощренные формы неоколониализма продолжают использоваться западным миром до сих пор. Сегодня у всех на слуху показательный пример такой политики: американцы с целью преодоления негативных последствий пандемии по давней привычке пустили в ход печатный станок и выбросили на рынок несколько триллионов долларов, наводнив «фантиками» бывшие колонии, выкачивая из них реальную товарную массу. На этот факт обращалось особое внимание на саммите БРИКС в июне 2022 года.

Возвращаясь к проблемам российской цивилизации, следует подчеркнуть одно важное обстоятельство: ни в эпоху монархической России, ни в эпоху советской власти, ни в постсоветский период капитализм не прижился у нас в подлинном смысле этого слова. Похоже на то, что он по своей сути противопоказан нашей ментальности. Капитализм требует другой культуры, другой цивилизационной аксиосферы. Видимо, не случайно западные философы обращали внимание на важность протестантской этики для становления капитализма западного типа. В этике православия другие акценты. Дух меркантильности и стяжательства вызывает раздражение и чувство ущербности в русской душе. В свое время Герцен, западник по своим убеждениям, приехав в Европу, был поражен убожеством мещанского сознания местного обывателя. С тех пор мало что изменилось. Прагматизм и потребительское сознание – типичные черты современного «одномерного человека» европейской цивилизации.

4. О новом цивилизационном проекте Русского мира

Выдвигая гипотезу о несовместимости Русского мира и капитализма, я не претендую на абсолютную истину. Но уверен в одном: нашему обществу следует со всей серьезностью обдумать эту проблему. Это особенно важно при разработке нового цивилизационного проекта. Как его выстраивать? Какова должна быть методология этого дела? Прежде всего, необходимо извлечь уроки из результатов двух социальных экспериментов, которые случились в

отечественной истории в XX веке (1917г., 1991г.). Необходимо тщательно, всесторонне и объективно оценить как положительные, так и негативные их аспекты. Диалектика учит, что отрицание старого предполагает не бездумное отбрасывание прошлого опыта, а удержание всего ценного, живого, перспективного из предшествующего этапа развития. Даже негативный опыт имеет ту ценность, что может послужить предостережением от повторения ошибок в будущем. Да, советское общество строило в течение 70-ти лет социализм. Но социалистическое учение – это не какая-то застывшая, идеальная и неизменная конструкция. Что из этого опыта можно и нужно взять на вооружение сегодня? Во-первых, идею о социально ориентированном государстве, во-вторых, принцип экономического планирования по стратегическим направлениям, в-третьих, эффективные формы заботы государства (во взаимодействии с гражданским обществом) о нравственном здоровье народа вообще и подрастающего поколения, в особенности, в-четвертых, разнообразные формы борьбы с безработицей и преступностью. (Кстати сказать, возможность модернизации социалистических принципов прекрасно демонстрирует нам современный Китай).

Из нашего «западного опыта» необходимо по-прежнему гибко использовать механизмы рыночной экономики, социальные технологии демократизации политической, общественной и культурной жизни, но при этом не забывать исконных ценностей Русского мира, его духовных и цивилизационных скреп. Взяв все жизнеспособное из прошлого опыта, необходимо сделать следующий шаг – в полной мере возродить великие традиции и цивилизационные константы отечественной истории. В процессе выработки программы возрождения России важно также использовать опыт китайской цивилизации. Восточная мудрость помогла нашему азиатскому соседу примирить древние традиции и новаторские идеи научнотехнической революции, социализм и рыночную экономику. Ему удалось также органично воспринять важные элементы гуманистического опыта Русского мира.

При разработке Большого цивилизационного проекта Русского мира следует иметь в виду два значимых момента: во-первых, в фокусе общественного внимания должна стоять задача духовно-

нравственного преобразования всех социальных пластов общества, во-вторых, наш цивилизационный проект должен органически вписываться в общепланетарный социокультурный контекст. Если первый из отмеченных моментов представляется достаточно очевидным, то второй нуждается в пояснениях. Речь идет о том, что на современном этапе исторической эволюции человечество на нашей планете все больше проявляет себя как *единое целое*, в котором все страны и народы оказываются взаимозависимыми элементами одной глобальной системы. В этой ситуации становится все более нетерпимой стратегическая установка США на поддержание однополярного мира, в котором навязывается гегемония одной сверхдержавы.

Исторически российская цивилизация выстраивалась на других основаниях. С первых шагов своего становления она формируется как некое единство этносов, общин, народностей. Ядром их сплочения выступает прежде всего духовная близость и общие исторические судьбы. Российская империя меньше всего похожа на империю западного типа, в которых жестко разделяется то, что является метрополией и то, что имеет статус колонии в той или иной форме. В годы советской власти принцип поддержки всех народов и народностей, входящих в состав СССР, даже приобрел в какой-то мере парадоксальный характер: периферийные регионы и республики (Прибалтика, Украина, Кавказ, Средняя Азия) имели преимущество по интенсивности экономических и социальных преобразований по сравнению с центром.

Принцип терпимости к национальному своеобразию всех народов, объединенных в одно целое, к вероисповеданию, к языку и культуре, который веками практиковался в нашем отечестве, ныне в XXI веке приобретает особую значимость в свете глобальных тенденций современности. Одна из них – возрастающая роль фактора целостности общепланетарной цивилизации. Сегодня в мировой политике все чаще мы наблюдаем переход от однополярного мира к многополярному, а от последнего к осознанию человечества как единого целого. Эту тенденцию хорошо осознают такие страны как Россия, Китай, Индия.

5. Новое русское сознание

Наша отечественная история знает немало трагических моментов. Веками на нас двигались агрессивные орды с Востока. Европа

также часто нападала на Россию, принося её народам неисчислимые страдания. И всё же наша сердобольная страна, несмотря ни на что, простила Западнему миру многое, надеясь, что его позитивные начала, в конечном счёте, возьмут верх над негативными. Больше того, со временем, в кругах русской интеллигенции появилась, как отмечает Данилевский, странная болезнь, которую он назвал «европейничеством». Эта обращенность русского сознания к европейским идеалам не была случайностью. Дело в том, что за последние несколько столетий Европа не только выдвинула целый ряд великих мироустроительных идей (идеи гуманизма, просвещения, прогресса и др.), но и претворила их в жизнь. Всё это не могло не вызывать чувство уважения у других народов и желание перенять всё лучшее, что могло дать толчок в развитии важнейших сторон жизни той или иной страны. Интерес к европейскому историческому опыту в России было особенно велик. В некоторых общественных кругах нередко возникал соблазн видеть русское государство частью западной цивилизации. Но сегодня, обозревая пройденный Европой путь, мы должны со всей определенностью ответить на вопрос: какова была историческая цена европейского прогресса и процветания? Известно, что десятки стран Африки Азии и Америки были варварски завоеваны и превращены в колонии. Без грабительской эксплуатации покорённых народов Европа не могла бы утвердить себя как успешная цивилизация, не могла бы добиться полноценного развития производительных сил.

Похоже, однако, на то, что на рубеже XX-XXI веков западный мир во многом исчерпал свой прогрессивный цивилизационный потенциал. Идеи свободы, нравственного прогресса, человеческого совершенствования, уважения к народным религиозным традициям выброшены за борт. Сегодня, когда Европа обнажила свою тоталитаристскую ипостась, свою склонность к неофашистским установкам, когда практика «отмены» русской культуры и общечеловеческих ценностей стала нормой, когда полились потоки лжи, русская душа испытала своего рода психологический шок.

Где свобода слова, независимая пресса, критическое мышление, культура диалога? Ведь этими достижениями всегда так гордился Запад. Европейские страны всегда отличались своим рационально-

прагматическим подходом. Но сегодня похоже на то, что Европа лишилась не только рассудка, порой ей не хватает даже здравого смысла. Нередко санкции, которые на Западе вводят против нас, приносят больше вреда европейским экономикам, чем России. Но это не останавливает правящую верхушку. Нормальное здоровое общество не могло бы позволить себе подобное самоунижение. В конце концов, глядя на всё это, русский дух взбунтовался. В 60-е годы прошлого века наши диссиденты шутили: «Запад загнивает, но так хорошо пахнет». Сегодня мы, бывшие шестидесятники, скажали бы: «Запад загнивает и дурно пахнет».

На наших глазах формируется новое русское сознание. В чём его суть? Эскизно можно выделить несколько моментов.

1. Осознание всей глубины цивилизационного разлома Россия – Запад, осмысление негативных аспектов западной системы ценностей, критика практики неокOLONиализма и тоталитаризма правящих элит ведущих европейских стран.

2. Переосмысление исторического прошлого России как особой самодостаточной цивилизации с ее уникальной аксиосферой.

3. Выстраивание новой модели российской цивилизации, адекватной современным вызовам истории в свете важнейших тенденций глобализирующегося мира.

4. Глубокое осознание роли вековых традиций народов России и их значимости для современного этапа развития нашей страны. Возвращение нашего национального самосознания к «духу консерватизма», сочетаемого с пафосом инновационных подходов во всех сферах нашей жизни.

5. Осознание современного смысла «всечеловечности» русского духа, гармонично сочетающего в себе единство национальных и универсальных общечеловеческих ценностей.

6. Понимание того, что российская цивилизация не отгораживается от европейского мира глухой стеной, но будет твёрдо отстаивать принципы равноправного и взаимовыгодного сотрудничества во всех сферах человеческой жизнедеятельности.

7. Новое русское сознание формируется не на пустом месте. В своём становлении оно прошло долгий путь исканий и прозрений, начиная со славянофилов, Достоевского, Ильина, Данилевского и заканчивая критикой социальных язв западного мира в работах марксистов.

Русский дух восстал против кликушествовавшего Запада. В наглом и вероломном расширении НАТО на Восток - к российским границам - мы с полным основанием усматриваем угрозу нашему цивилизационному бытию. Осознание этой угрозы пришло не сегодня, а в сущности, с того самого момента, как началась западная экспансия. Об этом писали и говорили многие российские деятели в сфере политики, культуры, науки ещё с конца прошлого тысячелетия. Критическая оценка западной стратегии в отношении России давалась и на политико-дипломатическом уровне в течение последних двух десятилетий, но Запад никак не реагировал на нашу законную озабоченность. Шли годы, а страны НАТО лишь наращивали свои усилия в военно-стратегическом отношении.

Я позволю в качестве исторической справки привести отрывок из своей книги начала XXI века «Славянское древо. Книга Судеб». Этот отрывок передаёт атмосферу раздумий и переживаний нашей общественности того времени: «Разве открытое, наглое и вероломное приближение к границам СНГ - вопреки протестам России - не есть стратегическая война по технологиям XXI века? Разве могли позволить себе натовцы что-либо подобное до 85-го года? Приближение НАТО на один километр немедленно вызвал бы адекватно реакцию. А это означало бы мировую термоядерную войну. Значит, сорок лет тому назад западные стратеги отлично понимали, что всякий «сдвиг» НАТО— это не миротворческая акция, а война. Теперь же они полагают, что если НАТО приблизится к России и на тысячу километров, то никакая это не война, это – «стратегическое партнёрство». Логика здесь такова: если вам никто не может дать сразу по зубам, значит это вовсе не интервенция, просто сильный берёт то, что считает нужным [3, с. 174-175].

Сто лет назад О. Шпенглер в своей знаменитой книге «Закат Европы» пророчески предсказал возможность негативного развития западной культуры. С тех пор процессы культурной деградации постоянно нарастали. И если ещё сто лет назад признаки этой деградации мог заметить только гений, то *сегодня* данный феномен представляется очевидным для любого здравомыслящего и непредвзятого человека.

Но сегодня мы не просто до конца осознали цивилизационные вызовы глобального мира; наступил момент для решительного ответа на эти вызовы. Да, русский дух взбунтовался. Но восстание русского духа во все времена означало, что перевёрнута новая страница в мировой истории. Так было всегда, когда нам приходилось вставать на защиту нашей духовности, нашей целостности и независимости. 24 февраля 2022 года произошла новая «февральская революция» и, в сущности, начался XXI век в историческом смысле этого слова. Мы оказались перед лицом *новой исторической реальности*. В этой ситуации Россия, по мнению Запада, пошла на нечто неслыханное: она присвоила себе право предлагать миру принципиально другую систему ценностей, другую историческую и социокультурную перспективу глобального обновления.

Русский мир как альтернативный исторический проект с неизбежностью вынужден вступить в цивилизационной битву за сохранение тех национальных и общечеловеческих ценностей, которые в ряде стран так планомерно разрушаются на наших глазах. Мы наблюдаем процесс расчеловечивания человека и его родовых сущностных определений, его ценностных установок и целеполаганий. В этом смысле наш духовный бунт – это катализатор нравственного и социокультурного преобразования постглобального мира. Тотальная ложь, охватившая современный Запад, становится способом разрушения онтологии человека. В этом контексте мы вынуждены взять на себя и другую задачу – очищения российской цивилизации от ценностной эрозии, порождаемой псевдолиберальным Западом. 30 лет после разрушения СССР мы поклонялись так называемым демократическим ценностям. Довольно обширные слои населения стали, как говорил в известной басне С. Михалков, с умилением глядеть на заграничные наклейки, и при этом не только «есть русское сало», но и, пользуясь беспечностью государственных чиновников, сомнительным путем вывозить за рубеж нажитые миллионы и миллиарды рублей.

Думаю, что первый шаг построения новой модели Русского мира – это прежде всего глубокая реформа всей системы образования, связанная с внедрением практики духовно-нравственного воспитания обучающихся. Следующий шаг – это решительное сокращение нетерпимого разрыва между богатыми и бедными. Известно, что наша национальная идея исторически тесно связана с принципом соци-

альной справедливости и понятием соборности. Всё, что противоречит этому, должно быть искоренено из нашего социокультурного бытия. Наконец, необходимо перейти к новой экономической системе: от догоняющей модели хозяйствования к опережающей.

6. Кто победил в холодной войне?

Ведущие американские политики часто хвастаются тем, что США победили СССР в холодной войне. Как мы – россияне – относимся к заявлениям подобного рода? Внятного ответа на этот вопрос ни в прессе, ни в политологических исследованиях найти трудно. Поскольку развал нашей страны – это исторический факт и поскольку открытое и тайное участие в этом деле Америки общеизвестно, то невольно закрадывается мысль: а может быть, янки действительно нас победили? Если вопрос о «победителях» остается в тени, то, похоже, все согласны с тем, что холодная война кончилась и что это – важный фактор стабильности современного мирового развития. Впрочем, в последние годы можно наблюдать очевидные рецидивы прошлого. Информационная война, которую развязал Запад против России, по накалу и разнообразию технологий нередко превосходит давление Запада на нашу страну в эпоху социализма. Однако, не об этом речь.

Сегодня нам – россиянам – нужно в полной мере осознать, что произошло с нашей страной в контексте указанной проблемы в приснопамятном 91-ом. Пришло время осознать и сделать соответствующие выводы цивилизационного характера, извлечь для себя исторические уроки. Прошло более 30 лет, как с нами случился социальный катаклизм, а четких оценок произошедшего все еще нет. И дело не только в том, что на этот счет существуют разные, подчас противоположные точки зрения. Некоторые аспекты проблемы вообще остаются как бы вне фокуса нашего культурно-исторического самосознания. И я снова возвращаюсь к вопросу: кто победил в холодной войне, а кто потерпел поражение? И чему учит современная история? И способны ли мы как отдельная цивилизация учиться на своих ошибках?

Интервальный подход учит: любой предмет, явление, событие следует рассматривать в разных плоскостях и смысловых горизонтах, особенно, если речь идет о сверхсложных, многомерных объ-

ектах. Очевидно, что распад СССР как геополитическая катастрофа и как внутрицивилизационная народная трагедия представляет собой сверхсложное событие. Поэтому в этом вопросе любой одномерный, одноплоскостной подход сужает наш взгляд на реальность и искажает картину исследуемого явления. Запад навязал нам свой односторонний взгляд на произошедшее. Чтобы понять ситуацию глубже, мы должны вспомнить некоторые моменты предистории проблемы.

В чем заключалась главная интрига и основной нерв холодной войны? Западная пропаганда посредством «вражеских голосов» в течение десятилетий пыталась внушить советскому народу (особенно интеллигенции и молодежи) идею о том, что в СССР отсутствует подлинная демократия, свобода слова, печати, собраний и т.п. Но, по правде говоря, всё это и не нуждалось в особых доказательствах, если иметь в виду те слои населения, которые относили себя к числу «инакомыслящих». Здесь не место детально анализировать археологию русского духа того времени, включая такой его элемент, как диссидентское сознание, но на некоторые ключевые моменты все же стоит обратить внимание. Советские диссиденты были убеждены в том, что у нас нет подлинной демократии, что наши выборы не соответствуют демократическим стандартам, которые приняты на Западе.

Большинство инакомыслящих, конечно, искренне любили свою страну, но они оказались в плену трех ложных допущений: 1) существует некая идеальная, обязательная для всех стран модель демократии, 2) западным странам в общем и целом удалось воплотить в жизнь полноценную систему демократии, 3) в СССР выстроить реальную демократическую традицию не удалось. И в этой ситуации возникал естественный вопрос: а разве социалистическая система в своей основе, в своем замысле как цивилизационном проекте исключает демократические начала общественной жизни и разве нельзя строить «социализм с человеческим лицом»? Между тем, наш опыт взаимоотношений с Западом в последние десятилетия показал, что, во-первых, западная система демократии есть по большому счету пропагандистский миф, во-вторых, практика народовластия при социализме отнюдь не была сугубо формальной, она имела в ряде отношений вполне зримые позитивные черты и достаточно конкретные формы.

Критически мыслящие слои нашего общества вместе с тем прекрасно видели, по крайней мере, три изъяна системы: 1) идиосинкразия к инструментам рыночной экономики, 2) боязнь партийных верхов последовательной демократизации всех сфер жизни, 3) нарастающее влияние массовой культуры и идущего с Запада потребительского сознания среди молодежи. В воздухе носилась идея перемен. Цивилизационная модернизация страны была объективной потребностью нашего дальнейшего развития. В этом контексте многие возлагали надежды на «горбачевскую перестройку». Значительная часть народа, его наиболее активное звено искренне поверили в фундаментальную значимость для нашей модернизации западных гуманистических ценностей, в возможность всеобщего разоружения и прочного мира между народами. Новое руководство страны пошло на политические и военно-стратегические уступки Западу, демонстрируя нашу решимость принять новую систему ценностей и новую модель экономического уклада.

Чтобы убедить Запад в серьезности наших устремлений к универсальным, общечеловеческим принципам, мы решились на беспрецедентные шаги: объединение Германии, роспуск Варшавского договора, одностороннее сокращение вооружений и др. При этом наша страна ожидала соответствующих шагов Североатлантического блока. У западного мира тем самым появился редкий исторический шанс - наконец-то, идя навстречу СССР, установить подлинный мир на нашей планете. Однако вместо этого политическая элита Европы и США выбрали прямо противоположную стратегию: руководство НАТО решило воспользоваться моментом и вопреки заверениям, стало расширять границы военного блока на Восток.

Какой же логикой руководствовались лидеры России в своих договоренностях с Западом? Мы действовали по логике *универсального*, по логике исторической справедливости и равной безопасности. Власти США неоднократно заверяли нас том, что они в данном вопросе действуют в унисон с Россией, стремясь ко всеобщему миру и разоружению. Но на деле они преследовали сугубо корыстные цели. Следует особо подчеркнуть, что все решения, которые были приняты руководством нашей страны по вопросам

разоружения и упрочения мира между народами, носили сугубо добровольный характер без всякого внешнего принуждения, исходя из внутренних убеждений. При этом важно, что эти убеждения вовсе не были иллюзорными или ошибочными, а основывались на общечеловеческих принципах всеобщего разоружения, равенства всех народов и стран, мирного сосуществования и др. В сущности, названные принципы так или иначе составляют важную часть тех постулатов, которые лежат в основе Устава ООН. Эти принципы были справедливы и в те годы, и в наше время. Почему же надо считать, что наша решимость *практически реализовать данные принципы*, это поражение России в холодной войне? По существу, фундаментальные соглашения с Западом того времени – это реализация четкой программы, направленной на всеобщее разоружение и на прочный мир между народами, которую мы предлагали в течение многих послевоенных лет. Вместе с тем, наши договоренности с Западом представляли собой своего рода *experimentum crucis* (решающий эксперимент), который четко высветил подлинные цели и стратегии той и другой мировой системы. Стремление к всеобщему миру и сотрудничеству на основе взаимовыгодного доверия – с одной стороны, вероломство, политическое надувательство – с другой.

Один американский аналитик, касаясь итогов холодной войны, недавно заметил: мы не выиграли у русских, а обманули их. Сказано довольно точно. Перед нами действительно глобальный обман. Но обман такого масштаба – это всемирно-исторический позор Запада, а позор никогда не считался победой. Действительно, говоря по большому счету, мы не проиграли, а выиграли холодную войну. Сами того не желая, мы осуществили глобальный нравственный эксперимент: нам удалось на практике установить, чего стоит западно-европейская элита в своих уверениях в миролюбии, в своей преданности гуманистическим ценностям, в деле установления мира между народами. Бросив нравственный вызов Западу, мы победили не силой оружия, а силой морального духа. Таков взгляд нашего общества на проблему, если смотреть на нее с общепланетарной точки зрения. Это не исключает того, что у нас есть видение этой проблемы и «изнутри». И в этом измерении у наших людей есть законные претензии к политической наивности таких фигур как Горбачев или Ельцин.

Можно сказать, что победа Запада в холодной войне, если и имела место, то целиком относится к чисто тактическому аспекту. Но очевидно, что европейская элита потерпела поражение в духовно-нравственном измерении. Но именно это измерение является в конечном счете определяющим при оценке хода человеческой истории. Вспомним, что победа СССР над фашистской Германией была не только военной, но и идейно-нравственной: абсолютное добро победило абсолютное зло, каким был и остается в наши дни фашизм как идеология и система ценностей. Абсолютное добро, победившее коричневую чуму, всегда ассоциировалось в самосознании народов нашей великой страны с именами таких полководцев и маршалов Победы, как Сталин и Жуков, Рокоссовский и Конев, Баграмян и Говоров, равно как и с именами многих других героев тех лет.

Специальная военная операция, которая проводится сегодня на Украине, – это, прежде всего, продолжение борьбы с набирающей силу неонацистской идеологией, борьба с последствиями того обмана Западом России, который связан с агрессивными планами НАТО в его продвижении к нашим границам.

Новое русское сознание вызывает сегодня благодаря тому, что народы нашей страны на своем историческом опыте стали сегодня лучше понимать, какова подлинная цена и каков реальный смысл западной системы ценностей, каков характер западной демократии и политического устройства. В свете этого, открывается и новый горизонт видения будущего. Долгий идейный спор западников и славянофилов (начиная с Пушкина и Чаадаева и заканчивая Прохановым и Сванидзе) с точки зрения эволюции нашего национально-самосознания завершен. Появление нового русского сознания означает, что перевернута очередная страница всемирной истории. Западная мечта о «конце истории» не сбылась. Драма мирового хода событий продолжается, и первый акт этой драмы – восстание русского духа, дерзновенность которого будет еще долгим эхом отзываться в жизни других народов и государств. Наш бунт против «империи лжи», против бездуховности и потребительского сознания, против коммерциализации науки, образования и искусства

предлагает формирование нового образа жизни, пронизанного духовно-нравственным началом. Он имеет особую значимость не только с точки зрения нашего внутреннего цивилизационного развития, но и во всепланетарном масштабе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панарин А. С. Искушение глобализмом. М.: Изд-во «Эксмо», 2003. – 415 с.
2. Муза Д. Е. Русская цивилизация в условиях стратегической нестабильности. М.: Канон+ РООИ, 2020. – 288 с.
3. Лазарев Ф. В. «Славянское древо. Книга судеб». – Симферополь: «СОНАТ». 2003. – 247 с.
4. Фергюсон Н. Цивилизация: Чем Запад отличается от остального мира. М.: АКТ: CORPUS. 2014.

УДК 124.51

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИХ РАЗВИТИЯ (ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД)

OBJECTIVE FOUNDATIONS OF ETHICAL SYSTEMS AND PROSPECTS FOR THEIR DEVELOPMENT (INFORMATION AND COMMUNICATION APPROACH)

Габриелян Олег Аршавирович

д-р филос. наук, профессор, г. Симферополь,

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского,

заведующий кафедрой философии

Gabrielyan Oleg Arshavirovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Simferopol, V. I. Vernadsky

Crimean Federal University, Head of the Department of Philosophy

Аннотация. Рассмотрены объективные основания этики как системы. Предложен информационно-коммуникативный подход к ее исследованию. Показано, что по аналогии с естественным языком онтологическим основанием этической системы выступает информационно-коммуникативная сре-

да. Обосновано, что этическая система может исследоваться путем построения ее формальной нейросетевой модели. Последняя позволяет интерпретировать ее как надличностную систему, формирующуюся в процессе коммуникации членов сообщества. Более того, выдвигается и обосновывается тезис о том, что эволюция человека будет происходить в направлении формирования этики как третьей сигнальной системы. Иных регуляторов социо-природного поведения человека не просматривается. В этом направлении человечеству необходимо будет выйти на уровень макроцивилизационных субъектов и позже на уровень самоидентификации себя как человеческой цивилизации с единой этической системой или согласованной на уровне межцивилизационной интеграции.

Annotation. The objective foundations of ethics as a system are considered. An information-communicative approach to its study is proposed. It is shown that, by analogy with natural language, the ontological basis of the ethical system is the info-communication environment. It is substantiated that the ethical system can be studied by building its formal neural network model. The latter allows us to interpret it as a transpersonal system that is formed in the process of communication between members of the community. Moreover, the thesis is put forward and substantiated that human evolution will take place in the direction of the formation of ethics as the third signal system. No other regulators of socio-natural human behavior are visible. In this direction, humanity will need to reach the level of macrocivilizational subjects and later on the level of self-identification as a human civilization with a single ethical system or coordinated at the level of intercivilizational integration.

Ключевые слова: этическая система, нейросетевая модель, надличностная структура, модель, сигнальная система, информационно-коммуникативная среда.

Keywords: ethical system, neural network model, transpersonal structure, signal system, info-communication environment.

Этическая система складывается в процессе взаимодействия людей в обществе. Как и язык, она онтологически бытийствует в информационно-коммуникативной социальной среде.

Под этической системой мы подразумеваем систему нравственных и моральных принципов, которые сформировались в том или ином обществе. В обществе они осуществляют регуляцию отношений между людьми. Очевидно, что эти принципы имеют вполне объективные основания, хотя складываются в процессе социального

взаимодействия конкретных людей (различных субъектов) на протяжении длительного времени.

Этика как философская рефлексия рассматривала, прежде всего, следующие фундаментальные экзистенциальные проблемы: критериев добра и зла; смысла жизни и назначения человека; свободы воли; должного и его отношение с естественным желанием счастья.

Этика как свод неписанных правил призвана разрешать перманентно возникающие в социуме конфликты и проблемы различного уровня. В этом заключается основная значимость этической системы. Ее гибкость есть ее главное преимущество в социальных отношениях. Часть ее правил со временем может быть зафиксирована в правовых кодексах. Здесь они становятся более четкими по определению и исполнению, но при этом теряют ту гибкость, которая необходима в культуре социального общения.

Отмеченные особенности этической системы очень схожи с естественным языком общения. Тот же онтологический информационно-коммуникативный статус, та же гибкость в повседневном общении, аналогичная фиксация в грамматике.

Эти системы, как и многие другие представляют собой надличностные структуры, хотя ее непосредственными носителями являются конкретные члены общества. Сегодня есть инструменты формального описания этической системы, в частности, нейросетевое моделирование [1, 2]. Первые интересные результаты формализации этической системы были получены В. А. Лефевром. В частности, это позволило ему выделить две различные этические системы, которых придерживаются различные народы [3]. Главная мысль нашего утверждения заключается не только в фиксации надличностного характера этической системы, но и в возможности ее научного исследования.

Этическая система, понятая описанным образом, представляет собой важный (каркасный) компонент формирующейся ноосферной реальности, которую можно охарактеризовать как информационно-коммуникативную среду. Вспоминая надежды В. И. Вернадского, которые он возлагал на разум человечества, сегодня можно говорить об этих идеях выдающегося естествоиспытателя в ином ракурсе. Как просветитель и гуманист В. И. Вернадский верил в разумное начало человека, которое должно менять этику его поведения и, как следствие, социальное устройство мира. «Идея об едином государствен-

ном объединении всего человечества становится реальностью только в наше время, и то, очевидно, становится пока только реальным идеалом, в возможности которого нельзя сомневаться. Ясно, что создание такого единства есть необходимое условие организованности ноосферы, и к нему человечество неизбежно придет» [4, стр. 324].

Эта, по сути, вера в идею прогресса великих деятелей Просвещения, к сожалению, себя не оправдала. Она сгорела в двух мировых войнах, когда научно-технические достижения человечества были использованы для уничтожения миллионов людей. Поэтому следует искать обоснование иных объективных условий и характеристик, когда этическая эволюция человека, становится необходимым условием развития самой природы. При таком подходе человек рассматривается как природное явление, и он находится с ней в коэволюционном процессе.

В этом процессе собственно сама эволюция человека прошла пять энергетических оптимизаций (гастрономическую, механическую, демографическую, мнемотическую, геронтологическую): 1. физиологическая оптимизация (обработка грубой пищи на аутсорсинг – эволюция челюсти и кишечного тракта); 2. оптимизация мышечной работы (тяжелый физический труд на аутсорсинг – одомашнивание животных, создание механизмов для использование внешних природных сил); 3. оптимизация воспроизводства популяции (низкая рождаемость при низкой смертности на аутсорсинг – «ребенок под ключ»); 4. когнитивная оптимизация – ДИК-тренд (дигитализация (цифровизация), интернетизация, когнитивизация (ИИ) на аутсорсинг часть интеллектуальных задач); 5. квалификационная оптимизация (сложные компетенции – аутсорсинг – клиповое сознание – образование как система не квалификаций, компетенций) [5, стр. 158-173].

На каждом этапе отмеченной эволюции, вслед (точнее когерентно) за объективными изменениями социальной жизни, то есть сменной онтологии Ното и информационно-коммуникативного взаимодействия, менялась и этическая система.

В настоящее время человечество находится в точке бифуркации. Но до нее мы в информационно-коммуникативном плане эволюционировали путем качественного перехода от первой сигналь-

ной системы ко второй. Вот общепризнанное краткое описание этой эволюции.

Сигнальные системы – это системы условных связей, объединяющие первую (сенсорную) и вторую (понятийную) системы сигналов в головном мозге, обеспечивающие адекватное приспособление к окружающей среде. Обе системы работают во взаимодействии, воспринимая сигналы из внешнего мира, причем первая сигнальная система есть у человека и животных, тогда как вторая сигнальная система есть только у человека. Понятие «сигнальной системы» введено И. П. Павловым. В 1932 он определяет понятие «сигнальной системы» как центральное в своем учении о закономерностях работы головного мозга. Принципы «сигнализации» действуют начиная с простейших организмов и далее все больше усложняются в процессе эволюции. Возможность своевременно и адекватно реагировать на «сигнал» окружающей среды является вопросом выживания. Для удовлетворения жизненно важных потребностей организма сигналами могут служить практически любые природные агенты (звук, запах, зрительный образ), так формируется первая сигнальная система, общая для человека и всех живых организмов. Качественное отличие человека от животных заключается в появлении в процессе эволюции второй сигнальной системы, обобщенной сигнализации - речи.

Первая сигнальная система описывается И. В. Павловым следующим образом: «Это то, что и мы имеем в себе как впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды, как общеприродной, так и от нашей социальной, исключая слово, слышимое и видимое. Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными» [6, с. 335-336]. Для него вторая сигнальная система – это система условно-рефлекторных связей в головном мозге человека, где условным раздражителем является слово, речь. Она возникает на основе первой сигнальной системы в процессе общения между людьми. Именно вторая сигнальная система является регулятором высшей нервной деятельности, основой письменной и устной речи, абстрактно-логического мышления.

В процессе эволюции животного мира на этапе становления и начального развития вида *Homo sapiens* произошло качественное видоизменение системы сигнализации, обеспечивающей активное и коллективное адаптивное приспособительное поведение человека к

окружающему миру и природному, и социальному. Используя вторую сигнальную систему, люди научились не только коммуницировать и передавать друг другу информацию, но и накапливать ее, обрабатывать, сохранять и передавать ее из поколения в поколение сначала в устной форме, а потом и в письменной.

В своей работе «О начале человеческой истории» известный палеопсихолог Б. Ф. Поршнев осуществил глубокий анализ процесса формирования человека, его речи и сознания [7]. Биопсихологические и социальные условия формирования структур мозга (неокортекса) и образование языков подвергнуты с конца XIX в. глубокому анализу антропологами, а также лингвистами в связи с изучением европейской наукой санскрита и с появлением сравнительного языкознания.

Речевое общение человека это не просто восприятие сигналов (слов), это понимание их значения и смысла. Речь как вторая сигнальная система, выступает как семиотическая система значимостей. Вторая сигнальная система и память составляют одно целое. Благодаря речи мир человека «удваивается», слово позволяет мысленно оперировать предметами даже в их отсутствие. Сознание человека осуществляет целостное восприятие окружающего мира в понятиях.

Приведенный выше беглый экскурс в историю эволюции сигнальной системы был необходим, чтобы обратить внимание на ее принципиальную значимость. Развивая эту эволюционную линию, мы утверждаем, что формируется третья сигнальная система – этика как надличностная структура. Именно она трансформирует человечество в фундаментально новый формат – *Homo Deus* [8]. Иначе он исчезнет, самоуничтожится, и природная эволюция будет искать новые пути развития.

Homo Erectus (труд) - *Homo Sapiens* (труд, речь, социальность) – *Homo Deus* (продолжение эволюции – добавляется новая материальность – информационно-коммуникативная среда, надличностные структуры – аутсорсинг интеллекта, регулятор - этика как надличностная структура). В этом направлении произойдет качественный переход, на этом будет основана новая онтология человечества.

Социальное не из чего вывести как только из биологического, но оно к нему не сводится. Эта первая антиномия. Из социального ро-

дится третья сигнальная система – этика человеческого поведения. Эта вторая антиномия. Решение их лежит в нейросетевой модели, объясняющей формирование надличностных структур.

Иные регуляторы социо-природного поведения человека не просматриваются. В этом направлении человечеству необходимо будет выйти на уровень макроцивилизационных субъектов и позже на уровень самоидентификации себя как человеческой цивилизации с единой этической системой или согласованной на уровне межцивилизационной интеграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Suleimenov I.E., Vitulyova Y.S., Bakirov A.B., Gabrielyan O.A. Artificial Intelligence: what is it? // Proceedings of the 2020 6th International Conference on Computer and Technology Applications (ICCTA '20). Association for Computing Machinery, New York, NY, USA, 22–25.
2. Gabrielian O., Suleimanov I., Vituleva E. Artificial Intelligence in the context of noosphere studies // International Scientific Conference “Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism”// The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2019.12.04.130>
3. Лефевр В. А. Алгебра совести. - М.: Когито-Центр, 2003. – 426 с.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 576 с.
5. Градировский С. 120-летний человек, пьющий 30-летнее вино //14 лекций о будущем / АСИ. — Екатеринбург: Издательские решения, 2017. — Т. 3. — 282 с. — (Серия 02. Russian Future: что будет?), стр. 158-173.
6. Павлов И. В. Полное собрание сочинений. 2 изд., т. 3, кн. 2, 1951.
7. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) – СПб.: Алетейя, 2007. – 720 с.
8. Харари Ю. Homo Deus. Краткая история будущего. – М.: Изд-во «Синдбад», 2019. – 496 с.

УДК 124.51

«ПРАКТИЧЕСКОЕ» КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

"PRACTICAL" AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Воеводин Алексей Петрович

д-р филос. наук, профессор,

*г. Луганск, Луганская государственная академия культуры и искусств
им. М. Матусовского, заведующий кафедрой культурологии*

Voevodin Alexey Petrovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,

*Lugansk, Luhansk State Academy of Culture and Arts named after
M. Matusovsky, Head of the Department of Cultural Studies*

Аннотация. Практическое может рассматриваться двояко – как целесообразная чувственно-предметная деятельность (ее структура, соответствующие условия субъекта деятельности) и как практичность, ценностная значимость целесообразной деятельности. Обращается внимание на несостоятельность умозрительной теоретической методологии в сфере праксеологической аксиологии и необходимость построения адекватной модели аксиологического мышления.

Annotation. The practical can be considered in two ways – as an expedient sensory-objective activity (its structure, the corresponding conditions of the subject of activity) and as practicality, the value significance of an expedient activity. Attention is drawn to the inconsistency of speculative theoretical methodology in the field of axiology and the need to build an adequate model of axiological thinking.

Ключевые слова: практическое, целесообразное, ценностное.

Keywords: practical, expedient, valuable.

1. Человек изначально *activa persona* - существо деятельное. С середины 19 века это утверждение стало аксиоматическим, вошло в плоть и кровь философской антропологии. В известном смысле оно соответствует онтологической категории «движение», является его видовой спецификацией, неотъемлемой характеристи-

кой известных форм жизни. Как особый тип негэнтропийного телеологического самодвижения деятельность присуща всем живым организмам. Ее существенными признаками являются избирательное и активное использование информации в целях самосохранения и самовоспроизводства биологических и социальных систем. Самоуправляющаяся система, какой, несомненно, является живой организм, в своей самоорганизации самодвижения основывается на непрерывном «познании» и «оценки» среды и себя. А это значит, что живой организм, представляет собой самодвижущуюся информационную систему. Общество не составляет исключения и также представляет собой информационный процесс, однако социальные виды человеческой деятельности принципиально отличаются от биологической жизнедеятельности животных, и поэтому их со времен К. Маркса принято именовать практикой: «Общественная жизнь является по существу практической» [1].

2. Термин «практическое» означает все то, что важно для практики, а в широком смысле слова то, что важно для жизни человека. Из этого следует, что практическое необходимо рассматривать в двух важных аспектах. Прежде всего, практическое означает материальное взаимодействие вещей, чувственно-предметную деятельность, или деятельность человека с вещами. Практическое это такое материальное взаимодействие вещей, которое сознательно организуется человеком. Этот традиционный для отечественной философии смысл термина «практическое» неразрывно связан со вторым смыслом – «практичностью» - жизненным значением этого взаимодействия для человека, его ценностью, а глубже, целесообразностью. Важность различения этих смыслов обусловлена тем, что в европейской философии они зачастую смешиваются. В большинстве своем практическое понимается как субъективный опыт чувственной деятельности, прагматизм же сводит его к полезности и рассматривает практический успех и сопровождающее его субъективное удовольствие в качестве критерия истины. Важно также отличать философский анализ практического как предметно-материального и целесообразно-аксиологического процесса от чрезмерно широкого толкования его виртуального инобытия в спекуляциях «практической философии».

3. Целесообразная деятельность - субстанциальная основа, сущностный закон бытия человека. Само слово «человек» в арабской транскрипции [صل س#ил "постигай, соединишься", и وكي вака: "завязывать",

"полагать"] - буквально значит «целеполагающий». На основании одной только этимологии можно считать, что целеполагание – главное в человеке. Это его основная функция. Лишившийся цели человек перестает социально действовать, а значит, и существовать как человек. Он становится «живым трупом». Если он и живет, так только доживает [2]. Целесообразная организованность всей жизни определяет вектор неустанного человеческого движения. Лишённый организующего разумно-целенаправленного начала, индивид оказывается лишь бессвязным набором эмпирических действий.

Но целенаправленная деятельность есть и у животных. Отличие человеческого целеполагания от телеологической деятельности животных состоит в опосредованности его действий второй сигнальной системой. Возможность *свободного целеполагания* и психологического моделирования схем практических действий связана с замещением в психике индивида вещей образами и словами (знаками), которые, вопреки вульгарному детерминизму некоторых ученых, оказываются *вне причинно-следственного поля взаимоотношения нейронов мозга и человеческого* (целесообразно-практического и гносеологического) *смысла* чувственных образов реальных вещей. Смысловое и грамматическое соотношение слов в языке, равно как и образов в искусстве и религии, принудительно определяется грамматическими и целесообразными связями, а вовсе не причинными закономерностями. Изучение таких связей составляет главную заботу и предмет культурологии и гуманитарных дисциплин.

4. Социальную целенаправленность человеческой деятельности следует отличать от природной целесообразности. Решающее отличие здесь, как уже было отмечено, состоит в знаково-символическом проектировании плана социального действия или социального закона деятельности. *Структура целенаправленной человеческой деятельности*, как *подлинный предмет «практической философии»*, включает в себя: 1) интерес или цель – *гносеологический* образ желаемой вещи или процесса; 2) предмет преобразования; 3) необходимые материальные ресурсы – вещество, энергия, время, пространство; 4) необходимые интеллектуальные ресурсы – понимание (или знание) устройства изменяемой части мира (объекта деятельности); 5) необходимые аксиологические ресурсы – идеологические пред-

ставления о социальных ценностях, обширная сфера социальных чувств; 6) социальный (культурный) опыт – образцы, нормы и правила человеческого мышления, чувствования и человеческой деятельности; 7) имеющиеся артефакты – средства и технологии, орудия мышления и практической деятельности; 8) виртуальное (знаково-символическое) представление о непосредственной технологии (сценарии, способе) реализации интереса и достижения цели (успешность деятельности зависит от знания законов и, соответственно, технологически рационального сочетания предмета преобразования и средств ради достижения цели. Знание технологии создает протенциальное ощущение предвкушения успеха и уверенности в достижении цели); 9) способность контролировать (оценивать) сообразность совершаемых действий реализации намеченной цели; 10) движущее человеческую активность желание (*аскиологический* образ цели, социально сформированную эмоцию). Таким образом, целенаправленность человеческой деятельности составляет сущностный способ социального бытия, фундаментально неустранимую основу, социальный закон практической деятельности. Категория цели занимает центральное место в характеристике акта любой, в том числе и познавательной, человеческой деятельности, поскольку именно сообразно цели сфокусированы и (техно)логически согласованы все прочие компоненты структуры деятельности, в том числе и слова данного текста [3, 6-7].

5. Осуществление целесообразной деятельности требует от *субъекта* деятельности наличие минимум трех условий, а именно: 1) объективных *знаний* устройства действительности и рецептурной технологии достижения целей, 2) *умений и навыков* целесообразной деятельности и 3) *желаний*, мотивационных основ деятельности. Социальное движение первоначально зарождается в эмоционально окрашенных ценностных желаниях-представлениях индивидов, затем семантически (знаково-виртуально) моделируется в образе целерациональных планов (виртуальных культурных проектов-представлений о технологических сценариях и правилах) достижения желаемых целей и лишь после волевого принятия решения о действии результативно «опредмечивается», то есть объективируется, становится внешне материальным, предметно реализуется в совместной согласованной деятельности множества людей. При этом следует постоянно помнить, что социальная эмоция как неотъ-

емлемый элемент мотивационно-волевой сферы является источником, движущей силой, корректирующим механизмом и конечной целью социального действия. Ни одно социальное действие как собственно человеческое действие не совершается без участия социальных эмоций. С известной долей правоты можно утверждать, что для *социального действия эмоции значат куда больше, чем мышление*, о чем свидетельствуют многочисленные примеры социальных манипуляций, («цветных» революций), в которых социальная эмоция рассматривается в качестве главного неотъемлемого элемента социального действия и его закона.

6. Понимание роли эмоций в социальной деятельности выдвигает на первый план аксиологический аспект практической деятельности. Причем не только в рамках узкой утилитарной парадигмы «полезно – вредно», но во всех сферах социальной активности людей и, прежде всего, в основных сферах «духовно-практической» деятельности – эстетической, политической, религиозной, а главное, моральной. Сложность здесь в том, что ценностные смыслы могут быть представлены в сознании двояко – логическими средствами и эмоционально. Этот бесспорный факт до сих пор составляет значительную проблему для теоретической интерпретации. Теоретическая трудность в познании ценностных смыслов состоит в том, что в условиях доминирования рационализма «практическая философия» не видит принципиального отличия логического и чувственно-эмоционального способов рефлексии социальных ценностей, гносеологического и аксиологического типов мышления. Исследования по аксиологическим проблемам традиционно излагаются в гносеологическом ключе, в масштабах универсализма родовидовой логики, а не в рамках аксиологической целерациональности. Результаты его катастрофические. Об этом красноречиво говорит факт теоретического бессилия традиционного панрационализма в сфере этики и эстетики, о чем свидетельствуют парадоксальные выводы И. Канта, Дж. Мура, Л. Витгенштейна. Выходом из теоретического тупика может служить предлагаемое Аристотелем наблюдение о разнообразных видах мышления – *theoria*, *techne* и *fronesis*, где «рассудительность» (*fronesis*) рассматривается как адекватный целесообразной деятельности практический способ мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Электронный ресурс. – Режим доступа: <https://www.politpros.com/library/14/24/>
2. См.: Вашкевич Н.Н. Системные языки мозга. // Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://nnvashkevich.narod.ru/kng/SYSJAZ2007/sysiazKON.html>
3. Воеводин А. П. Социальный закон. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 3. С. 3–17.

УДК 140.8

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ

POSTMODERNISM AND MODERN RUSSIA

*Рамазанов Сергей Павлович**д-р исторических наук, профессор,**г. Волжский, Волжский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Волгоградский государственный университет», ведущий научный сотрудник отдела научной и международной деятельности.**Ramazanov Sergey Pavlovich**Doctor of Historical Sciences, Professor,**Volzhsky Branch of Volgograd State University, Leading Researcher of the Department of Scientific and International Activities.*

Аннотация. События, происходящие вокруг Украины, рассматриваются как конец эпохи постмодерна и мировоззрения постмодернизма. Формулируются вопросы, актуальные для понимания перспектив дальнейшего цивилизационного развития Запада и России.

Abstract. The events taking place around Ukraine are considered as the end of the postmodern era and the worldview of postmodernism. Questions are formulated that are relevant for understanding the prospects for further civilizational development of the West and Russia.

Ключевые слова: постмодернизм, Запад, Россия, нацизм, суверенитет.

Key words: postmodernism, West, Russia, Nazism, sovereignty.

Постмодернизм, декларировавший игру со смыслами и плюрализм истин, распространил своё действие из художественного творчества, философии, исторических исследований на реалии политической жизни. В этом контексте хочу сделать несколько замечаний с точки зрения историка на происходящие сегодня события. Наиболее ярко расширение постмодернизма проявилось после февраля 2014 года на Украине. Смысл провозглашенного тогда лозунга «декоммунизации» сводился к переименованию названий улиц и площадей, посвященных советским политическим, военным, культурным деятелям, лидерам коммунистической партии, и игнорированию факта основания Украины лидерами советских коммунистов – Лениным, Сталиным, Хрущёвым, благодаря которым Украина обрела свою современную территориальную целостность. При этом смысл термина «демократизации власти» оказался связан с украинским национализмом, ограничением участия в общественно-политической жизни русского населения, запретом функционирования русского языка. Свобода слова на Украине теперь означает запрет русских теле- и интернет-каналов, русских фильмов, выступлений русских артистов, всего, что противоречит украинскому пониманию демократии. А смысл «революции достоинства» вылился в ношение вышиванок, передаче управления страной американскому вице-президенту Байдену, занявшему кресло главы украинского правительства.

До февраля 2014 года некоторой частью российского общества выходки украинских нацистов воспринимались как игра, даже с привкусом юмора. Но украинские игры со смыслами нивелировались расстрелами на Майдане и сожжением сторонников антимайдана 2 мая 2014 года в Одессе, бомбардировками мирных жителей в Луганске, непрекращающимися артиллерийскими обстрелами Донецка. Наконец, игру в семилетние переговоры, так называемого минского и норманнского процессов, завершили наращиванием Украиной военных действий на Донбассе и начавшейся 24 февраля 2022 года специальной военной операцией России.

Вводимые по нарастающей экономические, финансовые, торговые, культурные санкции против России приобрели однозначный смысл – возрождение и поддержку нацизма на Украине. Можно ска-

зять, что эпоха западного постмодернизма закончилась. В этих условиях в России по-прежнему сохраняются элементы постмодернистского подхода, связанные с игрой со смыслами. Говорится о «западных партнерах», недружественных государствах, что можно трактовать и как приятельские, и как враждебные. А понятие «нацизм» зачастую подменяется понятием «национализм». Россия продолжает играть в переговоры с нацистским режимом Украины, несмотря на многочисленные отказы Украины соблюдать свои обязательства и несоблюдение своих гарантий западными странами. На игру с какими смыслами рассчитывает руководство России, когда в ответ на разрыв контрактов со стороны западных государств говорит о надёжности своего партнёрства, об отсутствии намерений создавать неудобства для Запада?

В России также продолжается постмодернистская игра со смыслами в области образования, формирующей основы мировоззрения человека. Введение «Болонской системы» сопровождалось и продолжает сопровождаться перестройкой структуры образования, переносом акцента с приоритета знаний студента на технократические компетенции. Смыслами таких мероприятий являются либо унификация отечественного и западного образования, либо снижение качества высшего образования в России. Очевидно, к снижению качества образования приводит, несмотря на попытки её совершенствования, и система ЕГЭ, которая выдвигает приоритет формы над содержанием. Постмодернистские игры продолжают в России и в области заимствования форм подачи культурных развлечений, и в сфере рекламы. Когда цена товара 99 рублей 99 копеек, то это имеет либо смысл напряжения умственных способностей человека в округлении цифр, либо – в признании людей идиотами.

Сегодня можно прямо сказать, что преодоление постмодернистских игр в политике, экономике, образовании, культуре во многом тождественно избавлению России от ориентации на Запад и обретению ею всесторонней суверенной позиции.

УДК 304.5

ФИЛОСОФСКИЕ ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ ТЕХНОЛОГИЙ МЫШЛЕНИЯ: SOFT SKILLS, ТЕОРИЯ МНОЖЕСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

PHILOSOPHICAL PRACTICES OF THE DEVELOPMENT OF THINKING TECHNOLOGIES: SOFT SKILLS, THEORY OF MULTIPLE INTELLIGENCE

Шичанина Юлия Владимировна

д-р филос. наук, доцент, г. Симферополь, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, доцент кафедры философии.

Shichanina Yulia Vladimirovna

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor Simferopol, Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Аннотация: Статья раскрывает проблему развития современных технологий мышления как философских практик. Используя такие актуальные базовые понятия и теории как Soft skills, теория множественного интеллекта, автор показывает философскую специфику и варианты решения проблемы.

Abstract. The article reveals the problem of the development of modern thinking technologies as philosophical practices. Using such relevant basic concepts and theories as Soft skills, the theory of multiple intelligence, the author shows the philosophical specifics and solutions to the problem.

Ключевые слова: философские практики, технологии мышления, Soft skills, теория множественного интеллекта.

Key words: philosophical practices, thinking technologies, Soft skills, theory of multiple intelligence.

Прагматический посыл современности, с присущей ей ориентацией на практический успех и конкретный, выраженный в денежном эквиваленте результат, востребует соответствующие философские практики. Императивность данного посыла в образовательной процессе, например, проявляется в необходимости развивать у обучающихся определенные, практически ориентированные компетенции и

навыки, необходимости разрабатывать, инициировать и осуществлять проекты, выигрывать гранты и т.д. При этом в РПД не встречаются формулировки типа «развивать у студентов любовь к мудрости и бескорыстному философскому созерцанию», поскольку они не коррелируют с компетенциями и навыками, востребованными на рынке труда.

В последнее время особенную популярность приобретает модель «4 К-компетенции»: критическое мышление, креативность, коммуникативные и кооперационные навыки. Модель отражает базовые когнитивные, метакогнитивные, социальные и эмоциональные компетенции. Данная модель так же может быть дополнена и представлена, например, как 6 К, в которой пятая компетенция это «confidence» (уверенность в себе и преодоление неудач), а шестая - «content» связана с эрудицией и работой с информацией. При этом каждая компетенция подразумевает четыре уровня проявления и реализации [2].

Практическая философия, как отмечалось в ранее опубликованных мною статьях по теме, аккумулирует противоречия посылка к бескорыстному постижению реальности с точки зрения универсально-всеобщего и необходимостью быть полезной практикой современности с точки зрения конкретно-единичного [5]. Пытаясь встроиться в прагматический запрос современности, философия вынужденно вторгается на территорию специального знания, которое производят социально-гуманитарные науки, и конкурирует с ее собственными «дочерними структурами», такими как психология, политология, социология и т.д. На первый взгляд, такая конкуренция выглядит для философии заведомо обреченной на провал, поскольку на стороне психологии и других специализированных наук развиты инструменты и технологии, «специально заточенные» под практический результат, а на стороне философии – абстрактные рассуждения о должном, которое редко совпадает с сущим.

Вместе с тем, философские практики обладают собственной спецификой - ориентацией на видение целого и широчайшим ретроспективным «бэк-граундом» инвариантов проблем и их возможных решений, который позволяет философии выстраивать обучение определенным компетенциям не только ориентируя на сиюминутный успех и результат, тактические навыки, но и на универсальные антропологические характеристики, достижение стратегического баланса умений и навыков человека, гармоничного развития всех его способностей и т.д.

Как мне представляется, в современном гуманитарном знании и образовательном процессе получил популярность концепт, который, несмотря на англоязычный контекст, наиболее соответствует философским практикам развития технологий мышления. Я имею в виду «Soft skills» – надпрофессиональные, так называемые «мягкие навыки», которые обеспечивают современному человеку надпрофессиональный успех и в конечном итоге значительно влияют на его профессиональную эффективность. По результатам разных корреляционных исследований, от наличия и уровня развития у человека гибких навыков зависит от 50% до 75% его шансов на индивидуальный и командный успех. И в будущем этот процент будет только возрастать. То есть больше половины профессиональных достижений базируются на над профессиональной междисциплинарной основе.

Своеобразный парадокс заключается в том, что для философии профессиональными навыками являются как раз навыки надпрофессиональные, универсальные, всеобщие, междисциплинарные. Соответственно, философия, не будучи изначально узко прагматически ориентированной, становится необходимой для практики современности наукой и искусством, связанными с комплексным развитием технологий мышления и сущностных сил человека.

Ведущие ассоциации бизнес-тренеров составили список актуальных гибких навыков, которые сохранят свою значимость в будущем. Среди них, наиболее часто встречаются следующие:

- Коммуникация (деловое общение, включая переговоры и медиацию, а также презентация и ораторское искусство).
- Критическое мышление, связанное с взвешенным отношением к потреблению информации, способностью эффективно ее оценивать и перерабатывать. Данная компетенция позволяет избегать влияния манипуляций, выявлять подмену понятий, устанавливать корреляции и взаимосвязи между фактами, аргументами, принимать рациональные решения и т. д.

О критическом мышлении много говорится в последнее время. Со времен Канта в философии критическое мышление стало противоядием против догматического, метафизического и т.п. видов мышления. Не умоляя его важность и значимость в мире современных манипуляций и информационного давления, отмечу, что по сути своей

критическое мышление во многом остается аналитическим разделяющим мышлением, а в эмоционально-волевом контексте – негативным. Абсолютизация данного вида мышления чревата депрессиями и неумением человека наладить с миром конструктивный доверительный диалог, неспособностью к порождению синтетических, эмпатических смыслов и т.д.

- Сервисность/Клиентоориентированность позволяет понимать, выявлять, учитывать, удовлетворять потребности своей целевой аудитории, что обеспечивает лояльность потенциальных клиентов, позволяет успешно конкурировать на рынке и т.д.

- Управление проектами, людьми и собой. Этот навык связан с реализацией проектного управления, комплексным перспективным планированием целей, сроков, способы достижения и т.д.

- Управление знаниями
- Самоанализ и саморефлексия

Обозначенные выше два пункта можно отнести к навыку управления проектами, поскольку без рефлексии, само рефлексии, управления знаниями невозможно осуществлять комплексное систематическое планирование и адекватно фиксировать прогресс.

- Наставничество и менторинг.

Данный навык позволяет эффективно прокачивать необходимые компетенции под руководством и в диалоге с наставником, более компетентным партнером и т.д. Таким образом, создаётся эффективная система взаимодействия и взаимовлияния, в которой имеет место план развития и обучения, фиксируются прогресс и результаты и т.д.

- Эмоциональный интеллект, отвечающий за способности распознавать, понимать эмоции, мотивацию, намерения и управлять эмоциональной сферой. На базе развитого эмоционального интеллекта достигается эффективность управления собственной эмоциональной сферой и успех коммуникации с другими людьми, своевременность и адекватность решений и действий.

- Ненасильственное общение (ННО, Маршалл Розенберг) это особый метод подавать информацию и добиваться желаемого. Он включает такие этапы взаимодействия как наблюдение, которое подкрепляется фактом, обозначение своей потребности и формулировку просьбы. Данная коммуникация предполагает, что вы обходитесь и

добиваетесь своего без оценок, суждений и перекладывания ответственности – выстраиваете взаимодействие без насилия.

- Работа в режиме неопределенности. То, что принято обозначать как VUCA современность, предполагает, что современный мир – это мир нестабильности (volatility), неопределенности (uncertainty), сложности (complexity) и неоднозначности (ambiguity), и в будущем данные характеристики будут только усиливаться. То есть человеку будут остро необходимы навыки стресс-менеджмента и риск-менеджмента как умения управлять собой и другими в условиях форс-мажора, психологического и физического напряжения и стресса, ограниченности ресурсов, высоких рисков и т.д. Данный навык предполагает развитие высокой адаптируемости, гибкости, умения действовать в условиях неполноты информации, балансировать возможные риски и перестраиваться «на ходу».

- Бережливое производство

- Экологическое мышление. Данный гибкий навык предполагает осознанное, ответственное, по возможности бесконфликтное сосуществование с окружающими людьми и средой [4].

Особое внимание я бы хотела обратить на экологичность, экологическое мышление. Данный навык и компетенция связаны не только с современным «зеленым» движением за сохранение окружающей среды и экоэтикой в узком смысле, но и с философским восприятием человека как элемента системы природы, ноосферы, окружающего пространства – осознанным осуществлением себя внутри целостной экосистемы. Поэтому экологичность, экологическое мышление может проявляться и в необходимости соотнесения своих целей с целями других людей, окружающим пространством на предмет выявления и нивелирования противоречий, и в ненасильственном общении, и в бережном производстве и т.д.

На мой взгляд, многие из перечисленных мягких навыков (коммуникация, креативность, клиентоориентированность, управление собой и другими, ненасильственное общение и т.д.) могут быть сгруппированы вокруг эмоционального интеллекта, который отвечает в человеке за эмпатию, умение ладить с другими людьми и понимать их мотивы, связан с харизмой в управлении, с эмоциональным балансом и благополучием.

Здесь я бы хотела упомянуть теорию множественного интеллекта Г. Гарднера, которая позволяет рассматривать и развивать отдельные виды интеллекта как самостоятельные системы[1]. Данная теория предполагает, что у нас есть не только вербальный и логический интеллект, но и творческий, телесный, визуальный, эмоциональный и т.д. Это вносит ясность в такие вопросы, например, почему люди с логическим интеллектом могут вместе с тем, оказаться неспособными к сопереживанию, безнравственными, психопатичными. Почему, например, высокий вербальный IQ, не выступает аналогом мудрости. Почему результат теста на уровень IQ оказывается намного успешнее, если человек имеет возможность получать вопрос и отвечать на него на родном языке и т.д.

Это важные моменты, которые должны учитываться в образовательном процессе при планировании процесса обучения и оценке его результатов. Но еще более важный аспект, который позволяет увидеть теория множественного интеллекта – философский, а именно – что практический реальный успех и эффективность человека зависит от целостного гармоничного развития всех видов интеллекта.

То есть можно сказать, что философские практики мышления должны не просто развивать отдельные компетенции, ориентированные на узко профессиональный запрос, а формировать системное, целостное, экологическое – полноценное мышление. Такое мышление онтологично по своей сути, оно не может быть оторванным от глубинных культурно-философских смыслов, системно проявляющихся на всех уровнях человеческого существования.

Соответственно можно сделать вывод, что философия, которая явилась идейно-исторической почвой для специализированных гуманитарных наук, в настоящее время наиболее эффективна и перспективна в области исследования и развития технологий мышления. Практическая философия по праву может претендовать на то, чтобы развивать надпрофессиональные навыки и надпрофессиональные компетенции, от которых зависит возможность полноценного человеческого существования и подлинный практический успех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гарднер Г. Мышление будущего. Пять стратегий, ведущих к успеху в жизни. Изд-во: «Альпина Паблишер». 2019.

2. Михник Голинкофф Р. Знать или уметь? 6 ключевых навыков современного ребенка. Изд-во: Манн, Иванов и Фербер; 2017. ISBN: 978-5-00100-981-8
3. Розенберг М. Язык жизни: Ненасильственное общение /Перев. с англ. — М.: ООО Книжное издательство «София», 2018. — 288 с.
4. Что такое soft skills и как их развивать. Полный гид. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5e90743f9a7947ca3bbb6523>
5. Шичанина Ю. В. Риск-менеджмент как современная практическая философия // Ученые записки КФУ им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. - 2021. Т. 7 (73). - №3. – С. 50-5

II. ГОРИЗОНТЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 164

**ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕРВАЛЬНОГО ПОДХОДА
ДЛЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ РАЗРАБОТКИ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ****THE IMPORTANCE OF THE INTERVAL APPROACH
FOR THE CONCEPTUAL DEVELOPMENT
OF PRACTICAL PHILOSOPHY***Креминский Александр Иванович**Кандидат философских наук, доцент, г. Симферополь,**Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского**Kreminskiy Alexander Ivanovich**candidate of philosophical sciences, associate professor, Simferopol,**Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, associate professor of the
department of philosophy*

Аннотация: В статье рассматривается вопрос об особенностях современных аспектов дискурса практической философии. В связи с этим прослеживается связь практической философии и интервальной методологии как инструмента исследования многомерных объектов и сверхсложных процессов в контексте глобализирующегося мира.

Abstract. The article deals with the issue of the features of modern aspects of the discourse of practical philosophy. In this regard, there is a connection between practical philosophy and interval methodology as a tool for studying multidimensional objects and super-complex processes in the context of a globalizing world.

Ключевые слова: практическая философия, социальные технологии, интервальная философия, многомерность

Key words: practical philosophy, social technologies, interval philosophy, multidimensionality

В последние годы в отечественной научной литературе заметно возрос интерес к практической философии – как к ее содержательной стороне, так и к ее эвристическим возможностям в исследовании наиболее глубоких и острых проблем современного глобального развития. Это, прежде всего, касается резкого размежевания запад-

ной и российской цивилизаций в контексте их аксиологических оснований. В свете этих процессов все больше обнажается кризис так называемой «европейской системы ценностей».

Однако все возрастающий интерес в отношении практической философии вызывается не только ее эвристическим потенциалом. Вызывает интерес концептуальная природа ее собственного дискурса, ее методологические основания и концептуальный аппарат. Как справедливо отмечает О.А. Габриелян, практическая философия обещает ренессанс философии в целом [1, с.7]. В контексте сказанного и возникает вопрос о значении интервального подхода в наших попытках продвинуться в данном направлении. Например, сегодня в западном политическом сознании наблюдается очевидная недооценка общечеловеческих норм, смыслов и ценностей. И одновременно происходит абсолютизация западного исторического проекта. Следствием такой стратегии является, например, циничная практика «отмены» русской культуры.

1. Практическая философия как культурно-исторический феномен

Каждая историческая эпоха нуждается в адекватных ей формах духовного и мыслительного практикования. У людей в какой-то момент их исторического существования появляется потребность в духовном обновлении – в новых духовных практиках, в новых формах утешения, установления психологического равновесия, развития мыслительных способностей. Этой нарождающейся потребности людей на том или ином историческом этапе отвечает соответствующая форма общественного сознания – мифология, религия, наука, философия. Она удовлетворяет исторический запрос на формы и цели духовного практикования, адекватные изменившимся условиям. В XXI в., например, резко возрастает потребность и в индивидуальных и коллективных формах защиты – защиты информационной (от агрессивного информационного потока), психологической, моральной, культурной, от деформирующих технологий интернета. Поэтому сегодня появляется потребность в эффективном ментальном инструменте, каким выступает практическая философия. Она не строит, как в прежние времена, универсальные модели мира и общества, а пытается помочь «человеку с

улицы» в решении его насущных проблем, но при этом помочь не только отдельному индивиду, но и политикам, стратегам, деятелям науки и культуры. Данный тип философского практикования возникает как ответ на вызовы современной цивилизации.

Первый стихийный, но естественный росток практической философии пробивается еще в конце XX в. – это «философия для детей». Но прикладная философия нужна не только детям, но и молодежи, другим слоям населения в различных сферах человеческой деятельности. Сегодня надо активно разрабатывать такие разделы философии, как практика критического и творческого мышления, практика диалога. «Концепция творчества» А. Т. Шумилина, развивавшаяся им в 70-е годы XX в. – тоже росток практической философии. Нужно сказать, тот интерес, который реально проявился к теме творчества в те годы не только у философов и психологов, но и у писателей, художников, журналистов говорит о конкретной особенности практической философии – в ней заложен потенциал *синтеза* философии (в ее классической форме), психологии, теории, творчества и др. Опыт работы крымской психологической лаборатории С. С. Яновского, связанный с обращением к философии как к форме терапии духовной жизни отдельной личности, также можно рассматривать как пример практической философии. В этом плане любопытен и подход к категории мировоззрения в научной школе С. Б. Крымского.

Исторически всегда было так, что новая форма духовного практикования возникает, с одной стороны, как качественно новое духовное явление, а с другой стороны, она возникает по почве предшествующих форм культуры, как своего рода синкретический продукт, по-своему обобщающий и объединяющий в новое целое старые формы. Таковы были – мифология, религия, наука, философия. Новая философия по-своему осуществляет синтез науки, искусства, политики, мировоззрения.

Современное общество становится все больше цивилизацией «технологий», в отличие от предшествующего этапа, когда можно было говорить о «цивилизации машин». Речь идет не только о технологиях в технической области, но и о социальных, политических, культурных и образовательных технологиях. Существуют технологии творчества, производства тех или иных культурных продуктов

(ТВ, кинематограф, шоу-бизнес). Показательный пример – технологии «цветных революций». В свете сказанного возникает проблема аналогичного плана в отношении философии. Здесь можно констатировать два момента. Во-первых, практическая философия делает предметом своего осмысления «мир технологий», во-вторых, она сама разрабатывает технологии, например, технологии творческой деятельности, диалога и полилога, обучения детей духовно-нравственным ценностям («Философия для детей»). Практическая философия в этом смысле становится *технологической* философией. Она осмысливает феномен технологии в целом и разрабатывает технологии в той или иной сфере человеческой деятельности, в частности, связанные с деятельностью человеческого сознания – терапия души, формирование способности человека к трансцендированию в экзистенциальном плане. Философия должна вернуться «лицом к человеку», говорить с человеком о человеке, о его насущных проблемах и смыслах. Естественно, что практическая философия исследует и разрабатывает формы собственного философствования как в истории философии, так и в контексте современного научно-технического прогресса. К числу классических технологий можно отнести отдельные конкретные методы многомерного мышления. Например, интервальное требование о том, что рассматривая любую точку зрения, любую мировоззренческую или политическую платформу, позицию, надо обязательно уточнять и устанавливать границы ее применимости и однозначности. Интервальную концепцию можно рассматривать, с одной стороны, как теорию многомерного мышления, а с другой – как «сумму технологий», как метод, который конкретизируется в целом наборе конкретных когнитивных операций.

Тезис о том, что в истории человечества существовало и существует множество самодостаточных типов практик, имеет целый ряд важных следствий.

1. Возникает потребность в исследовании каждого встречающегося в истории типа практики, его особенностей, времени появления, его влияния на общество и ход человеческой истории.

2. На современном этапе важно сфокусировать внимание исследователей на качественно новых видах практики, связанных с ин-

формационными технологиями и освоением космического пространства.

3. В контексте сказанного возникает задача по-новому понять место марксистского толкования категории практики. Известно, что К. Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе» сформулировал идею о том, что практика является базовой категорией для объяснения как истории, так и процессов познания. Опираясь на эту категорию, Марксу и Энгельсу удалось разработать *материалистическое понимание истории*. Были переосмыслены такие базовые понятия, как материальное производство, производительные силы и производственные отношения, базис и надстройка и др. Сегодня в свете появления качественно новых видов практики возникает возможность увидеть новые грани в понимании сущности исторического процесса и природы человека как родового существа.

2. Диалектика и интервальность

Понятие конвергенции глубже, чем кажется на первый взгляд, связано с идеей интервальности. Как совместить, соединить несовместимое? Обычным способом не получится. Но процессы конвергенции напрямую ставят такую проблему. Как совместить, например, материальное (физиологическое) и идеальное (психическое), неживое и живое? На вопросы подобного рода традиционная модель диалектики не отвечает, ибо тезис о единстве, синтезе противоположностей ничего в данном случае не объясняет. Интервальность же показывает, что вся суть проблемы упирается в идею *многомерной конфигурации*. Нельзя совместить огонь и воду, загнав их в одно интервальное пространство. Но можно, к примеру, построить паровой двигатель, в котором огонь и вода совмещаются в одном целом, в одной системе, но интервальным образом. И такое совмещение порождает новый технологический эффект, новое качество.

Интервальная диалектика не отбрасывает традиционную (в основном гегелевскую) модель, а расширяет и дополняет ее, наполняя новыми смыслами. Традиционная модель покоилась на следующих тезисах: 1) все вещи, явления, сущности внутренние противоречивы и образуют связки противоположных сторон, тенденций и т.д., 2) мир вещей изначально дуалистичен и представляет собой черно-белую конфигурацию (добро-зло, истина-ложь, мужское-

женское, индивид и общество, 3) между этими дуальными полярностями существует отношение противоположности и борьбы, 4) борьба противоположностей абсолютна, 5) противоположности исключают друг друга, но в то же время и дополняют друг друга, образуя целостную систему, 6) борьба противоположностей есть источник и мотив развития, прогресса, обновления, причина эмерджентности, 7) противоположности переходят друг в друга (например количество в качество).

Но прогресс научного познания демонстрирует существенно иную картину бытия вещей. Две сущности могут в одном интервале быть непримиримыми, в другом – нейтральными по отношению друг к другу, в третьем – образовывать гармонию, совпадение интересов, дополнение свойств друг друга. Таким образом, чтобы понять ситуацию в том или ином конкретном случае, надо, во-первых, фиксировать конкретный интервал взаимодействия сторон, во-вторых, всегда иметь в виду не дуализм, а структуру как многомерную конфигурацию. Источником развития в частном случае действительно, как утверждает Гегель, может быть борьба противоположных сторон. Но источником развития может быть и позитивное взаимодействие (торговля, например), сотрудничество и даже глубокая гармония (в семье, например, в коллективе, между обществом и природой).

Новая модель диалектики позволяет более конструктивно исследовать динамику человеческих отношений, взаимодействие стран и народов на арене мировой истории. Если раньше недружественные государства видели друг в друге только заклятых и непримиримых врагов как некие абсолютные полярности, то в свете интервального видения структуры мира мы начинаем понимать, что, например, никакие глубокие противоречия между данными конкретными странами (например, Россия и США) не должны мешать тому, что страны могут и должны искать точки соприкосновения и пересечения интересов, ценностей, перспектив развития. Всегда можно и нужно искать общие зоны совпадения интересов. Не исключать их из своих стратегических планов, а напротив, придавать им особое позитивное значение, ибо компромисс и позитивный настрой (особенно, если учесть, что все страны планеты сидят

в одной глобальной лодке) более важны и продуктивны. Эту политику мира и сотрудничества можно принимать интуитивно, стихийно, исходя из личного опыта и мудрости тех или иных политических лидеров, а можно опираться на глубокие философские основания. Именно в этом ценность и фундаментальная значимость для современного мира интервальной философии в практическом контексте.

Однако, при обсуждении вопроса о применении философских методов к анализу проблем современности следует учитывать понятие дискурса. Говоря о проблеме дискурсивности, важно обратить внимание на то, что в отличие от конкретных наук, где дискурс заранее задан, в философии мы сталкиваемся с большим количеством различных философских систем, направлений, учений. Поэтому здесь нельзя сдвинуться с места в наших попытках философски исследовать какую-либо проблему, не фиксируя, в рамках какого учения, направления, метода мы хотим размышлять (платонизм, аналитическая философия, марксизм, постмодернизм, интервальная философия и т.д.)

Важнейшим элементом методологии многомерного постижения реальности является исследование объекта в контексте интервальной диалектики частного и универсального. Здесь следует прежде всего отметить проблему универсального взгляда на вопрос о предельно общих основаниях нашего понимания. Например, в вопросах геополитики в современном мире такой подход означал бы, что мы сосредотачиваем свое внимание на диалектике частного и универсального, на соотношении контекстно-зависимых аспектов и инвариантных, которые так или иначе конституируют архитектуру современного мироустройства на планете. Поэтому ошибочно принимать важные решения на уровне правительств и политических союзов, если не принимать во внимание инвариантный, глобальный, общечеловеческий аспект проблемы. Другими словами, решая частные, текущие проблемы, необходимо помнить об интервальной стороне дела. Не только философы должны освоить современные способы мышления. Сегодня мир столкнулся с такими глобальными реалиями, что этим подходом следует руководствоваться и политическим лидерам, принимающим важные решения, которые касаются всех людей, живущих на планете.

3. Истина как ключевое понятие интервальной философии

При разработке интервального подхода его авторы придавали особое значение категории истины. Это связано с двумя обстоятельствами: во-первых, сам принцип интервальности органически связан с понятием истины, во-вторых, следует иметь в виду, что интервальная философия возникает как антитеза релятивистской парадигме в современном методологическом сознании. Как отмечает Ф. В. Лазарев, в современной мыслительной культуре все явственнее наблюдается тенденция, связанная с поиском путей реабилитации истины как гносеологического и социо-культурного феномена. В этом смысле справедливо будет сказать, что интервальная философия есть одна из успешных методологических программ «спасения истины и рациональности» в условиях глобальной релятивизации научного познания [2, с. 41].

Интервальная концепция истины возникает не на пустом месте. Она органично вбирает в себя отдельные положения многих классических теорий истины. Прежде всего, в ней сохраняется исходная идея аристотелевской теории корреспонденции – понимание истины как *соответствия* мысли и эмпирического опыта, наших идеальных построений и реальности. Для Платона, Фомы Аквинского, Гегеля и др. характерна трактовка понятия соответствия в духе концепции реализма как согласование вещей опытного мира с «абсолютными идеями», с «объективным понятием». Этот постулат в определенном смысле также присутствует в интервальной гносеологии, поскольку здесь понятие истины тесно связано с понятием *интервальной структуры* бытия, последняя же представляет собой некоторую «умопостижимую сущность». Из марксистской концепции истины в интервальном подходе сохраняется принцип «конкретности истины» и учение о диалектике абсолютной и относительной истины. При этом следует особо подчеркнуть, что интервальная концепция, вбирая в себя тот или иной момент из других философских школ, существенно его переосмысливает в контексте соответствующей онтологии. Кроме того, диалектическое удержание отдельных положений из других учений не исключает того, что в других отношениях интервальная концепция может самым решительным образом расходиться с классическими подходами. Один только пример. «В то вре-

мя как марксизм утверждал, что процесс приближения к объективной истине является исторически бесконечным, непрерывным и односторонним, интервальная эпистемология рассматривает этот процесс как конечный, дискретный и многонаправленный и при этом заключающий в себе возможность постижения моментов абсолютной истины на том или ином шаге познания» [там же, с. 40].

4. Интервальность как категориально ориентированное философствование

В истории философии мы встречаем такие типы философствования, которые предполагают преимущественное использование категориальной рефлексии как принципа. Таковы философские системы Аристотеля, Гегеля и др. Последний попытался через призму всей совокупности категорий своего времени рассмотреть развитие культуры и эволюцию самого философского знания, подчеркивая при этом факт единства историко-философского процесса, который отнюдь не сводится к нагромождению различных точек зрения. По его мнению, история философии свидетельствует «во-первых, что кажущиеся различными философские учения представляют собой лишь одну философию на различных ступенях ее развития, во-вторых, что особые принципы, каждый из которых лежит в основании одной какой-либо системы, суть лишь ответвления одного и того же целого» [3, с. 99]. Каждый новый философ выдвигает в качестве исходной точки отсчета некоторую категорию и с позиции этой категории выстраивает всю систему своих взглядов на традиционные проблемы философии. Он начинает как бы с фундаментальной рефлексии, выдвигая в качестве основания некий новый тип реальности. В XX в. мы видим в эволюции методологического сознания новый момент: в центр внимания выбирается какая-либо категория (например, целое, система, структура) и затем на этой базе вырабатывается соответствующая методология (подход), но при этом эта категория не рассматривается, в отличие от классической традиции как исходная реальность, она есть просто способ видения объекта познания (то в виде *структуры*, то в виде *системы*, то еще каким-то образом). В этом факте можно видеть различие между философским учением классического типа и «методологическим подходом» как новом феномене философской культуры XX вв. Говоря о специфике гегелевского учения, как категориально ориентированного философ-

ствования, следует заметить, что необходимо различать два случая: 1) само гегелевское учение, 2) трактовку Гегелем закономерностей истории философии как единого процесса актуализации тем или иным классиком определенной категории. Но сами философские учения, связанные с актуализацией той или иной категории, вовсе не обязательно являются категориально ориентированными. О них можно сказать лишь так: система Спинозы – субстанционально ориентированное учение, прагматизм – деятельностно ориентированное учение, системный подход – системно-ориентированная методологическая конструкция и т.п.

Что касается интервальной философии, то это - как раз категориально ориентированное философствование, ибо в ней задействованы все ключевые категории своего времени [4]. (Этим, в частности, она отличается, скажем, от объектно ориентированного направления современной американской мысли). Разумеется, категориальная ориентированность интервального учения не является простым повторением предыдущих аналогичных учений. Для того, чтобы разработать категориально ориентированное философствование в наше время, нужна качественно новая философская основа по сравнению с предыдущими концепциями такого рода. Нужно новое понимание природы философских категорий, новая трактовка *диалектики их взаимосвязи*. Равным образом возникает потребность в новой модели историко-философского процесса. Согласно этой последней, каждая философская система высвечивает какую-то одну грань, один интервал «вечных» философских проблем в познавательной деятельности человека, в устройстве бытия, в понятии истины, человека, культуры и т.д. Современное научное познание все активнее осваивает многомерные типы объектов, мир *сложного*, нелинейного, возможного, виртуального, случайного, неопределенного. Этот аспект реальности, начиная с 70-х гг. XX в активно осмысливается синергетическим подходом. Однако возрастающий интерес науки и философии к данной сфере не исключает необходимости осмысливать и те измерения бытия, которые изучались классической наукой, но требуют более глубокого философского истолкования. Интервальная философия пытается представить свое видение как традиционных, так и современных практик научного познания.

Таким образом, в рамках историко-философского процесса можно выделить три типа категориально ориентированного мышления:

1) актуализация отдельных категорий как отправных точек для создания той или иной философской системы,

2) построение отдельного методологического подхода на базе той или иной ключевой категории,

3) использование *системы категорий* для разработки методологии, адекватной реалиям современного цивилизационного развития.

Очевидно, что интервальный подход относится к третьему из названных типов эволюции способов философствования в контексте методологической культуры. Следует отметить, что перипетии методологического сознания за последние полвека и опыт разработки новых концепций показали, что открытие интервальной онтологии было одним из крупнейших теоретических завоеваний метафизики двадцатого столетия, что позволило построить эффективную и эвристически емкую методологию теоретического освоения многомерных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Габриелян О. А. Потенциал практической философии: новые проблемные поля //Практическая философия: состояние и перспективы. Сб. материалов II научной конференции. Симферополь, 2019. - С. 6-13.
2. Лазарев Ф. В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 456 с.
3. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Соч. в 3-х т. /Г. Гегель. – М.: Мысль, 1974. – Т.1. Наука логики. – 451 с.
4. Лазарев Ф. В., Кураев В. И. Точность, истина и рост знания. – М.: Наука, 1988. – 236 с.

УДК 14+17

РОЛЬ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО В ЭТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

THE ROLE OF THE TRANSCENDENT IN ETHICAL SYSTEMS

Сафонова Наталья Вячеславовна

доцент кафедры философии философского факультета

Института «Таврическая академия»

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени

В.И. Вернадского», кандидат философских наук, доцент

Safonova Nataliya Vyacheslavovna

Associate Professor of the Department of Philosophy

of the Institute «Tavrida Academy» of V.I. Vernadsky Crimean Federal

University, PhD in Philosophy

Аннотация. Автор приходит к выводу, что этические системы неизбежно должны обладать характеристиками трансцендентного; в противном случае система обречена быть ущербной и ограниченной, а также часто приводит к противоречивым ситуациям.

Abstract. The author concludes that ethical systems must inevitably have the characteristics of the transcendent. Otherwise, the system is doomed to be flawed and limited, and often leads to contradictory situations.

Ключевые слова: трансцендентное, бесконечность, философские теории, этические системы.

Key words: transcendent, infinity, philosophical theories, ethical systems.

Одной из главных проблем этики является выяснения оснований этических принципов. Обладаем ли мы надежной методологией в вопросах отыскания норм нравственности? Если такие системы будут созданы, то какими методологическими характеристиками он должны обладать?

Исследованию данного вопроса посвящена наша работа.

Прежде, чем ответить на вопрос, рассмотрим особенности философских систем, включающих этические вопросы.

Обратимся к истории философии и посмотрим, были ли созданы философские концепции, в которых некая философская теория во всей своей полноте и единстве справлялась с ответами на вопросы:

«каков мир?», «как познавать мир?», «как жить человеку?». То есть, существует ли некая «теория всего»⁴, которая была бы внутренне непротиворечива и давала ответы на любые вопросы, и, следовательно, не имела границ применения. Такие концепции были. Наиболее яркими, целостными и всеобъемлющими они предстают уже в работах Платона и Аристотеля. Несмотря на их существенные концептуальные расхождения, есть некая объединяющая сущность, которая, на наш взгляд, позволила выстроить «теорию всего». Автор считает, что такой объединяющей сущностью выступает трансцендентное.

Трансцендентное присутствует в работах Платона, Аристотеля (как актуальное), Канта, Гегеля и даже эмпириста Беркли. Мы полагаем, что невозможно объяснить все многообразие мира теориями, имеющими границы применения. В таких теориях должно быть нечто неисчерпаемое, трансцендентное, создающее смыслы и, главное, не выстраивающее границ (ограничивающих правил).

Проследим на примере: что позволяет Джордано Бруно вывести тезис о множественности миров? – Наш ответ: в доказательной базе присутствует другой тезис о бесконечности вселенной.

Логика обоснования множественности миров у Джордано Бруно следующая.

1. Вселенная бесконечна.
2. Наша Земля обитаемая планета.
3. Если существует один обитаемый мир в бесконечном множестве, следовательно, существует бесконечное число обитаемых миров.

Если удалить тезис о бесконечности вселенной, логика рассуждений мгновенно рассыпается. Она держится только на бесконечном – трансцендентном. Бесконечное позволило спродуцировать новое знание – идею существования множества миров. К слову сказать, Дж. Бруно пытается доказать, что вселенная бесконечна, но делает это неубедительно.

⁴ Под «теорией всего» автор понимает концепции только в указанном смысле, а именно, чтобы теория во всей своей совокупности отвечала на вопросы: «каков мир?», «как познавать мир?», «как жить человеку?»

Джордано Бруно в диалоге первом работы «О бесконечности вселенной и мирах» [1, с. 160 - 183] опровергает Аристотеля - философ прибегает к доказательству от противного (пустота, по его мнению, не может быть ограничена. Если мы не можем вообразить ограниченную пустоту, следовательно, ее нет. Очень слабый, на наш взгляд, аргумент: считать, что не существует того, что мы не в состоянии вообразить). Слабость логической полемики эпохи Возрождения в сравнении с предыдущими двумя эпохами отмечает Скирбекк Г. и Гилье Н. [2, с. 258]. Это не мешает Бруно сделать вывод: «Мы говорим, что существует бесконечное, то есть безмерная эфирная область, в которой находятся бесчисленные и бесконечные тела вроде Земли, Луны, Солнца, называемые нами мирами ...» [1, с. 186 - 187]. Принятие этого тезиса, по сути, без доказательства уже далее позволяет Бруно вполне аккуратно строить теорию о множественности миров.

Бесконечность вселенной не доказана, следовательно, является трансцендентной характеристикой, о чем справедливо пишет И. Кант.

Бесконечность вселенной не доказана и современной наукой. Стивен Хокинг, при построении модели вселенной говорит о постоянно расширяющейся вселенной [3], погружает ее в неограниченное пространство, но эти свойства вводятся в теорию в качестве постулатов, а не доказанных характеристик. Более того, свои взгляды в конце жизни С. Хокинг пересматривает, отрицает тезис расширяющейся вселенной, говорит о Мультивселенной [4], фракталах, но так или иначе в каждой из упомянутых концепций подразумевается бесконечность, которая не доказывается как органичное следствие предлагаемой модели, а берется как постулат.

На данный момент существует много моделей вселенных, но концепций, в которых вселенная представляет собой замкнутую конфигурацию, имеющую пространственные ограничения, немного, так как это свойство является ограничительной мерой для самой теории. Любопытно: в представлениях философов схоластов наш мир был ограничен в пространстве, но мыслился созданным Богом, то есть, на самом деле, еще больше содержал в себе потенциал трансцендентного.

Любая научная теория по мере своего формирования, оттачивая и пригоняя кирпичик к кирпичику (создавая объекты теорий и устанавливая связи между объектами), тем самым выстраивает границы применения. То есть, в построенной теории найдется некая проблема, которая в рамках данной теории будет неразрешима. В этой связи уместно вспомнить теорему К. Геделя о неполноте: «если формальная система непротиворечива, то она неполна». Неполнота создает предпосылки для непротиворечивости. «Теория всего» должна содержать в своей основе содержать ядро трансцендентного.

Назрел вопрос: что именно автор статьи понимает под трансцендентным? Качества трансцендентного наиболее удачно удалось определить философам богословам. Ответ на этот вопрос нужно искать в средневековой философии, так как этот период отличается очень высокой методологической философской культурой, скрупулезным концептуальным построением и пристальным вниманием именно к выявлению свойств трансцендентного. Примером могут выступить следующие характеристики Бога, сформулированные Иоанном Дамаскином. Так, Иоанн Дамаскин (675 – 750 гг.) пишет: «Бог безначален, бесконечен, вечен, присносущен, несоздан, неизменяем, непреложен, прост, несложен, бестелесен, невидим, неосязаем, неограничен, беспределен, неведом, непостижим, благ, праведен, всемогущ, вседержитель, всевидец, всепромыслитель, всевладыка и судья, - это мы и знаем, и исповедуем» [5]. Заметим, византийский богослов использует более двадцати характеристик, бесконечность составляет всего лишь незначительную часть.

Следует согласиться с О. А. Габриеляном: способность создавать этическую систему – это самая сложная сознательная деятельность человека [6]. Профессор О. А. Габриелян отводит ей роль третьей сигнальной системы, что, на наш взгляд, верно. Это выпало из философского осмысления, но данный факт заслуживает внимания: в значительной части религиозных систем (христианстве, исламе, иудаизме) в священных книгах способность понимать добро и зло является ключевым сюжетом, это - сюжет грехопадения. Согласно Библейским представлениям, способность понимать добро и зло делает нас Богами. «Будете как боги, знающие добро и зло» (Библия. Бытие. Гл. 3, стих 5). При рассмотрении этого вопроса мы не делаем различия между верующими людьми и атеистами. Есть древний са-

кральный текст. В нем отражаются представления людей, живших несколько тысячелетий назад. Следовательно, для людей ближневосточной культуры способность понимать добро и зло была значимой и вожделенной настолько, что не останавливает ни страх смерти, ни страх перед наказанием Бога. Идея стать равными богам, так как обладаешь способностью знать добро и зло, вполне органично вписалась в их мировоззрение. Автору ясно, что разговоры о так называемой дальнейшей эволюции человека за счет совершенствования путем научных открытий физических и интеллектуальных свойств человека, например, улучшения зрения, памяти, двигательной активности или даже долголетия, не приведут к какому-либо новому качественному состоянию человека. Появление речи (второй сигнальной системы) привело к кардинальным изменениям в сознании и как результат – фантастические изменения в жизнедеятельности человека. Развитие этических систем вполне обосновано может претендовать на формирование третьей сигнальной системы.

Какими должны быть характеристики этической системы?

Если внимательно изучить все этические системы, то мы каждый раз будем убеждаться в том, что источником «правильного» («хорошего») поступка будет представление об идеале. Так, в категорическом императиве И. Канта («поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом») таким идеалом будет выступать «благо» всего человечества.

Но почему люди согласились с тем, что всеобщее «благо» является более желанным, чем личное «благо»? Почему человек должен неукоснительно этому следовать, часто вопреки собственным интересам? Как не согласиться со словами И. Канта в заключении книги «Критика практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, - это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». (Курсив мой. – Н. С.).

Владимир Александрович Лефевр в книге «Алгебра совести» [7] говорит об альтернативе выбора человеческих поступков. Продать хорошую подделку известной картины художника за 1 млн.\$ или сказать правду и продать за 100\$? В основе первого поступка лежит

представление о выгоде, в основе второго – значимость для самого себя правды, честности (чести).

Мы считаем, что первая система, в основании которой лежит выгода, существенно ограничена в своей способности порождать смыслы, следовательно, неизбежно приведет к противоречиям (вспомним: если система не противоречива, то она неполна; и наоборот: если система полна, то есть замкнута, то она противоречива). Жизненный опыт показывает нам, что в случае выбора поступка, опирающегося на выгоду, деятельность людей сведется к тотальному обману.

Таким образом, вопрос «что может выступить обоснованием источника этических принципов» является далеко не банальным. Мы полагаем, что эта этическая система должна быть трансцендентной, заведомо обладающей неполнотой, порождающей неограниченное количество смыслов.

Очевидно, что таким свойством обладают религиозные системы. По мысли Фомы Аквинского представление о совершенстве возможно лишь при условии, что это совершенство существует (четвертое доказательство бытия Бога – доказательство от степени совершенства *ex gradibus perfectionis*) [8]. Этот же принцип в православной этике существует в достаточно ясной форме как критерий хорошего поступка: для того, чтобы понять, будет ли мой поступок хорошим, нужно представить, что этот поступок совершает Иисус Христос. Следовательно, религиозные системы в состоянии дать ответы на вопросы «откуда у меня берутся представления об идеале» (например, человеколюбие) и «почему этот идеал верен» («почему я должен совершать поступок ради блага другого, хотя мне это невыгодно, почему это правильно?»). Убедительных, всеобъемлющих рациональных доводов в необходимости совершать жертвенный поступок из любви к человеку создать не удастся. Эта мысль, сформированная в афоризм, звучит в произведениях Ф. Достоевского «Без Бога ... все позволено».

Подведем итоги. Основной тезис нашей работы заключается не только в том, что этические принципы можно создавать с помощью выстраиваемых идеалов, а в том, что такие идеалы должны максимально содержать в себе черты трансцендентного, в противном случае этические системы обречены на ограниченность и неполноту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бруно Д. Философские диалоги. — М. : Алетей, 2000. — 320 с.
2. Скирбекк Г., Гилье Н. История философии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /Пер. с англ. В. И. Кузнецова. - М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. — 800 с.
3. Хокинг С. Теория всего. Происхождение и судьба Вселенной / Стивен Хокинг; [пер. с англ. И. Иванова; под ред. Г. Бурбы]. — СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2009. —148 с.
4. Научное издание Journal of High Energy Physics опубликовали последнюю работу Стивена Хокинга [Электронный ресурс] Режим доступа: caravan.kz/news/nauchnoe-izdanie-journal-of-high-energy-physics-opublikovali-poslednyuyu-rabotu-stivena-khokinga-441505/(дата обращения: 22.05.2022).
5. Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры / преподобный Иоанн Дамаскин. Москва : ДАРЪ, 2007. - С. 16.
6. Габриелян О. А. Объективные основания этических систем и перспективы их развития (информационно-коммуникативный подход) // Практическая философия: состояние и перспективы. Сборник материалов V научной конференции. – 2022. – С. 26-34.
7. Лефевр В. А. Алгебра совести. - М.: Когито-Центр, 2003. – 426 с.
8. Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I. Вопросы 1-43. /Пер. с лат. С. Еремеева и А. Юдина. – М.: Элькор-МК, 2002. 560 с.

УДК 1 + [001.82:51]

**ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАТЕМАТИКА,
ЕЁ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И РОЛЬ
В ФИЛОСОФИИ**

**COMPUTATIONAL MATHEMATICS,
ITS METHODOLOGICAL STRATEGIES AND ROLE
IN PHILOSOPHY**

Аблаев Сейдамет Серверович

аспирант кафедры алгебры и функционального анализа Физико-технического института ФГАОУ ВО "КФУ им. В. И. Вернадского"

Ablaev Seydamet Serverovich

postgraduate student of the Department of Algebra and Functional Analysis of the Institute of Physics and Technology of the V. I. Vernadsky CFU

Аннотация. В работе исследуется вопрос о вычислительном подходе как научной стратегии современной математики. Изучается проблема компьютерных доказательств и их проверки. Рассмотрены методологические и философские грани вычислительной математики как современного инструмента в науке.

Abstract. The paper explores the question of the computational approach as a scientific strategy of modern mathematics. The problem of computer proofs and their verification is studied. The methodological and philosophical facets of computational mathematics as a modern tool in science are considered.

Ключевые слова: вычислительная математика, искусственный интеллект, научная парадигма, научная революция

Key words: computational mathematics, artificial intelligence, scientific paradigm, scientific revolution

Облик современной математики невозможно представить без математики вычислительной. Действительно, в связи с практическими запросами и возникновением сначала ЭВМ, а затем и компьютеров, возникла необходимость в разработке эффективных алгоритмов и методов для решения различных задач. Примерно с середины XX в. началось активное развитие вычислительной математики. Сейчас это настолько широкая область математики, что в университетской программе помимо основной дисциплины «Вычислительная математика» читаются курсы по методам вычислительной математики в раз-

ных её областях, например, «Численные методы оптимизации» или «Численные методы решения дифференциальных уравнений». Нечего и говорить, что с возникновением искусственного интеллекта, методы вычислительной математики стали активно использовать при его изучении. Однако, в наше время, вычислительная математика становится всё более неадекватной задачам практики [1].

Возможно, вычислительная математика нуждается в новой парадигме.

Несмотря на довольно активное развитие, вычислительная математика всё менее и менее соответствует задачам приложений. Поскольку данные в задачах практики представлены в невероятных объёмах и имеют сложную структуру, классических методов и алгоритмов вычислительной математики уже недостаточно — требуется новый концептуальный подход. Так, возникает необходимость в изменении методологической парадигмы вычислительной математики. Основной проблемой на данном этапе является исследовательская направленность на конкретные задачи практики — преобладание разработки алгоритмов над анализом математических моделей прикладных задач. Простыми словами, алгоритм — последовательность команд, обеспечивающая вычисление неопределённых параметров по некоторым входным данным, а модель — формальное описание объекта, достаточное для его реализации на компьютере [1]. Неоднородность, многомерность и нелинейность реальных задач делает формирование адекватных моделей весьма нетривиальной проблемой. Компьютерному моделированию поддаются лишь некоторые частные процессы, а не вся теория в целом, поскольку при исследовании математической модели используются также рассуждения, не носящие конкретно выраженного дедуктивного характера [2]. Классическая математическая теория вычислений, которая более полувека оставалась философско-методологическим основанием для вычислительных процедур, сейчас превратилась в формализованную схему аппроксимации. Прогресс современной вычислительной математики связан также и с интуитивной составляющей, точнее, он зависит от гибкости математического мышления и воображения [2].

Интересным ответвлением вычислительной математики является экспериментальная математика. Не все ученые использовали вычис-

ления исключительно в практической, второстепенной роли. Так, в 1976 году Кеннет Аппель и Вольфганг Хакен решили проблему «четырёх красок» с помощью использования компьютера, тем самым представив новую форму математического доказательства. Однако, многие математики, среди которых были именитые (например, А. Гротендик), весьма пессимистично отнеслись к такого рода доказательству, поскольку его нельзя было проверить традиционными математическими методами. Критики такого подхода утверждали, что математическое доказательство заменял некий физический, реальный процесс, протекающий внутри компьютера, и при протекании этого процесса могли произойти сбои либо в программной, либо в аппаратной части компьютера [2]. Суть этого философско-методологического возражения заключается в том, что в математическом рассуждении с использованием компьютера приходится переводить относительное в абсолютное с помощью конечного и строго неопределенного числа проверок. Возможно, поэтому обоснование правильности компьютерных вычислений подпадает под такие же методологические ограничения, что и результаты о неразрешимости некоторых математических проблем, причем обосновывать их тем сложнее, чем эффективней соответствующая компьютерная программа [8].

Вопрос о том, можно ли считать компьютерное доказательство истинным и доверять компьютерной проверке уже имеющихся доказательств (например, полное доказательство классификации простых конечных групп, занимает примерно 10–15 тыс. журнальных страниц) остается открытым.

Развитие математики во многом определяет облик современной науки. В основном из-за приложений практически во всех областях знания. Однако, математические открытия способны создавать также и значительный философский интерес. Так, вычислительная математика, с возникновением искусственного интеллекта, становится объектом изучения философии, это связано с пониманием сознания и интеллекта [5]. Одним из первых применений вычислительного подхода в философии стала попытка П. Тигарда построения концепции научного знания на основе вычислительного подхода, базирующаяся на том, что «научные теории представляют собой сложные структуры данных в вычислительных системах, которые состоят из

высокоорганизованных пакетов правил, концептов и образцов решений проблем» [6]. Также, в основе информационных революций лежит парадигма понимания природных процессов как вычислений. Современное философское понимание вычислений основывается на концепции Лейбница *mathesis universalis* как универсальной науки, построенной и описывающей весь мир на основе формального исчисления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нариньяни А. С. Математика XXI — радикальная смена парадигмы. Модель, а не Алгоритм // Вопросы философии. — 2011. — № 1. — С. 71–82.
2. Михайлова Н. В. Философия математического познания и проблемы компьютерного образования // Alma mater (Вестник высшей школы). — М., 2012. — № 6. — С. 24–29
3. Кочергин А. Н. Машинное доказательство теорем как нетрадиционная исследовательская программа в математике // Исследовательские программы в современной науке. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 70–89.
4. Шапошников В. А. Три парадигмы в философии математики // Эпистемология и философия науки. — 2008. — т. XV, №1. — С. 124–133.
5. Михайлова Н. В. Философско-методологический анализ проблемы обоснования современной математики: монография / Н.В. Михайлова. — Минск: МГВРК, 2013. — 468 с.
6. Ястреб Н. А. Вычислительный поворот в философии // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. — 2015. — № 1. — С. 85–95.
7. Vynum T. W., Moor J. How Computers are Changing Philosophy // In The Digital Phoenix: How Computers are Changing Philosophy. T. Vynum and J. Moor, eds., Blackwell, 1998. — P. 1–16.
8. Еровенко В. А. «Синдром Саймона» в проблеме надёжности компьютерных доказательств // Математические структуры и моделирование. — 2018. — № 1 (45). — С. 23–29.

УДК 1 + [001.82:51]

**НОВАЯ МЕТОДОЛОГИЯ: ОБ УСТОЙЧИВОСТИ
ДИНАМИЧЕСКИХ СИСТЕМ К НАЧАЛЬНЫМ ДАННЫМ
И СТРАТЕГИЯХ РЕШЕНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫХ
УРАВНЕНИЙ**

**NEW METHODOLOGY: ON THE STABILITY
OF DYNAMICAL SYSTEMS TO INITIAL DATA AND
STRATEGIES FOR SOLVING DIFFERENTIAL EQUATIONS**

Бочко Анна Юрьевна

аспирант кафедры дифференциальных уравнений и геометрии

Физико-технического института

ФГАОУ ВО "КФУ им. В. И. Вернадского"

Bochko Anna Yurievna

postgraduate student of the Department of Differential Equations and

Geometry of the Institute of Physics

and Technology of the V. I. Vernadsky CFU

Аннотация. В работе изучается вопрос об устойчивости динамических систем к начальным данным и вытекающих отсюда методологических проблемах. Обосновывается необходимость поиска принципиально новых подходов к решению задач в современной теории динамических систем.

Abstract. The paper examines the question of the stability of dynamical systems to initial data and the resulting methodological problems. The necessity of searching for fundamentally new approaches to solving problems in the modern theory of dynamical systems is substantiated.

Ключевые слова: динамическая система, детерминизм, теория хаоса.

Key words: dynamical system, determinism, chaos theory.

Одной из важнейших проблем естествознания является предсказание поведения изучаемого объекта во времени и пространстве на основе его состояния в текущий момент. Данная задача сводится к нахождению определенного закона, который позволяет по имеющейся информации об объекте в начальный момент времени t_0 определить его будущее в любой момент времени $t > t_0$. Известно, что процессы реального мира описываются только динамическими системами общего положения [1]. Безусловно, эта задача непростая и для большин-

ства систем неразрешимая. Определенных успехов в прогнозировании сложных динамических систем удалось достичь при изучении моделей распространения эпидемий, в метеорологических прогнозах. Однако все такие прогнозы имеют краткосрочный характер, это связано с выявленным характером динамических систем, а именно: с сильной зависимостью изучаемых моделей от начальных данных. Все это ставит вопрос - являются ли изучаемые системы детерминированными. Особенность детерминированных систем в том, что в них можно предсказать будущее состояние по прошлому, поскольку известен закон эволюции системы. Но почему возникает сильная зависимость от начального состояния? Эта проблема обсуждается и по сей день.

Понятия «динамическая система» и «детерминизм» понимаются следующим образом: динамическая система — любой объект или процесс, для которого однозначно определено понятие состояния как совокупности некоторых величин в данный момент времени и задан закон, который описывает изменение (эволюцию) начального состояния с течением времени; детерминизм — учение о всеобщей, закономерной связи, причинной обусловленности всех явлений.

Детерминизм и хаос. Широко известен случай, произошедший с американским метеорологом Эдвардом Лоренцем [3]. В 1960 году он активно работал над проблемой предсказания погоды. В его распоряжении была электронная вычислительная машина, оснащенная специальной программой, моделирующей погоду. В ней использовались двенадцать уравнений, с помощью которых проводились вычислительные эксперименты. Стоит отметить, что сами по себе они не предсказывали погоду. Данная компьютерная программа только показывала неточный метеорологический прогноз. Эдвард Лоренц случайным образом решил выполнить проверку одних и тех же данных. Ученый воспользовался начальными данными с предыдущей вычислительной итерации. Отойдя от компьютера, на котором работала программа, ученый ожидал, что получит в конечном итоге результаты, идентичные предыдущему вычислению. Стоит представить удивление Лоренса, когда он увидел, что результаты прогнозов программы не совпали.

В первую очередь Лоренц подумал, что с вычислительной машиной произошла неисправность, но в скором времени стало понятно,

что все не так просто. Исходные данные, которые использовал ученый, компьютер округлял с шести знаков после запятой до трех — на распечатке, но не в памяти. Лоренц предполагал, что отклонение в одну тысячную не могло таким образом повлиять на вычисления. Но случилось следующее: незначительное для нас изменение начальных данных привело к совершенно иным результатам.

Выяснилось, что одним из важнейших свойств системы нелинейных уравнений является чувствительность к начальным данным, что так удивило Лоренца в 1960 году. Позже им было доказано на примере более простых моделей, описанных всего тремя уравнениями, что данная чувствительность проявляется вне зависимости от сложности. На конференции в 1963 году, коллега ученого парировал идеи Лоренца ярким выражением: «чайка одним взмахом крыла может изменить погоду во всем мире».

Существует множество примеров систем, неустойчивых к начальному состоянию. Один из таких — двойной маятник [2].

Ещё один пример — задача трёх тел. Это известная проблема небесной механики, над которой сотни лет корпели физики и математики. Попытку решения этой задачи пытались осуществить И. Ньютон и Г. В. Лейбниц — создатели теории дифференциальных уравнений. Спустя несколько сотен лет точку в обсуждении этой проблемы поставил Анри Пуанкаре, который, построив аппроксимированную модель задачи, показал, что она не разрешима обычными методами [4].

Удивительно, что все описанные выше системы являются детерминированными — в них нет стохастических процессов. Одновременно с этим они являются хаотичными, поскольку никогда не принимают одного и того же значения при различных начальных данных.

Рассмотренные примеры показывают, что теория динамических систем нуждается в новом концептуальном подходе. Нужен скачок подобный тому, который в конце XIX в. совершил Анри Пуанкаре. При исследовании одной системы дифференциальных уравнений он заметил, что она не является разрешимой, однако он посмотрел на задачу с геометрической точки зрения, дав начало сразу двум направлениям математики — топологии и качественной теории дифференциальных уравнений, во многом определив предмет исследования математики XX века. Сейчас при исследовании динамических систем

пользуются широкими возможностями вычислительной техники. Отметим, что задачи приобретают всё более сложную структуру, и поэтому основная проблема окончательно не решена и не исчезла: вопросы устойчивости к начальным данным остаются открытыми, исходя из этого, теория дифференциальных уравнений нуждается в методологическом переосмыслении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильяшенко Ю. С. Аттракторы динамических систем и философия общего положения, Матем. просв., 2008, выпуск 12, 13–22
2. Ильяшенко Ю. С. Эволюционные процессы и философия общности положения. — М.: МЦНМО, 2007.— 32 с. ISBN 978-5-94057-353-1
3. Карлос Мадрид. Бабочка и ураган. Теория хаоса и глобальное потепление / Мир математики в 40 т. – Т. 32. /Пер. с исп. – М.: Де Агостини, 2014. – 144 с.
4. Пуанкаре А. О науке. / Пер. с фр. и ред. Л. С. Понтрягина. – М.: Наука, 1990. – 735 с.

УДК 007+65.01+159.955

АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ ДЛЯ ПРОЕКТНОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF THINKING FOR PROJECT AND DAILY ACTIVITIES

Аминова Альмира Рафаиловна

канд. филос. наук, профессор РАЕ, г. Уфа,

ЦНИТ «Росток», педагог дополнительного образования

Aminova Almira Rafailovna

Candidate of Philosophical Sciences, Professor RANS, Ufa, Center for Science Innovation and Creativity «Rostock», Additional education teacher.

Аннотация. Вопрос о перспективах будущей деятельности человека, его успешности и востребованности исследуется автором через онтоло-

гический, гносеологический, праксеологический переходы. И на основе этого анализа и апробации своих методик формулируются идеи относительно практических шагов.

Abstract. The question of the prospects for the future activity of a person, his success and demand is studied by the author through ontological, epistemological, praxeological transitions. And on the basis of this analysis and testing of their methods, ideas are formulated regarding practical steps.

Ключевые слова: навыки мышления, развитие человека, стратегии образования

Key words: thinking skills, human development, education strategies

На каждом новом этапе развития человечество пытается заглянуть в будущее. И сейчас в период роботизации, стремительного развития искусственного интеллекта мы тоже пытаемся предугадать, что понадобится человеку для успешной адаптации в меняющихся условиях. Что поможет человеку в будущем быть востребованным в обществе? Что поможет реализовывать себя как активного участника человеческого сообщества? Что поможет конкурировать с цифрой? И мнения тут разные, включая идеи неогуманистические, футуристические и т.д.

На наш взгляд, в первом приближении при решении такого объемного вопроса, вероятно, следует отталкиваться от главного - от сути человека, его предназначения и места в этом мире. Эти вечные вопросы и они приводят к другому вечному вопросу: как человеку стать счастливым? Какие ценности сделают его жизнь имеющей смысл? А это, в свою очередь, к практическим праксеологическим вопросам: чему сейчас важно учиться, чтобы в дальнейшем это вело к успеху, востребованности и реализованности? И нужно ли чему-то учиться, если машина это сделает быстрее? А если всё-таки учиться, то что именно нужно развивать? Например, сделает ли человека счастливее такой навык, как ментальная арифметика, умение быстро считать в уме?

Конечно, по сути, человек не должен конкурировать с машиной в широком смысле. Человек должен её использовать. А сам он должен развиваться целостно, гармонично, с пользой для себя и своего окружения, общества в целом. Человек должен суметь найти и реализовать свою траекторию роста и развития как личности,

причем в разных сферах - в семье, в профессии, в плане самовыражения и пр.

Это - с одной стороны. С другой стороны, человек, личность должны соответствовать духу времени - отвечать требованиям и скоростям. И тут есть практическая задача - определить, что действительно способно обеспечить эффективность деятельности, с одной стороны, и чувство удовлетворения от жизни, самореализацию, психологический комфорт, с другой стороны. Могут ли это быть одни и те же навыки и умения? Или это противоположенные, взаимоисключающие вещи?

На проходящих в Давосе Всемирных экономических форумах были оценены 10 - топ компетенций, необходимых для активной продуктивной жизнедеятельности в будущем. Отметим, что данные компетенции формулировались экспертами с 2015 года.

Как правило, часть компетенций зависят от способности быстро учитывать различные факторы в зависимости от ситуации, видеть суть, находить решение проблем, генерировать новые идеи.

Одним из ключевых компетенций человека будущего рассматривается такой навык, как комплексное решение проблемы. Почему же так важен этот навык? Современному специалисту необходимо быстро принимать решения и учитывать много факторов - экономические, экологические, эргономические, рациональные. Широкую перспективу не сможет увидеть «машина».

Здравый смысл, видение перспективы, умение творить, эмоциональный контакт - этого не сможет дать IT- технология, а только человек. Исходя из этого, на наш взгляд, к мыслительным способностям человека на сегодняшний день выдвигаются как минимум следующие требования:

- креативность, умение выдвигать новые идеи
- критичность мышления - в мире нарастающей информационной лавины выбрать то, что достоверно, не утонуть,
- системность - умение видеть элементы и их взаимосвязи, использовать их,
- комплексность в решении вопроса, целостный подход,
- способность к целеполаганию,

- стратегичность – умение спрогнозировать результат, сверить с целью, предвидеть запросы будущего,

- умение выделить главное в своей жизни и деятельности, расставить приоритеты и т.д.

В ходе своей профессиональной деятельности автор разрабатывал данную проблему и сформировал авторский подход, который лег в основу курса «Управление карьерой и тайм-менеджмент» в высшем учебном заведении. Данный курс читался студентам первого года обучения по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент» и т.д. Методики были направлены, в том числе, на то, чтобы протестировать определенный навык и помочь формировать и развивать его. Такое практико-ориентированное обучение помогает подготовить обучающихся к реалиям жизни, получить навыки для дальнейшей адаптации и самообразования.

Важно, что формирование многих навыков возможно и в среде дошкольником. Элементы критического, системного, стратегического, креативного мышления легко воспринимаются дошкольниками, если преподносятся в игровой форме. Это подтверждает опыт работы автора с детьми дошкольного возраста.

В целом, подход, учитывающий перспективы развития указанных навыков мышления, может стать одной из парадигм образования наряду с гуманизмом. Особенно, когда акцент ставится не на накоплении знаний, а на умении их индивидуализировать, включать в свою профессиональную и повседневную деятельность и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медведев В. А. Проектное мышление: основные признаки и этапы развития [Электронный ресурс]. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/74051/1/edcrunch_2019_018.pdf (дата обращения 05.05.2022)

УДК 502.11

НООСФЕРА И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: НАУЧНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕЙ В. И. ВЕРНАДСКОГО О НООСФЕРЕ В РАЗВИТИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

NOOSPHERE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE. SCIENTIFIC TRANSFORMATION OF V.I. VERNADSKY'S IDEAS ABOUT THE NOOSPHERE IN THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Моисеенко Владислав Александрович
аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, аспирант кафедры управления персоналом.

Moiseenko Vladislav Aleksandrovich
Graduate student, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
postgraduate student of the Department of Personnel Management.

Симченко Наталия Александровна
д-р эконом. наук, профессор, г. Симферополь, Крымский
федеральный университет имени В.И. Вернадского,

зав. Кафедрой управления персоналом
Simchenko Natalia Aleksandrovna
Doctor of Economics. Professor, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean
Federal University, Head of the Department of Personnel Management.

Аннотация. Осмысление учения о биосфере плавно перетекло в учение о ноосфере, в которое В. И. Вернадский вложил материалистическое наполнение, указывая на то, что человек является неотъемлемой частью природы и должен соблюдать ее законы, но никак не менять их. Дополняя главную мысль учения о ноосфере в призме вопросов, связанных с развитием искусственного интеллекта, можно утверждать, что человечество имеет основания учитывать природные закономерности и оставлять их неизменными с использованием современных технологий.

Annotation. The understanding of the doctrine of the biosphere smoothly flowed into the doctrine of the noosphere, in which V.I. Vernad-

sky invested materialistic content, pointing out that man is an integral part of nature and must comply with its laws, but not change them in any way.

Ключевые слова: искусственный интеллект, В. И. Вернадский, учение о ноосфере

Key words: artificial intelligence, V. I. Vernadsky, the doctrine of the noosphere

Начиная с XX века, в связи со всеобщей компьютеризацией, проблема искусственного интеллекта все больше привлекает внимание философов, ведь все многообразие возможностей человеческого разума проявляется не только в позитивных для развития человека формах, но и в деструктивных формах. Активное внедрение цифровых технологий повлекло существенное изменение мира, следовательно, целью работы стало исследование принципов и перспектив развития современного цифрового общества через проекцию учения о ноосфере.

Термин ноосфера был предложен в 1927 году известным французским ученым Э. Леруа и гласил о том, что все живые организмы на планете проходят длительный процесс развития, что является причиной изменений биосферы. Совместно с П. Т. де Шарденом, Э. Леруа указал, что ноосфера является настоящим геологическим периодом развития биосферы. Позже, ученые разошлись во мнениях, и Тейяр де Шарден опубликует собственную теорию. В публикации Тейяра де Шардена ноосфера будет представлять определенный мыслящий слой, образовавшийся в конце третичного периода и сформовавшийся вне биосферы, над миром растений и животных [1, с. 14].

Учение В. И. Вернадского трансформировалось в учение о ноосфере, вмещающее материалистический смысл. Вернадский указывал, что человек, будучи неотъемлемой частью природы, должен соблюдать ее законы и не пытаться их изменить, что человечество должно учитывать природные закономерности развития среды и общества.

В. И. Вернадский вывел понятие ноосферы в два взаимодополняющих определения. Изначально ученый считал, что ноосфера является особой оболочкой разума, развивающаяся над биосферой. Однако позже он сформулировал определение, где ноосфера

является новым состоянием биосферы, где ее развитие определяется разумной и умственной деятельностью человека.

Согласно учению Вернадского, в результате воздействия научной мысли и деятельности человека происходит переход биосферы в ноосферу. В. И. Вернадский считал, что в процессе развития человечество отходило от других составляющих биосферы, приобретая все больше отличий, став новой биогенной природоформирующей силой [1, с. 14].

Оценив роль человеческого разума как планетарного явления, В. И. Вернадский сформулировал основные положения о ноосфере следующим образом:

Развитие науки есть решающая сила, с ее помощью человек изменяет биосферу, в которой обитает.

Изменение биосферы есть явление неизбежное, оно протекает одновременно с обогащением научными знаниями.

Изменения биосферы происходят помимо человеческой воли. Они являются процессом.

Биосфера есть среда обитания человечества. Постепенные изменения в биосфере в ходе научной деятельности человека, который является решающей силой, — закономерный процесс перехода биосферы в ноосферу [2, с. 8].

Наблюдая изменения в деятельности человека, связанные с активной цифровизацией, нетрудно сделать вывод, что происходит влияние на ноосферу, формируя новую реальность, с которой прежде человечество не сталкивалось.

В рассмотрении позиции искусственного интеллекта стоят задачи определения философского понятия искусственного интеллекта как единой системы знаний и практической реализации искусственного интеллекта в условиях современного общества и уровня технологического развития, как новой жизни.

В постановке и решении философской проблемы появления жизни можно выделить две основные концепции.

Первая концепция – субстратная, согласно которой жизнь есть способ существования белковых тел, в которой схема построена на концепции уровней организации материи.

Вторая концепция - функциональная, согласно которой главное свойство жизни – приспособление к окружающей среде. Следует заметить, что приспособление может происходить не только на биологическом субстрате, но и на «электронном», вследствие чего возможен контакт искусственного интеллекта с ноосферой.

Идею ноосферы выдвинул В. И. Вернадский. На основе его идей логично предположить, что искусственный интеллект начнет включаться в ноосферу в качестве ее подсистемы и активно проявлять себя в ноосфере [3, с. 200; 4, с. 50].

Следует заметить, что Вернадский утверждал, что научная мысль в виде достижений науки и техники помогает человеку осваивать части биосферы, к которым раньше он не мог добраться.

Современное веяние науки основано на повсеместном активном внедрении прогрессивных цифровых технологий, разработке искусственного интеллекта и создании интеллектуальных цифровых экосистем, что влечет создание новой, искусственной, частично моделирующей биосферы обитания человечества, определенной новой цифровой среды, которая имитирует жизнедеятельность и процессы, протекающие в различных сферах и отраслях [5, с. 100].

Будем опираться на тезис В. И. Вернадского, что ноосфера связывает законы природы с социально-политическими факторами общества, где в основе — научно обоснованное рациональное использование ресурсов природы, предполагающее, что круговорот вещества и поток энергии будут восстановлены. Дополняя главную мысль учения о ноосфере в ракурсе вопросов, связанных с развитием искусственного интеллекта, можно сделать вывод, что человечество в ходе развития среды и общества может учитывать природные закономерности и оставлять их неизменными с использованием современных технологий,

Безусловно, рассмотренная гипотеза о внедрении искусственного интеллекта в ноосферу является нестандартной гипотезой и указывает на интеллектуальное развитие общества, его технологического потенциала, что неизбежно влечет за собой изменения в ноосфере и биосфере.

Следует заметить, что проблемы внедрения искусственного интеллекта в его самых различных вариантах, а также взаимоот-

ношений искусственного интеллекта с человеком в качестве двух видов разума пока не выглядят пессимистичными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. / В. И. Вернадский //Рипол Классик – 1991.
2. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Ноосферные исследования. – 2013. – №. 1 (1). – С. 6-17.
3. Иоселиани А. Д. Искусственный интеллект: социально-философское осмысление / А. Д. Иоселиани, Н. В. Цхададзе //Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2019. – №. 2. – С. 196-202.
4. Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский. 1863-1945 гг. / И. И. Мочалов // М.: Наука, 1982. – 488 с.
5. Симченко Н. А., Моисеенко В. А. Особенности развития цифровых платформ в промышленности //Теория и практика экономики и предпринимательства. – 2021. – С. 100-100.

УДК 130.2

РОССИЙСКИЙ ТЮРЕМНЫЙ СОЦИУМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

RUSSIAN PRISON SOCIETY FROM THE POINT OF VIEW OF SOCIAL ANTHROPOLOGY

Пономарев Сергей Борисович

д-р. мед. наук, профессор, г. Москва, Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний», главный научный сотрудник.

Ponomarev Sergey Borisovich

dr.med, professor, Moscow, Federal State Institution "Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Chief Researcher.

Аннотация: статья посвящена проблеме тюремной субкультуры. Показано, что сообщество лиц, отбывающих наказание, обладает признаками объекта социальной антропологии. Рассмотрены его отличительные черты, причины возникновения и развития.

Abstract: The article is devoted to the problem of prison subculture. It is shown that the community of persons serving sentences has the features of an object of social anthropology. Its distinctive features and causes of occurrence and development are considered.

Ключевые слова: тюремная субкультура, социальная антропология, коллективы осужденных, исполнение наказания

Key words: prison subculture, social anthropology, groups of convicts, punishment execution

Социальная антропология рассматривает феномен человеческих сообществ с точки зрения изучения их социальной организации. Перу Д. Фрезера, ученого, впервые предложившему термин «социальная антропология», заведующему первой в Великобритании и в мире кафедрой социальной антропологии, принадлежат и первые систематизированные описания разнообразных культурных проявлений в т.н. «примитивных» или архаических обществах [1]. За прошедшее столетие социальной антропологией был аккумулирован большой массив знаний, касающийся ритуалов, табу, системы родства, тотемизма и других явлений социальной жизни представителей этих обществ.

Одним из основных выводов, который можно сделать при анализе накопленного обширного материала, является утверждение о том, что причиной сходных культурных проявлений в различных социумах (нередко находящихся в далеко отстоящих друг от друга частях света, но имеющих, тем не менее, очень похожие характеристики) являются социальные конструкты, построенные по сходным правилам. Указанное хорошо иллюстрируется анализом причин такого явления как табу [1]. Это: 1) неуверенность и страх членов племени перед внешними (по отношению как к отдельному человеку, так и к социуму в целом) факторами, в роли которых могут выступать разрушительные силы природы, угроза голода, нападение хищников и т.п. 2) стремление найти логические связи между явлениями окружающего мира и прогнозом наступления неблагоприятного события (эти связи, как правило, являются иллюзорными, ложными, не имеющими реальных механизмов) 3) попытка управления ходом событий посредством неких целенаправленных действий, учитывающих якобы найденные логические связи [2,3]. Созданные по стандартным логическим схемам умственные построения являются механизмами, детерминирующими такие культурные феномены, как поклонение тотемному животному, выбор имени неофита, жертвоприношение, табу, подготовка к охоте, ведение войны с соседними племенами, похоронные обряды, юношеская инициация и т.п. Исходя из описанных психических конструкций формируется многообразие социальных концептов, многоцветие культурных проявлений, описанных для многих племен, населяющих землю.

Но от внимания исследователей долгое время ускользало одно весьма необычное «племя», населяющее нашу страну. Это коллективы людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Численность этого «племени» довольно высока. В советский период нашей истории число лиц, одновременно находящихся в местах лишения свободы, превышало в отдельные годы цифру в 2,7 миллиона человек [4]. Учеными не отрицается, что заключенными в нашей стране была создана уникальная тюремная субкультура [5], не имеющая аналогов в других странах мира. Некоторые исследователи говорят даже не о российской тюремной субкультуре, а о тюремной культуре

и утверждают, что именно она является доминирующей культурой современного российского общества [6].

Надо отметить, что указанная субкультура подробно исследовалась до недавнего времени исключительно учеными-пенитенциаристами с позиций криминологии и криминалистики. Исследования же в области социальной антропологии либо не проводилось, либо имели отрывочный и фрагментарный характер.

А между тем, фактический материал свидетельствует, что в коллективах осужденных присутствуют такие явления, как тотемизм (самоидентификация преступников различной криминальной специализации с различными тварями – волком, летучей мышью, тигром, котом, пауком и т.д.), развитая система табу (в тюремной субкультуре отмечаются табу на грязь, табу на территорию, табу на слова, табу на пищу и т.п.), обряд «прописки» (аналог юношеской инициации в первобытном обществе), развитая система тюремных мифов, тюремного фольклора, ритуал совместного употребления тонизирующего напитка «чифирь», обычай наречения тюремной кличкой и т.п. [7]

Отличительной чертой тюремной субкультуры является жесткая система каст и иерархизация, аналогичные кастовой системе средневековой Индии. Для каждой тюремной «масти» имеется коррелят в виде индийского кастового аналога. Так, брахманам соответствуют «воры в законе», кшатриям – «блатные», вайшьям – «коммерсы», шудрам - «мужики», неприкасаемым – «петухи» [7].

Взаимоотношения каст и их функции также схожи. В обоих случаях структура трехчленна и состоит из следующих элементов: 1) управляющая подсистема (брахманы - криминальные «авторитеты») 2) исполняющая подсистема (кшатрии - «блатные», вайшья – «коммерсы») 3) подчиняющаяся подсистема (шудры - «мужики», неприкасаемые-«петухи»).

Сходны также и механизмы формирования всех этих феноменов. Как и в первобытном обществе человек в местах лишения свободы испытывает страх и неуверенность перед враждебной окружающей средой, вынужден выживать в условиях комплексного воздействия негативных тюремных факторов (таких, например, как переполненность камер, недостаток чистого воздуха и солнечного света, гиподинамия, доминирование жестких правил тюремной субкультуры и т.п.). В условиях тюремной депривации человек подавлен, демора-

лизован, исключен из привычного социального окружения. Пребывание в местах лишения свободы - это всегда мощный психологический стресс. Заключенный лишен объективной информации о происходящем, беспокоится о собственной судьбе, испытывает страх и отчаяние. Все указанное приводит к необходимости сопротивляться, вырабатывать определенные паттерны поведения, систематизировать свою жизнь, уложить ежедневное существование в некую общую для всех обитателей «мертвого дома» универсальную матрицу, включающую тюремные ритуалы, обычаи и следование тюремным «понятиям».

Основными чертами тюремной субкультуры являются противопоставление положениям базовой культуры, возведение в ранг добродетели асоциальных ценностей (тунеядство, воровство, сексуальные отклонения, наркопотребление и т.п.), крайняя жестокость, цинизм, культ физической силы, отсутствие моральных и этических обязательств перед людьми, не входящими в сферу тюремной субкультуры. По свидетельству исследователей тюремной субкультуры присущи черты изуверской секты. Она является наиболее агрессивной и опасной среди всех контркультур [8].

В связи с изложенным возникает закономерный вопрос: как случилось так, что в эпоху информационного общества, научно-технического прогресса, развития свобод человека и гражданских прав, стало возможным появление в России ужасающей по своей мрачности и антисоциальности тюремной субкультуры. Тюрьма как социальный институт является отражением общества. Это общеизвестная истина. Процессы, происходящие в базовом обществе, неизбежно влияют на тюремный социум. Следовательно, причины появления в нашей стране страшного мутанта под названием «тюремная субкультура» следует искать в тех изменениях, которые происходили в российском обществе в последнее время. Десятилетия богоборчества и лжи, жульническая приватизация, достижение богатства ценой преступлений, попрание идеалов, культ вседозволенности, безнравственность и цинизм элиты, служение «золотому тельцу» - все это стало питательным субстратом для развития в России нового антропологического феномена – тюремной субкультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фрезер Д. Д. Золотая ветвь. М., Изд-во политической литературы. - 1984.- 702 с.
2. Авакян Л. А., Голубева С. Л. Табу в культуре: культурные и социально-антропологические аспекты// Научное мнение. -2021.-№ 7-8.- С. 16-20.
3. Токарев С. А. Ранние формы религии.- М., Политиздат, 1990.- 545 с.
4. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции / Изд. 2-е, перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2005. - 912 с.
5. Тищенко Н. В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности// Вестник СГТУ.- 2013.-№2 (70).- С. 229-233.
6. Ханипов Р. А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современно российского общества// Мир России.- 2008.- №3.- С. 132-148.
7. Пономарев С. Б. Анализ триады «архетип-тотем-табу» в пенитенциарной субкультуре/ Ижевск, изд-во ИЖГТУ им. М.Т.Калашникова.- 2021.- 160 с.
8. Шемякина В. В. Криминальная субкультура в современной России / дисс..канд. юр.наук.- Челябинск, 2010.-156 с.

УДК: 17:[39+00.4]

**ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ:
НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ ЧЕЛОВЕКА**

**DIGITAL ANTHROPOLOGY:
NEW POSSIBILITIES FOR HUMAN STUDIES**

Ильянович Екатерина Борисовна

доцент кафедры философии философского факультета Института «Таврическая академия» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», кандидат философских наук, доцент (г. Симферополь, Республика Крым, Россия)

Ilyanovich Ekaterina Borisovna

Associate Professor of the Department of Philosophy of the Institute «Tavrida Academy» of V.I. Vernadsky Crimean Federal University, PhD in Philosophy, Associate Professor (Simferopol, Republic of Crimea, Russia)

Аннотация. Отличительной особенностью современного социально-гуманитарного знания является усиление интереса к проблеме цифровизации человека, общества, культуры. Сегодня на границах философии, этнологии, этнографии, культурологии, культурной и социальной антропологии начинает формироваться цифровая антропология, центральным вопросом которой выступает взаимодействие человека с «цифрой», его истоки, закономерности и результаты. В данной статье мы попытаемся обозначить, что представляет собой эта новая дисциплина и каково её место в структуре социально-гуманитарного знания.

Abstract. A distinctive feature of modern socio-humanitarian knowledge is the growing interest in the problem of digitalization of a person, society, culture. Today a digital anthropology, the central question of which is the interaction between man and the digital, its origins, regularities and results, is beginning to take shape on the borders of philosophy, ethnology, ethnography, cultural studies, cultural and social anthropology. In this article we attempt to outline what this new discipline is and what its place in the structure of socio-humanitarian knowledge is.

Ключевые слова: цифровая антропология, дисциплинарная организация, социально-гуманитарное знание, человек, цифровизация.

Keywords: digital anthropology, disciplinary organization, socio-humanitarian knowledge, human beings, digitalization.

Глубинные социокультурные трансформации двух последних столетий конституировали формирование соответствующих способов исследования человека и общества, что способствовало специфической дисциплинарной организации науки, а позже – перестройке всей системы социально-гуманитарного знания. В конце прошлого столетия начинает выстраиваться новая онтология социума, культуры и человека, которая отражается в ориентации на разнородность, плюралистичность, множественность, сингулярность, конвергентность. Этот процесс, безусловно, способствовал трансформации в структуре дисциплинарной организации современного социально-гуманитарного знания, которое отличается сегодня «размытостью», имеет тенденции к междисциплинарности и трансдисциплинарности. Демаркация границ наук и дисциплин становится подвижной и условной, мы имеем также варианты синтеза (технонаука, цифровые гуманитарные науки, кибернетика, теория систем, когнитивные науки и др.). Также, например, сегодня довольно сложно понять, где

проходят границы между философской антропологией, философией культуры, культурологией, этнологией, этнографией, культурной и социальной антропологией.

В рамках социально-гуманитарного знания формировался разносторонний (в исследовательском плане) интерес к антропологической проблематике, что, в свою очередь, способствовало специфической дисциплинарной организации данной исследовательской области. Многовековая аккумуляция разнокачественных эмпирических и теоретических знаний о человеке требовала систематизации и анализа, осмысления и практического применения результатов этих исследовательских процедур. Современные социальные трансформации, во многом отражающиеся в комплексе «больших вызовов» и угроз, актуализировали соответствующую рефлексию в научной среде, которая репрезентирована в философии в таких тематических ракурсах, как антропологический кризис и приоритеты цивилизационного развития, постантропологическая эпоха и трансгуманистические проекты, будущее человеко-машинных отношений и перспективы цифровых (технологических) революций и т.д.

Как учёных, так и философов интересует один фундаментальный вопрос: что будет с человеком дальше, каким он будет? Попытки ответить на вопросы вырастают сегодня в интересные теоретические,⁵ и даже цифровые модели и форсайты. Эти факторы во многом конституировали процесс самоопределения разнородных разделов антропологического знания, выделения собственных проблемных полей, границ, концептуальных средств и исследовательских методологий.

На сегодняшний день нам известно, что, начиная с прошлого столетия, дисциплинарный статус антропологии как интегральной науки о человеке, культуре и социуме утвердился в двух отраслях научного знания: естественнонаучной, представленной физической

⁵ Самые популярные из них – трансгуманистические сценарии человеческого будущего

⁶ К примеру, модель Метавселенной (Metaverse), которая представляет собой конвергенцию физической, дополненной и виртуальной реальностей, образующих единое онлайн-пространство, с которым и внутри которого люди могут взаимодействовать как реально, так и посредством своих аватаров

антропологией (основные дисциплины: морфология, этническая антропология, анатомия, палеоантропология и др.) и социально-гуманитарном, репрезентированном культурной/социальной антропологией, этнографией и этнологией (имеют самостоятельный дисциплинарный статус), психологической (существует как междисциплинарное направление исследований – в этнологии и культурной антропологии), политической (как субдисциплина и направление исследований в социальной антропологии) антропологиями. В рамках данной отрасли также развивается философская антропология, которая рефлексивна над сущностью и трансформациями человека и спецификой его мироотношения, в том числе, на основе всех имеющихся в научном знании в целом антропологических данных и концепций.

В последние десятилетия в рамках социальной и культурной антропологии начала складываться новая область исследований, в центре внимания которой стоит анализ взаимодействия человека с цифровыми технологиями – Цифровая антропология (Digital anthropology)⁷. Именно в таком виде, судя по имеющимся исследованиям, данная дисциплина существует и развивается. Однако, с философской точки зрения, фундаментальной проблемой цифровой антропологии должна стать специфика трансформации природы человека под воздействием усиливающейся цифровизации.

Автором самого названия формирующейся на наших глазах антропологической дисциплины можно считать британского антрополога Дэниела Миллера, который разработал и утвердил в 2009 году первую в мире магистерскую программу по цифровой антропологии на факультете антропологии в Университетском колледже Лондона (University College London)⁸. Областями исследовательских интересов данного учёного изначально являлись материальная культура,

⁷ Широко распространены также синонимические названия данной области антропологических исследований: техно-антропология (Techno-Anthropology), цифровая этнография (digital ethnography), киберантропология (Cyborg anthropology) и виртуальная антропология (virtual anthropology).

⁸ См. подробнее: <https://www.ucl.ac.uk/prospective-students/graduate/taught-degrees/digital-anthropology-msc>

массовое потребление и его последствия. Последние 20 лет Миллер сосредоточил свой интерес на исследовании социальных сетей и их воздействия на социум. Важно отметить, что в программной работе «Цифровая антропология» [1], написанной им в соавторстве с Хэзер Хорст, он рассматривает цифровой мир как составную часть материальной культуры⁹.

Довольно известными цифровыми антропологами, как утверждает один из отечественных исследователей, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Соколовский С.В., сегодня выступают также М. Аура, Т. Бёлсторф, Н. Бэйм, М. Ито, К. Келти, Г. Коулман, Г. Ловинк, Д. Слейтер, С. Пинк, Ш. Тёркл, К. Хайн, Д. Хаккен, Д. Харауэй, и другие [2]. Беглый анализ работ данных авторов показывает, что их исследовательский интерес сосредоточен на анализе цифровых технологий и сред, под воздействием и в рамках которых стали конституироваться новые социальные практики, формы социальной организации и стиль жизни современного человека. Есть также исследователи, которые сосредоточены на методологических вопросах – как понимать цифровую антропологию – как самостоятельную дисциплину, либо как исследовательскую методологию. В этом отношении важно отметить Тома Бёлстрофа, который утверждает, что цифровая антропология это методология исследования отношений между реальным и виртуальным на основе включенного наблюдения в социальных практиках [3, с. 40].

В России *цифровая антропология* пребывает на стадии первичного становления, исследования проводятся в междисциплинарном поле – в области музейного дела, медицинской антропологии, философии науки и техники, социологии науки и технологий, этнографии и этнологии, биоэтики. В этом отношении Л.В. Земнуховой, А.К. Касаткиной, А.А. Порецковой и Т.В. Славгородского-Казанца, Е.К. Соколовой и С.Ю. Шевченко, М. Кожевниковой и С.В. Карповой, а также в рамках субдисциплины *антропология города* (наиболее известной фигурой здесь выступает Дарья Радченко, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ «Стрелка»).

⁹ Пер. авт. – Е. Ильичев.

Бурное развитие IT и их воздействие на все сферы жизни общества в современной исследовательской среде принято связывать с четвёртой^{10*} информационной, (цифровой) революцией, которая обусловлена изобретением ПК и микропроцессорной технологии, позволивших осуществить переход к передовым технологическим инструментам преобразования информации (электронным) и создать необходимые программные продукты ресурсного характера. Апогеем данной революционной трансформации в сфере информационных технологий явилось появление Интернета, который обеспечил глобальный информационный обмен и, безусловно, привёл к глубинным социальным изменениям (проявляющихся, прежде всего, в появлении новых форм коммуникации – виртуальных, шире – цифровых). Эти изменения в среде философов и учёных подвергаются всестороннему анализу в рамках концепций «информационного общества» (Д. Белл, М. Кастельс), «цифровой экономики»¹¹ (Н. Негропonte, Д. Ивес), «промышленных революций» (П.Г. Щедровицкий), «научно-технологической революции» (М.К. Трифонова), «Четвёртой промышленной революции» (К. Шваб). Данные концепции характерны тем, что изучают специфику социокультурных и антропологических трансформаций в контексте технологического развития. В этом смысле, т.е. по проблемной ориентированности и теоретической значимости, их можно поставить в один концептуальный ряд с исследованиями *Цифровой антропологии*, а также такой передовой исследовательской области, как *Цифровые гуманитарные науки* (*Digital Humanities*), сформировавшейся на границе гуманитарных и компьютерных наук.

Отмеченные концепции, наряду с наработками цифровых антропологов, могут рассматриваться в качестве теоретико-методологической базы для развёртывания философского измерения

¹⁰ Первая информационная революция связана с зарождением письменности, вторая – с изобретением книгопечатания, третья – с телеграфом, телефонией, радиосвязью и телевидением.

¹¹ Первая информационная революция связана с зарождением письменности, вторая – с изобретением книгопечатания, третья – с телеграфом, телефонией, радиосвязью и телевидением.

исследований трансформации человека, общества, культуры в условиях цифровой реальности (например, в рамках современной философской антропологии, социальной, практической философии, философии культуры), а также открыть перспективы для трансдисциплинарных исследований данной проблематики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Horst, Heather A., Daniel Miller. *The Digital and the Human: A Prospectus for Digital Anthropology* / Heather A. Horst, Miller Daniel // *Digital Anthropology*. – London; New York: Bloomsbury Academic. – P. 3–35. URL: <https://www.ucl.ac.uk/anthropology/people/academic-and-teaching-staff/daniel-miller/digital-and-human-prospectus-digital-anthropology-1> (Дата обращения 18.05.22).
2. Соколовский С. В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии / С. В. Соколовский // *Этнографическое обозрение*. 2020 № 1. С. 5–22.
3. Boellstorff T. *Rethinking digital anthropology* / T. Boellstorff // *Digital Anthropology* [Eds. by H. Horst, D. Miller]. – London: Bloomsbury, 2012. – P. 39–60.

УДК 111 – 055. 1/3

ПРАКТОПИЯ ТРАНСГУМАНИЗМА: СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

THE PRAKTOPIA OF TRANSHUMANISM: SOCIO-ANTHROPOLOGICAL ASPECT

Пономарева Галина Михайловна

доктор философских наук, профессор, г. Москва, Московский университет имени М.В.Ломоносова, профессор кафедры философской антропологии.

Ponomareva G.

doctor of philosophy, professor, Moscow, Moscow State University, professor of the department of philosophical anthropology.

Аннотация: для продвижения своих идей представители трансгуманизма часто используют утопическое проектирование. Его особенность в том,

что оно развивается на технократической основе и тесно связано с концепцией «Антропологического перехода». Наиболее интересной на данный момент времени формой социально-антропологических рефлексий утопического типа в рамках трансгуманизма является практопия. С ее помощью описывается трансграничное состояние человека и трансгрессивная динамика человечества.

Abstract: Representatives of transhumanism often use utopian design to promote their ideas. Its peculiarity is that it develops on a technocratic basis and is closely related to the concept of "Anthropological Transition". The most interesting form of socio-anthropological reflections of the utopian type within the framework of transhumanism is praktopia. It describes the transborder human condition and the transgressive dynamics of humanity.

Ключевые слова: трансгуманизм, практопия, постчеловек, социальная антропология, мораль, этика, практическая философия.

Keywords: transhumanism, praktopia, posthuman, social anthropology, morality, ethics, practical philosophy.

Способность человека как разумного существа к самовосполнению, самоисправлению и самосовершенствованию сопутствовала ему на всем протяжении истории вида *Homo sapiens*. Неслучайно научный прогресс всегда был связан с попытками «оптимизации» человеческой природы средствами хирургии, протезирования, вакцинации, трансплантации и т.д. Проблема заключается в невозможности четкого определения пределов и целей такой «оптимизации», в установлении допустимого/недопустимого воздействия на человека. С этой точки зрения социально-антропологические (как и любые другие) основания трансгуманизма требуют всестороннего анализа и объективной оценки. Однако сделать это непросто: трансгуманизм неоднороден по составу и достаточно провокативен в сфере продвигаемых им идей.

С одной стороны, его теоретическая и технологическая подоплека является объектом жесткой критики и отторжения, с другой, - она воспринимается как свидетельство глобального «Антропологического перехода», одновременно связанного с историческим оптимизмом и с трудно прогнозируемыми тенденциями, которые не могут быть объяснены и поняты с помощью привычных аналогий и культурно-исторических экстраполяций.

Не касаясь достаточно сложного теоретического контекста появ-

ления трансгуманизма, порождающего многочисленные дискуссии, остановимся на его утопической составляющей, которую можно определить в координатах постсовременной практопии, описывающей трансграничное состояние человека и трансгрессивную динамику человечества. Термин «практопия» используется в данном случае в более широком смысле, чем обозначение литературного жанра. Она трактуется как форма западноевропейского самосознания постсовременного типа, средство осознания человеком своих возможных перспектив в режиме настоящего времени, как результат применения методологических процедур аппроксимации.

Состояние переходности, зафиксированное трансгуманизмом, связано с непредсказуемостью потенциальных траекторий дальнейшего развития. Прогностическая модель практопии в данном случае обеспечивает определенную устойчивость положительного прогноза: трансгуманизм допускает оптимистический сценарий привлекательного будущего, что контрастирует с апокалиптическим настроением эпохи постмодерна. В этом плане трансгуманизм сопрягается с т.н. «новой антропологией», когда новейшие биотехнологии «будут иметь существенные политические последствия — они заново откроют возможности социальной инженерии, от которой отказались общества, обладавшие технологиями двадцатого века» [5, с. 30]. Для правомерности трактовки трансгуманизма как практопии достаточно вспомнить одно из широко распространенных определений его целей: «Усиление интеллекта, духа, воли, целеустремленности, ответственности, достижение свободы личности от биологического носителя, повышение степени освоения пространства и уровня управляемости материей и энергией» [4, с. 242]. Средствами достижения указанных целей в рамках трансгуманизма становятся:

- «новая этика» (с мифологемами Постчеловека, Пуэра-Сенекса, Агона);
- кардинальное преобразование человеческой телесности за счет «полной киборгизации каждой клетки человеческого организма и превращения тела в полностью управляемую материю» [4, с. 215] (с мифологемой «Тела-без-органов»);
- управляемая трансформация (с мифологемой Андрогина);
- «новая религиозность» (с мифологемой «Вечного существования»).

Очевидно, что в рамках практопии трансгуманизма «мы должны уже говорить не о человеке, а неких гуманоидах, разных формах и видах гуманоидной жизни, среди которых собственно привычный человек - лишь один из видов, причем уже уходящий. Человек - вид исчезающий... На его место становится биокиборг, кентавр» [3, с. 89]. В данном случае на первый план выходит парадоксальное качество человека, которое чрезвычайно редко принимается во внимание и анализируется – его изначальная химеричность.

В качестве рабочего концепта понятие «химеричность» используется в публикациях А.-Т. Тименецки, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, Д. Харауэй, З. Холмана, Дж. Хома и др.

В современных исследованиях по трансгуманизму описание человека с помощью привлечения мифологемы Химеры (сестры Сфинкса), осуществляется, чтобы подчеркнуть его изначальную «сконструированность», «сделанность», «спроектированность», способность к телесной (и не только) трансформации. Другой стороной химеричности человека является сочетание в нем несочетаемого, его неуловимость, невозможность однозначной фиксации его аутентичности. Химеричность человека давно стала проблемой для практической философии не антропоцентрического типа. Это связано не только с децентрацией природы человека, но и с его исследованием в сопряжении с существованием «химерического Другого», его нравственного потенциала, прав, свобод, ответственности и пр.

В практопии трансгуманизма меняется векторность моральных отношений: человек утрачивает статус Единственного, выступая в роли «равного среди равных» в координатах взаимодействий «человек – животное», «человек – машина», «человек – растение», «человек – предмет». В практопии уравнивание человека с «химерическим Другим» позволяет снять вменяемую ему рациональность в качестве определяющей черты морально значимого поведения и вернуться к хтоническим формам морального самоопределения. Здесь практическая философия становится близкой научной фантастике: если раньше химеричность воспринималась как эмблема ошибок человеческого познания, то теперь она обретает статус базового основания морального выбора. Кроме того, указанная тенденция позволяет более глубоко исследовать средовую обу-

словленность механизмов моральной регуляции, отойдя от абстрактно-универсальных моделей моральной философии классического типа.

В границах химеричности сочетание несочетаемого подчиняется определенным правилам согласования бинарных оппозиций (центр – периферия, избыток – нехватка, глубина – поверхность, моральность – аморальность, познаваемость – непознаваемость, природа – культура, человечность – нечеловечность, естественность – искусственность и т.д.) Данные дихотомии всегда стояли на страже границ внутри оппозиций «человек-животное», «человек-машина», «человек-растение», «человек – вещь». Эти границы определяли также правила регуляции моральных отношений с Другим и Иным. В практопии трансгуманизма указанные границы утрачивают непроницаемость. Основания моральной акцентуации и оценки кардинально меняются. Начинаются трансгрессивные игры с ранее недопустимым, запретным, непознанным.

В практопии как разновидности утопического проекта имеются хорошо известные базовые основания, которые и делают его утопическим. Однако практопия трансгуманизма имеет ряд особенностей. Она не экстраполируется в будущее, но позиционируется как самоосуществляющееся пророчество в режиме настоящего времени. Практикопия оперирует «опытом настоящего», базируется на «модусе современности» и допускает статусное значение негативных явлений. Кроме того, практопия процессуальна: она предполагает изменение и развитие в качестве варианта своей трансформации в социальном времени-пространстве. Данные особенности практопии позволяют рассматривать ее моральные детерминанты как принципиально амбивалентные, а выстраиваемую в ее рамках систему моральных отношений как транспарентную, конвергентную.

В практопии трансгуманизма пространственная часть ее хронотопа четко определяется как территория, тотально измененная человеком. В ней нет «неприрученной природы», и территориальность человека трансгрессируется с помощью механизмов коэволюции. Человек окончательно приспособливает среду своего обитания под себя: она обретает мультиприродность вместо мультикультурности. Это позволяет снять действие естественного отбора в отношении *Homo sapiens* и сосредоточиться на «постчеловеке».

При такой постановке вопроса человек из «случайного каприза эволюции» становится фактором, управляющим ее ходом в нужном ему направлении. Изменение статуса природы превращает любые моральные обязательства по отношению к ней в лишние смыслы. Подчиняя своей власти «внешнюю природу», человек ограничивает ее влияние на пространство своего собственного тела, разрушает векторность моральных взаимоотношений с естественным, натуральным, нормальным. Моральная регуляция в указанном контексте возможна только по отношению к виду *Homo sapiens*, но не по отношению к индивиду. Этика вида – тот предел, в который упирается постметафизическое мышление.

Пересмотр морально-значимых отношений с природой и исключение природы из сферы моральной регуляции предполагает трансформацию идеала человека и реестра его социальных ролей. В практопии постчеловек действует «по ту сторону добра и зла»: в трансгуманизме упразднено значение верховной контролирующей инстанции. Отличительная черта постчеловека (помимо имморализма) – его особая телесность, в которой естественное неотличимо от искусственного. Преобразование телесности ставит вопрос о границах тела и его доступности/недоступности для Другого. Тело человека теряет свою ценность, т.к. перестает быть уникальным и неповторимым, данным индивиду от природы по праву рождения и обеспечивающим его идентичность. С другой стороны, тело гарантирует вечное существование постчеловека: оно бесконечно восполняется за счет разнообразных модификаций и обновлений. Такое тело постчеловека как трансгрессирующего существа требует «новой этики» – этики отстранения, ироничной этики: тело постчеловека – тело симбионта, тело химеры. Присутствие в теле постчеловека «химерического Другого» делает его «человеческий прототип» гротескным, требующим перманентного апгрейда. Избегая «антропологического проклятия» и становясь бессмертным, постчеловек перестает «быть телом», обретает власть над своей телесностью. Диктат непрекращающейся жизни приходит на смену диктату смерти. В данном контексте эвтаназия обретает в мире трансгуманизма огромную моральную ценность. Она санкционируется культурой и выступает как проявление «свободы прекращения

непрекращающегося». Эвтаназия дает постчеловеку возможность применить на практике «новую этику смерти», в которой отрицание смерти сменяется ее полным принятием и моральным оправданием. Однако «новая этика жизни» и «новая этика смерти» приводят к смысловой аберрации: родство и материнство теряют значение и девальвируются. Идентичность постчеловека в силу его сконструированности не предполагает наличия указанных «институтов»: наступает время т.н. «дисперсного родства».

В практопии трансгуманизма моральное раскрепощение постчеловека меняет и его социальные роли: от Субъекта Познания – к Наблюдателю и, наконец, – к Конструктору, к Программисту. Роль Программиста, бесконечно проектирующего формы своей идентичности и вытекающие из них траектории жизненной реализации, кладет предел праву человека на исконную природную судьбу. Становясь проектом самого себя и превращаясь в Программиста, постчеловек резко меняет морально-этические основания отношения к Другому – он обесценивается. В практопии трансгуманизма этика Другого диссонирует с этикой Конструктора, порождая глубокий разлом, этический конфликт, средства для решения которого в практопии не предусмотрены.

В свое время Ф. Фукуяма писал: «Мы готовы войти в постчеловеческое будущее, в котором технология даст нам возможность постепенно изменить нашу сущность ... Может статься, что мы каким-то образом обречены на этот новый вид свободы, или что на следующей стадии эволюции... мы сознательно возьмем за наше биологическое строение, а не оставим его в руках слепых сил естественного отбора» [5, с. 307].

Однако практопия трансгуманизма не позволяет так оптимистично смотреть на будущее человека. Скорее, она намечает те «реперные точки», размышление над которыми дает человеку возможность сохранить свой моральный потенциал и свое человеческое лицо в ожидании «Антропологического перехода».

ЛИТЕРАТУРА

1. Амадова, Н. Е. Оценка рисков внедрения конвергентных технологий в различные сферы общественной жизни / Н. Е. Амадова // Научный результат. - 2015. - № 1. - С. 39-43.

2. Смирнов, С.А. Наше бесчеловечное будущее, или Уловка трансгуманизма / С.А. Смирнов // Человек. - 2022. - Т. 33. - № 1. - С. 61 – 79.
3. Смирнов, С. А. Современная антропология: Аналитический обзор / С.А. Смирнов // Человек. - 2003. - № 5. - С. 86-94.
4. Турчин, А. В. Футурология. XXI век. Бессмертие или глобальная катастрофа? / А. В. Турчин, М. А. Батин. - М.: Бином. Лаборатория знаний, 2013. – 264 с.
5. Фукуяма, Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. / Ф. Фукуяма. – М.: Люкс Лухе, 2004. – 349 с.

IV. ГОРИЗОНТЫ СОЦИУМА

УДК 177

ЭССЕ О СТАРОЙ И НОВОЙ ИДЕОЛОГИИ

ESSAY ON OLD AND NEW IDEOLOGY

*Борисов Сергей Валентинович**д-р филос. наук, профессор, г. Челябинск, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, заведующий кафедрой философии и культурологии**Borisov Sergey Valentinovich**Dr. Philosophy Sciences, Professor, Chelyabinsk, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies*

Аннотация. Эссе представляет собой рассуждения об истоках и смысле идеологии и о ее влиянии на общественную жизнь. Критическая рефлексия в отношении идеологии позволяет противодействовать ее влиянию. Действенным инструментом для этого выступает практическая философия.

Abstract. The essay is a reflection on the origins and meaning of ideology and its impact on social life. Critical reflection on ideology allows you to counteract its influence. An effective tool for this is practical philosophy.

Ключевые слова: общественные отношения, идеология, аксиология, сознание

Key words: public relations, ideology, axiology, consciousness

Мы все знаем, что жить в обществе и быть свободным от общества невозможно. Однако практически никто не стремится к такой свободе, поскольку она оборачивается изоляцией, которая тягостна для любого. Такая изоляция означает потерю себя, поскольку помимо себя самого я всегда существую для кого-то Другого, в присутствии которого я выстраиваю значимые для меня отношения с миром, опосредованные этим Другим. Так что хотим мы или нет, но сущность каждого из нас социальна, то есть определяется через отношения, в которых мы находим друг друга.

Вот именно на этой плодородной почве социальных отношений вырастает такой паразитический нарост, который получил название

идеологии. Идеология – система концептуально оформленных идей, которая выражает интересы, мировоззрение или идеалы тех или иных общественных групп, политических субъектов. Паразитизм идеологии заключается в том, что она не может создать какие-то новые формы социальных отношений или взаимодействий, она «вырастает» из сложившихся, существующих отношений, питается их жизненной энергией, от которой всецело зависит, но претендует на то, чтобы заявлять о своей власти над умами и душами творцов этих отношений. Идеология создает «иллюзию серфингиста», которого можно назвать покорителем волн, хотя реально его воле не подчиняется ни одна волна.

Цели идеологий либо охранительные, либо преобразовательные определяются мифом или о «светлом прошлом», или о «светлом будущем». Меня лично всегда интересует настоящее, но для идеологии настоящего не существует, потому что идеология никогда не интересуется деталями того, что есть. Она всегда говорит о том, как хотелось бы или как не хотелось бы в свете тех или иных идеалов прошлого или будущего. Поскольку идеологии не имеют отношения к реальности, то не бывает ни «истинных», ни «ложных» идеологий. Все идеологии представляют собой релятивистские интеллектуальные стратегии, наподобие тех, к которым прибегали греческие софисты. Поскольку «человек есть мера всех вещей», важно не что есть вещь, реальность, истина, важен человек, который сам выбирает стратегию поведения относительно этой вещи, реальности или истины. Выбор стратегии зависит от выбора цели, которую человек тоже определяет сам. Можно достичь любой цели, лишь бы стратегия была верной.

Идеология не может быть научной, как и наука не может быть идеологической. Главное отличие идеологии от науки в том, что идеология любые партикулярные, частные интересы или взгляды выдает за универсальные, всеобщие. Критическое мышление – это то, что идеологии даже не снилось. Идеологию, как и софистику, всегда интересует победа в споре, а не поиск истины, причем, как и в софистике, к победе следует идти любыми способами, как корректными, так и не очень.

Конечно, своей критикой идеологии я не открываю что-то новое, я лишь напоминаю о хорошо забытом старом. Данная критика велась и очень обстоятельно, начиная с философов Просвещения. Но если кто-то скажет, что благодаря этой критике люди выработали иммунитет к идеологическому влиянию, я не поверю. Проект Просвещения еще не завершен, хотя просвещенный век уже наступил. Ведь главной целью просветителей было освобождение человеческого сознания от заблуждений, суеверий и предрассудков, легитимирующую существующую систему господства. А поскольку власть над умами людей обеспечивает политическую власть, просветители и пытались научить людей жить своим собственным умом для практической реализации принципов «разума», «науки», «демократии», «прав человека». Однако свободной и ответственной личности не получилось, и одна форма господства сменилась на другую, и решающую роль в этом сыграла идеология.

Если рассмотреть знаменитые «идолы» Ф. Бэкона [1, с. 18-20] в контексте идей Просвещения, то получится интересная картинка, иллюстрирующая истоки идеологий. Каким же идеологическим «идолам» поклоняются люди? «Идолы рода» – это традиции, обычаи, клановые и национальные интересы, которые хороши только тем, что они очень привычны, как халат и домашние тапочки, с которыми трудно расстаться и в которые так удобно «встраиваться», потому что они подогнаны под тебя, заносены, засалены и обжиты, а значит – они самые лучшие; в связи с этим все новое, непривычное, необычное воспринимается как враждебное, нарушающее покой и уют мещанского быта.

«Идолы пещеры» – это мои личные привычки и благополучие, которые я ставлю выше общественного блага, то есть блага других окружающих меня людей. «Моя хата с краю...», «А почему я?», «Я не интересуюсь политикой...», «А что я, я как все...» Эти и многие другие клише подобного рода выражают позицию человека, который боится перемен и не хочет извлекать из истории ее главного урока: все переменится, ничего неизменного нет. В наше время люди, поклоняющиеся «идолу пещеры», представляют собой жертвы футурошока, которые так красочно описал Э. Тоффлер [3, с. 391-396].

«Идолы рынка» – это простые, даже упрощенные объяснения, мифологемы, клише, языковые стереотипы, тезисы без аргументов, шутки-прибаутки, то есть весь словесный хлам, который формирует автоматизмы нашей речи, когда можно говорить не думая. Нам кажется, что мы владеем языком, но в этом случае язык владеет нами. Именно здесь находят питательную почву все идеологии и их заботливый садовник – пропаганда.

«Идолы театра» – это вера, надежда, любовь, но не сами по себе в своей максиме и абсолютном значении, а в идеологическом воплощении в лице человека, наделенного эпитетами власти и авторитета. В отношении конкретного человека, например, соседа, проявить эти качества очень трудно, но в отношении такой абстракции, как вождь, царь, император, фюрер, проявить эти качества очень легко. Как и везде, здесь идеология тоже дает простое решение: люби, верь и надейся не ради реального дела, а ради самих эмоций, которыми можно просто умиляться и при этом ничего не делать.

Пожалуй, последним ярким критиком идеологии в духе идей Просвещения был К. Маркс. Для него идеология – это ложное сознание, превратное мировоззрение, выражающее специфические интересы определенного класса, выдаваемые за интересы всего общества. Именно капиталистическая идеология сформировала такие феномены как отчужденные (противоестественные) труд и богатство. Однако пройдет совсем немного времени и «правовверные марксисты», в частности В.И. Ленин, будут говорить уже о «хорошей» («правильной») и «плохой» («неправильной») идеологии. К первой группе относится «идеология пролетариата» или «революционная идеология», а ко второй – «идеология буржуазии» или «охранительная идеология». То есть очень скоро идеология перестала рассматриваться как ложное сознание, и это открыло возможности для взращивания и вскармливания Левиафана тоталитарных обществ.

Что же представляет собой идеология сейчас? Понятно, что в настоящее время идеология – это не призрачная иллюзия, которая уводит нас по пути грез либо в направлении «светлого прошлого», либо к «светлому будущему». Ныне идеология – это виртуальная конструкция, которая служит опорой реальной действительности. То есть задача идеологии не искать способ ускользнуть от действи-

тельности, а наоборот, представить саму социальную действительность, какой бы она ни была, неким укрытием от травмирующей реальности. Да, реальность не такая, какой нам хотелось бы, но идеология поет умильным голосом: «А зачем тебе реальность? Живи здесь и сейчас в своих мечтах, фантазиях, иллюзиях и не думай о реальности, предоставь эти мысли тем, кто будет служить тебе и заботиться о тебе».

Современная софт-идеология снимает с исторической действительности всю ее сложность и серьезность, дает ощущение простоты и ясности, когда все многочисленные отношения сводятся к простой и понятной модели. В этом плане идеология – это мифология современности, которая паразитирует на реалиях «глобальной деревни», в которой мы все сейчас живем. Много объединяет идеологию с мифом, это и эмоциональность, и массовость, и вождизм, и символизм, и иррациональные табу-реакции на инакомыслие.

Эффективная идеология вытесняет познавательную способность: не нужно думать, нужно открыться эмоциям. Эта идеология строится исключительно на оценочных суждениях, ведь только такие суждения дают необходимую эмоциональную накачку от полюса умиления до полюса ненависти. Эффективная идеология всегда выглядит как инструкция к действию, потому что дает ответы на главные вопросы русской классики: кто виноват? и что делать? Правда, составить какой-либо вразумительный план действий на основе этой идеологической инструкции невозможно. Эффективная идеология обладает жесткой логикой, но эта логика герметична, она абсолютно не чувствительна к контексту конкретной жизненной ситуации. И наконец, эффективная идеология чрезвычайно живуча, она проникает во все сферы жизни. Для духовной сферы общества ее миазмы особенно вредны, когда ими заражается философия и наука. Увы, примеров тому немало...

Практическая философия – это противоядие от идеологии. Читайте и перечитывайте «Нравственные письма к Луцилию» Луция Аннея Сенеки. Просто процитирую без комментариев.

«Дальше от народа пусть держится тот, в ком душа еще не окрепла и не стала стойкой в добре: такой легко переходит на сторону большинства. Непременно ты или станешь ему подражать, или его возненавидишь. Между тем и того, и другого надо избегать: нельзя

уподобляться злым оттого, что их много, нельзя ненавидеть многих оттого, что им не уподобляешься. Уходи в себя, насколько можешь; проводи время только с теми, кто сделает тебя лучше, допускай к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше» [2, с. 12-13].

«Философия – не лицедейство, годное на показ толпе, философом надо быть не на словах, а на деле. Она – не для того, чтобы приятно провести день и без скуки убить время, нет, она выковывает и закаляет душу, подчиняет жизнь порядку, управляет поступками, указывает, что следует делать и от чего воздержаться, сидит у руля и направляет среди пучин путь гонимых волнами. Без нее нет в жизни бесстрашия и уверенности: ведь каждый час случается много, что нам требуется совет, которого можно спросить только у нее» [2, с. 30].

«Философия учит делать, а не говорить. Она требует от каждого жить по ее законам, чтобы жизнь не расходилась со словами и сама из-за противоречивых поступков не казалась пестрой. Первая обязанность мудрого и первый признак мудрости – не допускать расхождения между словом и делом и быть всегда самим собою. – “Но есть ли такие?” – Есть, хоть их и немного. Это нелегко. Но я и не говорю, что мудрый должен все время идти одинаковым шагом, – лишь бы он шел по одной дороге» [2, с. 37].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бэкон Ф. Афоризмы об истолковании природы и царстве человека / Ф. Бэкон // Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2 – 581 с.
2. Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луцилию / Луций Анней Сенека. – М.: Наука, 1993. – 383 с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 557 с.

УДК 304

О МЕТАФИЗИЧЕСКОМ И УТОПИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ К. ПОППЕРА

ON THE METAPHYSICAL AND UTOPIAN NATURE OF K. POPPER'S LIBERAL CONCEPT

Тарасов Олег Владимирович

к. филос. наук, доцент кафедры всеобщей истории и философских дисциплин, г. Стерлитамак, Стерлитамакский филиал БашГУ

Tarasov Oleg Vladimirovich

candidate of philosophy, associate Professor

*of the Department of General History and Philosophical Disciplines,
Sterlitamak, Sterlitamak branch of Bashkir State University*

Аннотация. В статье критически анализируются некоторые оценки, даваемые В.Н. Жуковым либерально-демократическим идеям К.Р. Поппера, как, якобы, метафизическим и утопическим. Показывается необоснованность и непоследовательность такого рода оценок.

Abstract. The article critically analyzes some of the assessments given by V.N. Zhukov to K.R. Popper's liberal democratic ideas as allegedly metaphysical and utopian. The unreasonableness and inconsistency of such assessments is shown.

Ключевые слова: Поппер, метафизика, утопия, наука, либеральная идеология, социальная инженерия.

Key words: Popper, metaphysics, utopia, science, liberal ideology, social engineering.

Целью данного исследования является критический анализ некоторых теоретико-оценочных суждений, высказанных в относительно недавней серии статей В. Н. Жукова в адрес либерально-демократической концепции К. Р. Поппера, изложенной в известном произведении «Открытое общество и его враги». Мы предполагаем, что разбираемые нами тезисы, в которых В. Н. Жуков характеризует идеи Поппера как метафизические и утопические, являются необоснованными и непоследовательными.

Из предлагаемого В. Н. Жуковым весьма содержательного идейного набора мы выбрали следующее. Во-первых, согласно В. Н. Жукову, позиция Поппера относительно соотношения мета-

физики и науки «была двойственной: с одной стороны, он выступал за поиски подлинной научности, в т. ч. в социальной науке, за освобождение ее от иррационализма, с другой – признавал неизбежность и необходимость метафизики в деле научного познания» [2, с. 39]. Во-вторых, относительно попперовских взглядов на соотношение метафизики и «социальной инженерии» В. Н. Жуков утверждает, что «Поппер, говоря о социальной инженерии, забывает о своей базовой установке, согласно которой метафизика предшествует любому научному (рациональному) познанию. <...> Поппер пытается разъединить эссенциализм (метафизику) и социальную инженерию, но практика... доказала, что социальная инженерия всегда была заложницей эссенциализма, т.е. метафизических схем». В-третьих, по мнению В. Н. Жукова, «предлагаемая Поппером социальная инженерия вполне может привести к тоталитаризму, что неоднократно происходило. <...> Эссенциалистский взгляд на историю, общество, государство и право, напротив, может повернуть общество к борьбе за либеральную демократию» [1, с. 28-29].

Попробуем разобраться с данными тезисами. Во-первых, действительно, отношение Поппера к метафизике не было полностью однозначным и ясным. По его мнению, существуют разные метафизические идеи – и такие, которые ставили «препятствия на пути прогресса науки», и такие, «которые способствовали ему». Разделение Поппером метафизики на разные по характеру идеи кажется странным, если присмотреться к тому, что именно он имеет в виду под полезными и вредными для развития науки метафизическими идеями. К полезным он относит, например, концепцию «умозрительного атомизма» и «веру в существование законов и регулярностей, которые мы можем обнаружить», к вредным – эссенциалистскую «веру в сущности» и возможность их «окончательного объяснения» [3, с. 60, 226, 302, 305]. Так вот, разве не странно считать метафизическими и полезными для науки такие понятия и идеи, как «атом» и «закон» природы, и в то же время, обвинять в обскурантизме метафизическую идею «окончательного объяснения», поскольку она «может создавать препятствия для... постановки новых и плодотворных проблем»? Спрашивается, в чем метафизичность первых из названных идей (в их полезности мы не

сомневаемся), если они, будучи вполне эмпирически проверяемыми (пусть не сразу при своем рождении, но потенциально), никогда не были насыщены заметным смысложизненным, мировоззренческим содержанием? И почему последняя идея не может быть полезной для науки, если она, являясь вполне смысложизненной, может как и любая смысложизненная (мировоззренческая) идея (вера) направлять, а точнее, вдохновлять «наши предположения» и исследования? Как видим, необходимая и полезная для науки, по Попперу, «метафизика» – это вовсе не метафизика, а вполне научные гипотезы, допускающие эмпирическую проверку, пусть и не сразу в удобном для возможной фальсификации виде. А вот то, что на самом деле является метафизикой, по крайней мере, считается ею со времен Аристотеля (эмпирически непроверяемая эссенциалистская «вера в сущности» и возможность их «окончательного объяснения»), Поппер оценивает как вредную для науки идею. Поэтому говорить о том, что Поппер однозначно «признавал неизбежность и необходимость метафизики в деле научного познания» – это, скорее всего, допускать ошибку. Более вероятно то, что он просто не всегда четко различал научные гипотезы большой степени общности и метафизические идеи абсолютистские, внеэмпирические по своей сути.

Далее, во-вторых, проводимое Поппером противопоставление эссенциализма (метафизики) и социальной инженерии, в свете только что сказанного, вряд ли можно считать противоречащим его якобы метафизической «базовой установке». Но, как бы там ни было, здесь важнее другое – реальна ли возможность отделить социальную инженерию от метафизического эссенциализма, или она на самом деле, как говорит В.Н. Жуков, «всегда была заложницей эссенциализма, т.е. метафизических схем»? Думается, да, это не утопия и не фантазия. Вспомним, что говорит о социальной инженерии сам Поппер. По его мнению, переустройство общественной жизни на принципах поэтапной «социальной инженерии частных решений» (или на демократических началах) предполагает обеспечение равновесия между стремлениями к двум очень разным, но одинаково важным целям. С одной стороны, необходим «протекционизм», то есть вмешательство государства в социальную жизнь, призванное защищать слабых от сильных. Это сопряжено с некоторым ограничением свободы индивидов в качестве условия гаран-

тированной защиты их безопасности как «оставшейся части свободы». Ведь «свобода... невозможна, если ее не гарантирует государство». С другой стороны, общество не в меньшей степени нуждается в создании, развитии и охране демократических «политических институтов, позволяющих избежать тирании» слишком сильного государства. Такими институтами, к примеру, являются всеобщие выборы, представительная власть, оппозиция меньшинства и т.д. Ведь «только свобода может сделать безопасность надежной». Основываясь на научно-рациональном критическом анализе «фактической информации», мы должны строить или изменять социально-политические институты в соответствии с нашими конкретными ясно определенными целями, такими, например, как предотвращение экономического спада, обеспечение занятости, или распределение общественного богатства «более или менее равномерно». Проекты решения такого рода актуальных социальных проблем в силу их достаточно узкого (частного) характера «относительно просты», «содержат меньший риск» негативных последствий, и в случае неудачи легче поддаются исправлению. При реализации таких проектов возможен «разумный компромисс», ограничивающий нашу склонность к насилию. Методология «частных социальных решений» представляет собой практическое воплощение морального требования «уменьшать страдания» конкретных людей, делом «помогать нуждающимся в нашей помощи». Эта умеренная рационально-научная методология противопоставляется Поппером попыткам «увеличить счастье» людей и «создать рай на земле». То есть, противопоставляется попыткам, вдохновляемым метафизическими, абсолютно возвышенными идеалами. Не умеренные идеи и компромиссные цели, а именно метафизические идеалы, напрочь оторванные от эмпирии, согласно Попперу, способны привести «к созданию преисподней». Это может выражаться, в частности, в фанатичной нетерпимости к инакомыслию и «спасению душ посредством инквизиции» [4, с. 248, 30, 154, 148-150, 165-166; 5, с. 152; 4, с. 54, 200-201, 292; 5, с. 274]. Спрашивается, где здесь связь социальной инженерии и метафизики, где включенность первой во вторую? И какая «практика», интересно, якобы «доказала» эту связь и эту включенность? Конечно, если отождествлять научные теорети-

ческие идеализации и гипотезы с метафизическими идеями, к чему, очевидно, нередко прибегает В.Н. Жуков, то, что ни возьми, все будет подтверждать его тезис о неразделимости социальной инженерии и метафизики. Вот только на каких основаниях мы можем позволить себе заниматься подобного рода отождествлениями?

Что касается третьего тезиса В.Н. Жукова о предлагаемой Поппером социальной инженерии, которая, будто бы, «вполне может привести к тоталитаризму», тогда как метафизический эссенциализм, «напротив, может повернуть общество к борьбе за либеральную демократию», то, учитывая сказанное выше, мы можем добавить только одно. Утверждать подобное – это значит просто видеть белое черным и наоборот.

К сожалению, аналогичные негативные оценки приходится давать и некоторым другим высказываниям В. Н. Жукова в адрес Поппера. Например, относительно того, что стремление британского философа якобы «максимально рационализировать жизнь отдает утопизмом». Что же это за максимальная рационализация, если Поппер, по признанию самого же В. Н. Жукова, «трезво смотрит на человеческий мир, признавая ограниченные возможности разума» [1, с. 19]? Или вот еще одна характеристика В. Н. Жуковым Поппера как «типичного утописта». Она дается в связи с попперовским убеждением в том, что «ценности либеральной демократии и гуманизма... должны быть ориентиром для любого народа», и что поскольку научно доказать это нельзя, Поппер будто бы апеллирует «к неким априорным принципам «высшей человеческой духовности», т.е. к метафизике» [1, с. 21-22]. Опять-таки, о какой такой апелляции к «высшей духовности» здесь идет речь? Ведь в действительности Поппер призывал всего лишь к созданию таких социально-политических условий, при которых можно относительно эффективно решать «частные» актуальные проблемы для облегчения повседневной жизни людей, а не для того, чтобы сделать их счастливыми. А что решение такого рода задач более действенно происходит при режиме либеральной демократии, а не при тоталитарных диктатурах – факт достаточно явный. Косвенно реальность данного факта признает и В. Н. Жуков, когда пишет, что «либеральная модель привлекает все больше людей... просто потому, что либеральная демократия дает гарантии личной и общественной

безопасности, делает жизнь людей более комфортной» [1, с. 25]. Странно, но признавая этим высказыванием (вслед за Поппером, кстати) то, что либерализм более гуманен, чем диктатура, В. Н. Жуков почему-то не считает себя таким же «типичным утопистом», что и критикуемый им философ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков В. Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Гносеология Платона и тема историцизма // Государство и право. 2020. № 11. С. 15-29.
2. Жуков В. Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном. Природа научного метода // Государство и право. 2020. № 10. С. 36-44.
3. Поппер К. Р. Логика и рост научного знания: избранные работы. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1983. 605 С.
4. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 448 с.
5. Поппер К. Р. Открытое общество и его враги Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. 528 с.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА

INTELLIGENTSIA AND MORAL PROBLEMS OF SOCIETY

Канышева Ольга Альбертовна,

*Канд. филос. наук, доцент, г. Пушкин, Ленинградский университет
им. А.С. Пушкина, доцент кафедры философии*

факультета философии, культурологии и искусства

Kanysheva Olga Albertovna,

Candidate of Philos. Associate Professor, Pushkin,

*Leningrad State University named after A. S. Pushkin, Associate Profes-
sor of the Department of Philosophy, Faculty*

of Philosophy, Cultural Studies and Art

Аннотация. В статье дан анализ феномена интеллигентности и формы его присутствия в обществе. Автор поднимает нравственную проблему общества и необходимость формирования интеллигенции как социального слоя для решения нравственных проблем социума.

Abstract. The article analyzes the phenomenon of intelligence and the form of its presence in society. The author raises the moral problem of society and the need for the formation of the intelligentsia as a social stratum to solve the moral problems of society.

Ключевые слова: интеллигентность, добро, интеллектуал, зло, счастье, долг.

Keywords: intelligence, kindness, intellectual, misfortune, duty.

Современная культура сталкивается с такими этическими проблемами, как солидарность, взаимопомощь, понимание, интеллигентность. Это связано с культурой мышления, как пишет об этом И. Кант, отсутствие которой порождает эти проблемы. Интеллигентный человек понимает необходимость должного поведения в обществе. Но тогда появляются вопросы о том, что такое счастье. «На самом деле мы и находим, что, чем больше просвещенный разум предаётся мысли о наслаждении жизнью и счастьем, тем дальше человек от истинной удовлетворенности. Отсюда у многих людей, и притом самых искушенных в применении разума, если только они достаточно искренни, чтобы в этом признаться, возникает некоторая

степень мизологии, т.е. ненависть к разуму, так как по вычислении всех выгод, которые они получают — я не скажу от изобретения всевозможных ухищрений обычной роскоши, но даже от наук (которые в конце концов представляются им также некоторой роскошью рассудка),— они все же находят, что на деле навязали себе на шею только больше тягот, а никак не выиграли в счастье. Поэтому они в конечном счете не столько презирают, сколько завидуют той породе более простых людей, которая гораздо больше руководствуется природным инстинктом и не дает разуму приобретать большое влияние на их поведение» [2, с.164].

Мизология, или ненависть к разуму связана с вопросами счастья и страдания. Выходит, что тот человек, который больше думает, больше и страдает. В свою очередь, человек, который не затрудняет себя размышлениями, меньше рассуждает, проще смотрит на мир и, как говорят в народе, лучше спит, есть русская поговорка: «меньше знаешь, лучше спишь». Выходит, что образование губительно для достижения счастья. Сегодня люди «закрывают глаза» на социальные проблемы и просто живут: проходят мимо нуждающихся в помощи людей, одним словом, бегут от проблем. Значит, социальный интеллект снижается из-за утилитарной этики: «моя хата с краю». Сегодня не модно быть интеллигентным человеком: в автобусе кондуктор, увидев интеллигентного человека восклицает с презрением: «Вот еще, интеллигент нашелся!» - он уже удивляется этому и, более того, пытается «добить последнего» интеллигента. Низкая образованность, деловитость, нахрапистость, которые становятся эталоном поведения капитализирующегося общества, где «элита» или разбогатевшая часть населения себя так и ведет, демонстрирует свою «этическую» состоятельность, подтверждающуюся материальным благополучием.

Конечно, И. Кант имел в виду высокообразованных людей, которые в силу своего образования или высокого интеллекта не в состоянии обидеть другого человека или любое живое существо. Категорический императив И. Канта обращен именно к интеллектуальной части населения, которая по причине разумности просто не в состоянии вести себя безнравственно.

Современная русская культура нуждается в интеллигентных людях, которые выполняют роль «этических санитаров» в обществе, нуждающемся в помощи и поддержке в минуту трудности. Как говорится в русской поговорке: «хороша ложка к обеду», нужна своевременность помощи. На это способны мужественные люди, которые являются социальными героями, спешащими на помощь.

Сегодня общество нуждается в новой этике, которая стала бы повседневной формой общежития. Нужна этическая активность социума, незамедлительная реакция на решение этических проблем. Политизация общества разлагает его с точки зрения морали. Люди ждут утверждения законов, которые бы положили конец аморальности, но одни законы, которые всегда запаздывали и будут запаздывать, не устранят социальных проблем.

Речь идет о социальной активности гражданина в ситуации «здесь и сейчас». Постмодернистская игра в этическую беспринципность, когда дозволено зарабатывать деньги любыми способами, приводит к этической катастрофе: люди играют социальные роли, и эта игра приводит к криминальным последствиям, когда грань между игрой и реальностью вдруг нарушается и появляются «герои» подростки, берущие в руки автомат и расстреливающие невинных людей, как если бы это была только игра, где он вошел в роль Бога. И тогда смех, рождающийся доброй игрой, сменяется на слезы и отчаяние вдруг свершившейся злой игры. Таким образом мы видим, что игра может быть как доброй, так и злой. Сама по себе игра как социальное явление, как и воля человека по И. Канту, ни злая и не добрая. Игра в постмодернизме выступает как беспринципность, как этическое качество.

Беспринципность есть отсутствие этической позиции, когда человек согласен на все, но таким образом он позволяет по отношению к самому себе делать все что угодно. С другой стороны, беспринципность порождает вседозволенность.

Игра имеет обратную сторону: когда ты играешь, то играют и с тобой. В этом опасность игры. Игра есть иррациональное явление, где, как в мифе, отсутствует причинная обусловленность, справедливость, предсказуемость. Казалось бы, добрый и ласковый герой может обратиться в чудовище.

Жизнь в ее повседневности соткана из этой мифореальности, где присутствует одновременно и жизнь, и смерть, и добро, и зло.

Нерефлексивность жизни порождает стихийность и неуправляемость социального поведения. Интеллигентность выполняет роль исполнителя рефлексивной функции общества. Пробуждение социального сознания общества есть прямая обязанность интеллигенции, которая должна «рассекать» любую этическую ситуацию., защищать человека от самого себя, человека от человека. Перефразируя известное высказывание М. Мамардашвили о философии, можно сказать, что интеллигентность — это сознание вслух, где интеллигент — это, однозначно, философ. «Я хочу определить философию как сознание вслух, как явленное сознание» [4, с. 57].

В русской культуре известный культуролог и семиотик Ю.М. Лотман в одной из бесед о русской культуре¹² говорит о матери, как о первом в жизни человека интеллигенте, который пытается понять язык ребенка и переходит на его язык. Образ матери в христианской иконописи, склонившейся к ребенку, внемлющей его языку, обоготворяется. Русская икона Андрея Рублева «Троица» демонстрирует интеллигентность ангелов, склонившихся один к другому и внемлющих друг другу. Наклон головы в иконе обозначает диалог, расположенность на приятие Другого, что означает интеллигентность. Образ Иисуса Христа есть пример интеллигентности, который снизошел как богочеловек до людей и тем самым явил свою любовь к людям.

Интеллигентность с точки зрения Ю.М. Лотмана - это умение понимать язык Другого в прямом и в переносном смысле этого слова: умение говорить на языке Другого, слушать и слышать, что связано с уважением и любовью к человеку.

Сегодня существует необходимость поднять статус интеллигенции и увидеть его незаменимую роль в обществе. Келеман Л.А. перечисляет основные качества, которые определяют идеологию интеллигентности:

¹² Лотман Ю.М. Интеллигентность как культурное явление.// [19 из 33] Юрий Лотман — Интеллигентность как культурное явление - YouTube

1. Обостренное чувство справедливости, связанное с состраданием и сочувствием к судьбам человечества;

2. «Большая совесть», являющаяся второй природой интеллигента, берущая на себя ответственность за всю несправедливость мира;

3. Нравственный идеализм, связанный с верой в человека, в его способность к бесконечному нравственному самосовершенствованию;

4. Сострадание как общий принцип отношения к миру, где боль других людей отдается в сердце интеллигента;

5. Антимещанство, которое осуждает утилитарную этику, отказ от духовно-религиозных ценностей;

6. Гражданственность, которая связана со служением своему народу и своей стране, подчинением индивидуального всеобщему как условия человеческого достоинства [3, с.75-76].

Если обобщить ряд работ, посвященных теме интеллигентности, то можно увидеть, что все они прямо, или косвенно касаются этической проблематики интеллигента и определяют его нравственные качества как неотъемлемые свойства характера, или «второй природы» человека. Интеллигент по социальному статусу является человеком умственного труда, связанного с творческой деятельностью. Это предполагает его устремленность на высокие духовно-нравственные идеалы и ценности.

Эпоха постмодернизма явила миру интеллектуалов, которые как новое социальное явление отличаются от интеллигенции. Это новая интеллектуальная прослойка общества, которая ориентирована на социальную функцию интеллектуального работника, которого не касаются этические проблемы общества, т.к. от них он просто абстрагируется. Это, скорее всего, образованный человек, имеющий свою точку зрения на социальные явления, но не считающий нужным выполнять альтруистическую миссию в социуме. Одним словом, интеллектуал — это деградировавший интеллигент. «Интеллектуалы – это современные авторитеты в области оценки социально-политических последствий для культурного развития общества. Так как у общества есть потребность в такой оценке, потому и существуют интеллектуалы. Они всегда стоят в стороне от народа, в целом несведущего в тонкостях культурного развития, и государственной власти» [1, с.18].

Интеллигенция вытесняется интеллектуалами в современном обществе, которые не берут на себя задачи нравственного оздоровления общества, что порождает социальный вакуум, который заполняется преступностью и криминалом, т.к. «свято место пусто не бывает». В обществе назревает социальная потребность в формировании интеллигенции в интеллектуальной среде и формировании будущих педагогов одновременно как социальных работников, входящих в положение своих подопечных, где главной задачей является не только просвещение, но и воспитание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голубева Ю. В. Интеллигенция и интеллектуалы: критерии и различия. // Интеллигенция и интеллектуалы: критерии различия // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2011. – № 6. – С. 15-18.
2. Кант И. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. Основы метафизики нравственности. // И Кант. Сочинения. В 8-ми т. Т. 4. — М.: Чоро, 1994. — 630 с.
3. Келеман Л. А. Понятие «интеллигентность» в русской духовной традиции. // Вестник Ставропольского государственного университета: Понятие "интеллигентность" в российской духовной традиции. Вып. 36 / 2004. - С. 70-74.
4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. 2-е издание, измененное и дополненное. М.: Изд-во «Прогресс», «Культура», 1992. – 414 с.

УДК 314.52

**СПЕЦИФИКА И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ
СТУДЕНЧЕСКОЙ СЕМЬИ****SPECIFICITY AND PROBLEMS OF MODERN
STUDENT FAMILY***Жупник Олеся Николаевна**канд. филос. наук, г. Симферополь, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, ст. преподаватель
кафедры философии.**Zupnik Olesya Nikolaevna**PhD of Philosophical Sciences, Simferopol, Crimean Federal**V. I. Vernadskiy University, Lecturer of the Department of Philosophy.*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, которое позволило выявить специфику ценностных ориентаций на семью среди студенческой молодежи Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Были описаны факторы, влияющие на благополучие студенческого брака, дана характеристика трудностей, с которыми сталкивается студенческая семья, предложены меры поддержки студенческих семей.

Abstract. The article presents the results of a study that made it possible to identify the specifics of value orientations towards the family among students of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. The factors influencing the well-being of student marriage were described, the characteristics of the difficulties faced by the student family were given, measures to support student families were proposed.

Ключевые слова: студенческая семья, брак, семейные ценности

Key words: student family, marriage, family values

Социальные процессы, происходящие в современном образовании и обществе, затрагивают многие сферы жизни человека, в том числе и институт семьи, который несмотря на ценностные сдвиги в сознании молодежи, не перестает быть важной ценностью для всей российской молодежи [1; 4; 5].

Исследование студенческой семьи представляет интерес в контексте больших демографических проблем, повышения рождаемости, улучшения здоровья населения, воспитания будущего поколе-

ния. Обращение к молодой семье актуально в связи с тем, что в процессе воспроизводства населения именно молодая семья играет определяющую роль, так как 3/4 общего числа детей в стране рождаются у родителей моложе 30 лет

Студенческая семья – это семья, где муж и жена являются студентами дневной (очной) формы обучения высшего или среднего специального учебного заведения, а также семья с детьми, в которой один из родителей является студентом дневной (очной) формы обучения.

Основным мотивом создания современной молодой семьи участницы фокус-групп считают любовь, романтические отношения, что подтверждают и результаты исследований в других регионах [3]. Также молодые люди вступают в брак для обретения стабильности (в том числе и материальной, если хоть один из супругов работает), оказания взаимопомощи («муж помогает с тем, что ты не любишь или не успеваешь, например, с оформлением курсовой, но потом нужно помочь и ему»), взаимной поддержки («советы от другого», «более тесное и глубокое общение, чем с однокурсниками») для улучшения своих перспектив, материального благополучия и комфорта, наконец, для легитимизации половых отношений. Кроме того, у молодых пар сильное стремление к свободе, (подразумевается стремление обрести независимость от родителей (уйти от родителей), включая перспективу самостоятельного жилья).

Среди положительных сторон студенческих браков были подчеркнуты стабильность, «ощущение взрослой жизни», когда ты, «сталкиваясь с бытовыми проблемами в новой семье, начинаешь чувствовать ответственность больше, чем родители, и понимать беззаботность еще недавнего детства». Вступая в зарегистрированный брак, ты становишься более ответственным. Отношения с другим дают возможность самосовершенствоваться, научиться коммуницировать «24/7» с другим человеком, уступать, больше работать над собой. То есть появляется близкий человек со своими желаниями, своими потребностями, благодаря которому твой эгоизм «уходит в трубу». Преимуществом студенческой семьи также является возможность реализовать себя в разных творческих проектах, ведь многие молодежные программы рассчитаны именно на студентов.

Однако, как отметили участники исследования, вступая в брак, молодежь часто не задумывается о том, что семья – это также большой труд, поэтому часто в студенческих семьях обстановка начинает ухудшаться едва ли не с первых дней совместной жизни. Это связано также и с тем, что у молодежи отмечается сильное стремление к свободе, независимости, а брак – это, в первую очередь, «не о неограниченной свободе, это об обязательствах». Происходит конфронтация ценностей, когда культивируемые в современном обществе ценности твоей самореализации, свободы и прав в практической семейной жизни сталкиваются с обязанностями и свободами и правами другого. Это, кстати, и является причиной того, что молодежь все чаще выбирает свободные отношения, когда «они не венчаны, не связаны перед государством, да и друг перед другом».

Среди основных причин, ведущих к конфликтам в браке, в опросах было названо чрезмерное культивирование своего «я» («я – умная я – красивая, я – добрая...»), ведущее к эгоизму и к потребительскому отношению друг к другу. Участники фокус-групп считают, что сегодняшняя культура потребления проецируется также и на семейную сферу, то есть человек относится к другому как к товару, как к вещи, «она мне нравится – я беру, не нравится, найду другую, а у наших прабабушек и мысли не было разводиться». Одной из важных причин является также несовпадение интересов супругов.

К проблемам студенческой семьи участники фокус-групп относят неудовлетворенность студенческим статусом, связанным с неопределенностью в будущем; недостаток времени на учебу, сложность совмещать учебу и семью, так как много времени уходит на бытовые заботы (готовить кушать не только для себя, но для мужа: «не так просто захватить мужчину в плен, но и прокормить его»). Это особенно актуально, если раньше бытовыми проблемами занимались родители. Кроме того, важной проблемой является нехватка материальных средств, особенно если студентами являются двое супругов; невысокий размер студенческой стипендии в сравнении с зарплатой; отсутствие жилья. Стоит отметить, что определенным образом решать жилищные проблемы молодых семей помогает наличие студенческих общежитий. Из 25 % студенческих семей, не проживающих в студенческих общежитиях, только у 5 % опрошенных семейных студентов есть собственное жильё. Жилищную про-

блему семейных студентов смогли бы решить семейные общежития вуза, однако в настоящее время таких общежитий нет.

К студенческому браку, где оба супруга – студенты, многие отнеслись скептически, называя его «студенческой пищей», «пробой пера», «бесперспективным союзом». В качестве причин распадов студенческих браков, были названы следующие: «по глупости», «не сошлись характером», «спешка», «отсутствие жилья и материальные проблемы», неумение слушать друг друга, а то и вообще отсутствие коммуникаций между супругами. Однако, на вопрос, способствует ли виртуальное общение укреплению отношений, участники фокус-групп отмечали, что виртуализация связи между партнерами или супругами больше является вспомогательным средством. Она может помогать, если они находятся далеко друг от друга, может помогать в быту («купи то, купи се»), может на некоторое время продлить отношения, но все однозначно сошлись во мнении, что основу должно создавать живое общение («фейс ту фейс»). Кроме того, виртуализация может обесценивать общение, необходимое для формирования нормальных супружеских отношений. «Посылание сердечек» вовсе не свидетельствует о внимании человека к своей «второй половине».

Уточняя, в чем же причина более частых разводов в сравнении с прошлым, участники фокус-групп отметили, что брак, к сожалению, перестал быть священным, культивируется свобода отношений, а сам брак воспринимается отягощающим эти отношения фактором. Как известно, брачный союз мужчины и женщины, зарегистрированный органами ЗАГСа, называется гражданским (светским) браком. Но многие студенты ошибочно именуют «гражданским браком» незарегистрированное сожительство мужчины и женщины, называя его «проверкой, которая должна обеспечить последующее счастье». Однако подобный «брак» не всегда содействует формированию и укреплению взаимоотношений и характеризуется низким уровнем стабильности. Кроме того, по результатам проводимых в России переписей населения, примерно 85% мужчин, живущих в «гражданском браке» считают себя холостыми и свободными. Из женщин, состоящих в таком сожительстве, только 8% считают себя незамужними [4].

Кроме того, были выявлены рост профессионально-карьерных ценностей, в том числе у девушек, что связано, прежде всего, с желанием самореализации [2]; повышение возраста вступления в брак: девушки отметили оптимальным возрастом для вступления в брак – 26-30 лет, для мужчин – 27-33. По результатам исследований мы готовы утверждать, что данная тенденция будет только развиваться.

Стоит дополнить, что участники фокус-групп связывают снижение рождаемости из-за наличия социальных и экономических проблем, с которыми сталкивается наше общество в последние десятилетия. Среди них указываются жилищные проблемы, падение жизненного уровня, рост безработицы, алкоголизм членов семьи и т.п.

Заключение. Результаты фокус-групп показали, что семейные приоритеты у современной молодежи меняются, создание семьи и наличие детей утрачивают свои позиции в системе ценностных координат. Однако, само обсуждение семейных вопросов вызывает повышенный интерес у молодежи.

Особенности студенческого брака заключаются в общей деятельности супругов - учебе, изменениях социального положения. Семья представляет для студентов уникальную микросреду, связанную со стабильностью, взаимоподдержкой, реализует функцию любви, отдыха, интеллектуального общения с избранником, психологического комфорта и др. Серьезные экономические преобразования, нарастание нравственной раскрепощенности молодежи порождает ряд серьезных проблем.

Чтобы сохранить жизнеспособность студенческих семей, нужно развивать жизненные установки молодежи в отношении семьи на ответственное родительство, создавать позитивной образ современной семьи в СМИ, разработать комплексную целенаправленную программу основ семейной жизни в университетах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акутина С. П. — Современная студенческая семья: ценностные аспекты и жизненные стратегии / С. П. Акутина. – Социодинамика. – 2020. – № 8. – С. 1 - 13.
2. Жупник О. Н. Карьера в системе ценностей современной студенческой молодежи / О. Н. Жупник // Ученые записки Крымского

федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия. Социология. Педагогика. Психология. – 2019. – Т. 5 (71), № 2. – С. 19–27.

3. Лотова И. П. Студенческая семья: современный портрет, характеристика основных проблем и пути разрешения // Ученые записки ЗабГУ. Сер. Социологические науки. – 2017. – Т. 12, – № 3. – С.129–134.
4. Молодая семья в современном обществе : учеб. – метод. пособие / Е. В. Рыбак, Н. Г. Слепцова, А. Б. Федулова, Н. В. Цихончик; под общ. ред. А. Б. Федуловой. – 2-е изд., испр. и доп. – Архангельск : Изд-во САФУ им. М. В. Ломоносова, 2017. - 238 с.
5. Чигрин В. А. Роль и место ценностных и социально-профессиональных ориентаций в системе жизненного самоопределения молодежи / В. А. Чигрин, О. Н. Жупник // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия. Социология. Педагогика. Психология. – 2016. –Т. 2 (68), № 3. – С. 3–10.

УДК 1(091)

ФРАНКФУРТСКАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

FRANKFURT SCHOOL OF SOCIAL RESEARCH

Панца Роман Андреевич

аспирант, г. Тверь, Тверской государственный университет

Pantsa Roman Andreevich

postgraduate, Tver, Tver State University

Аннотация. Статья посвящена истории возникновения Франкфуртской школы социальных исследований, основанной на базе Франкфуртского университета в Германии. Отмечается, что Франкфуртская школа дала толчок для создания различных направлений критической теории в современных гуманитарных и социальных науках. В статье выполнен ретроспективный анализ трех поколений критических теоретиков, которые обучались во Франкфуртском институте.

Abstract. The article is devoted to the history of the emergence of the Frankfurt School of Social Research, based on the Frankfurt University in Germany. It is noted that the Frankfurt School gave an impetus to the creation of various areas of critical theory in modern humanities and social sciences. The article provides a retrospective analysis of three generations of critical theorists who studied at the Frankfurt Institute.

Ключевые слова: Франкфуртская школа; критическая теория; коммуникативное действие; Юрген Хабермас; история философии.

Key words: Frankfurt School; Critical Theory; communicative action; Jurgen Habermas; history of philosophy.

Институт социальных исследований – академическое учреждение Франкфуртского университета в Германии, также известное как Франкфуртская школа, был открыт в 1924 году. Институт является междисциплинарным исследовательским центром, ответственным за создание различных направлений критической теории в современных гуманитарных и социальных науках. Он состоит из группы ученых, продвигающих критическую теорию общества и подходы к её изучению с междисциплинарной точки зрения [2].

Институт социальных исследований был основан на пожертвования Феликса Вейля (1898–1975), немецкого ученого-марксиста аргентинского происхождения. Философ Карл Грюнберг (1861–1940) был первым директором Института. В октябре 1930 года Макс Хоркхаймер сменил Грюнберга на посту директора Института. В 1934 году Институт переехал в Соединенные Штаты, найдя дом в Колумбийском университете в Нью-Йорке, где он оставался до 1950 года, после чего он был переведен обратно во Франкфуртский университет в Германии.

Институт выпустил три поколения критических теоретиков. Учеными, составившими первое поколение Франкфуртской школы, являются социальный философ Макс Хоркхаймер (1895-1973), философ и политический теоретик Герберт Маркузе (1898-1979), социальный психолог и психоаналитик Эрих Фромм (1900-1980), философ, социолог и музыковед Теодор В. Адорно (1903-1969), социолог и философ Фридрих Поллок (1894-1970), социолог Лео Левенталь (1900-1993), а также теоретик политики и права Отто Кирххаймер (1905-1965) и политический теоретик Франц Нойманн (1900-1954) [1]. Эти ученые имели общее еврейское происхождение и марксистскую (материалистическую) политическую и научную

ориентацию. Так называемое второе поколение Франкфуртской школы наиболее заметно представлено философом и социологом Юргеном Хабермасом (р. 1929), чьи взгляды разделяли Альбрехт Велмер (1933-2018) и Клаус Оффе (р. 1940). Третье поколение критических теоретиков представляет социальный философ Аксель Хоннет (р. 1949), который до 2021 года возглавлял Институт социальных исследований. Существуют разные взгляды по поводу того, кто еще принадлежит к третьему поколению. Отмечая интернационализацию критической теории, в некоторых работах социальные философы Нэнси Фрейзер (р. 1947) и Сейла Бенхабиб (р. 1950) рассматриваются как представители третьего поколения Франкфуртской школы.

Члены Франкфуртской школы пытались разработать теорию общества, основанную на марксизме и гегелевской философии, но также использующую идеи психоанализа, социологии, экзистенциальной философии и других дисциплин. Они использовали основные марксистские концепции для анализа социальных отношений в капиталистических экономических системах. Этот подход, который стал известен как «критическая теория», привел к критике крупных корпораций и монополий, роли технологий, индустриализации культуры и упадка личности в капиталистическом обществе.

Первое поколение основателей Франкфуртской школы пыталось актуализировать критику капитализма Марксом. Этот проект включал не только необходимость учета продолжающегося существования капитализма, но и учет возникающих фашистских, а также государственно-капиталистических систем тоталитарного господства. Критика Маркса, таким образом, должна была быть расширена, чтобы объяснить восприимчивость масс, включая рабочий класс, к националистической пропаганде, фашистскому культу лидерства или самодовольство существующим порядком несправедливости через консьюмеризм, осуществляющий инверсию значимости потребления, стимулирующий производство, которое выступает как нечто самоценное, и индустрию культуры.

Второе поколение Франкфуртской школы родилось, когда Хабермас отказался от своей ранней теории ради «изменения парадигмы критической социальной теории», что привело к «теории комму-

никативного действия». В хорошо организованной самостоятельной установке в качестве спасителя критической теории через ее полную концептуальную перестройку Хабермас вовлекает в новое начало, вызванное широко диагностированными проблемами его ранней концепции, которая, среди прочего, объединяет эпистемологическую и трансцендентальную критику оснований познания с социально-нормативной критикой общества. Фактически проблема отсутствия адекватной концептуализации нормативности социальной критики становится отличительной чертой второго поколения и многолетним вкладом Хабермаса в критическую теорию.

Устойчивую продуктивность Франкфуртской школы можно объяснить тем фактом, что третье поколение влиятельных и плодovitых авторов в настоящее время создает новое интеллектуальное пространство для критической теории. Все более влиятельная теория признания Хоннета строится на выводах раннего Гегеля и Г.Х. Мида, чтобы сконструировать тройственное понимание признания: любовь или эмоциональное признание, уважение или моральное признание и уважение или социокультурное признание представляют для Хоннета три глубоко укоренившихся антропологических потребности, выполнение которых требуется агентам для полного развития как автономных личностей.

В 1950-х годах критические теоретики Франкфуртской школы разошлись в нескольких направлениях. Большинство из них отреклись от ортодоксального марксизма, хотя по-прежнему глубоко критиковали капитализм. Критика Маркузе усиления контроля капитализма над всеми аспектами общественной жизни нашла признание в 1960-х годах у молодого поколения. Юрген Хабермас стал одним из самых видных представителей Франкфуртской школы в послевоенные десятилетия. Он пытался открыть критическую теорию для развития аналитической философии и лингвистического анализа, структурализма и герменевтики. Хоркхаймер и его последователи отвергли понятие объективности в познании, указав на тот факт, что объект познания сам по себе встроен в исторический и социальный процесс через исторический характер воспринимаемого объекта и через исторический характер воспринимающего органа [1].

Эволюция Франкфуртской школы отразила общую тенденцию развития социальной философии Запада в XX веке: поиски путей

выхода из противоречий современного общества и попытки выдвижения идей для более перспективного социума будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов Б. Н. Социальная философия Франкфуртской школы (Критические очерки). М.: «Мысль», 1975. 359 с.
2. Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М.: Наука, 1977. С. 43-45.
3. Социальная философия франкфуртской школы. - М., 1978.

УДК 325.285

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ON THE QUESTION OF THE SOCIO-POLITICAL PREREQUISITES OF EXTREMIST ACTIVITY

*Дубиков Д. И., обучающийся кафедры философии
философского факультета Института «Таврическая академия»*

КФУ им. В.И. Вернадского

*Dubikov D. I., student of the department of Philosophy
of the faculty of Philosophy of the Institute «Tauride Academy» Crimean
Federal V. I. Vernadskiy University*

Аннотация: в статье рассматривается определение экстремистской деятельности (экстремизма) в законодательстве РФ, а также исследуются современные формы экстремизма: националистический и информационный.

Abstract: this article presents the definition of extremist activity (extremism) in legislation of RF, as well as modern forms of extremism: nationalist and informational.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, национализм, националистический экстремизм, гибридная война, информационный экстремизм.

Key words: extremism, extremist activity, nationalism, nationalist extremism, hybrid war, informational extremism.

В XXI веке экстремизм превратился в одну из самых сложных социальных проблем, а вопросы противодействия такому явлению стали одними из важнейших не только для отдельных государств, но и для всего мирового сообщества.

Понятие экстремистской деятельности в законодательстве

В Российской Федерации на законодательном уровне закреплены основы противодействия экстремистской деятельности. Так, в силу п. 2. ст. 29 Конституции Российской Федерации, не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства [см. 4].

Определение экстремистской деятельности (экстремизма) дано законодателем в Федеральном законе от 25.07.2002 г. №114-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.):

«<...>

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

- нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

<...>

- использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской...;

<...> [2].

Статья 15 указанного Федерального закона устанавливает ответственность за осуществление экстремистской деятельности (в т.ч. уголовную) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства в установленном законодательством порядке.

Националистический экстремизм

Конец XX века стал временем наибольшего распространения религиозного и националистического экстремизма. Если проявления религиозного экстремизма связывают, в основном, с исламским

фундаментализмом, то в основе националистического экстремизма лежит расовая дискриминация, разделение этнических общностей на высшие и низшие, принадлежность к определенной нации или народности и т.д.

Новая философская энциклопедия Института философии РАН определяет национализм как доктрину и политическую практику, которая основана на представлении о том, что основу государственности, а также хозяйственных и культурных систем, составляют целостные общности - нации [см. 6].

Национализм представлен в двух основных формах:

1. Гражданский (государственный) национализм, который направлен на обоснование легитимности государства, на консолидацию гражданской нации, государственную экспансию или изоляционизм; в крайних формах близок к понятию патриотизма

2. Этнический национализм, который предполагает, что нация – высшая форма этнической общности, которая обладает правом на обладание государственностью.

Определение национализма, приведенное выше, не учитывает все те действия, которые основываются на причинении вреда из-за чувств расовой, этнической неприязни. Следует различать две системы социальных установок:

1) взаимоуважение и равенство между людьми как представителями разных сообществ;

2) враждебность и стремление к превосходству представителей какого-либо сообщества.

В то же время простое отождествление понятий «национализм» и «националистический экстремизм», а также их употребление как синонимов, является неверным.

В многочисленных исследованиях определяется социально-психологический генезис националистического экстремизма. В исследовании Е.Г. Андриянченко он представлен в виде функционирования трех механизмов формирования социального поведения индивида - механизма этнической изоляции, механизма межэтнической напряженности и механизма национальной идентификации [см. 1, с. 63].

Первый механизм - этническая изоляция - является наиболее характерным для представителей национальных меньшинств в многонациональных обществах. В человеческом обществе это отражено в социальном поведении представителей национальных меньшинств: они стремятся к межличностной коммуникации с представителями своей национальной группы.

Второй механизм - межэтническая напряженность. В человеческом обществе это выражается в следующих особенностях социального поведения: неприятие культурных особенностей другой этнической общности, настороженность в отношении к лицам других национальных групп [там же, с. 63]. Пример функционирования такого механизма - напряженность между этническими сербами и этническими албанцами в Косово, где еще до распада СФРЮ в 1992 году наблюдались многочисленные стычки этих групп (при количественном преобладании последних в регионе). Такая напряженность в 1998 году привела к вооруженному конфликту - Косовской войне.

Третий механизм строится на процессе категоризации «мы» и «они»: представитель национальной группы сравнивает «свою» группу с другими. В процессе категоризации и сравнения группа стремится обособиться от других, самоопределиться и утвердить свою автономность [там же, с. 63-64].

Воздействие таких социально-психологических детерминант националистического экстремизма, к сожалению, приводит к значительному росту сторонников его идей, в том числе, и в российском обществе. Такой интерес к идеям националистического экстремизма рождает нигилистическое отношение (особенно в молодежной среде) к закону, порядку и правам человека, способствует распространению насилия. Несомненно, усиление этнической и межконфессиональной нетерпимости, а тем более ее переход в открытое противостояние, недопустимы.

Информационный экстремизм в эпоху гибридных войн

Современное общество уже по-другому относится к информации. Она становится ключевым социальным ресурсом, который, в свою очередь, вызывает как позитивные, так и негативные социальные последствия. Именно информация и новый уровень отношений к ней создают благоприятные условия для развития информационного

экстремизма, который становится не только разновидностью отклоняющегося поведения в условиях информационного общества, но и одним из средств современной гибридной войны.

Информационный экстремизм как один из методов гибридной войны направлен на поиски слабых мест в массовом сознании, в связи с чем проблема как гибридной войны в целом, так и информационных «диверсий» в частности, на сегодняшний день является актуальной.

Понятие гибридной войны используется с 2001 года. Тогда в англоязычной научной литературе появилось первое упоминание об этом типе войны, а уже с середины первого десятилетия XXI века термин «гибридная война» часто употребляется в работах Фрэнка Хофмана, Дэвида Килкаллена, Билла Немета и др. Гибридная война в понимании этих авторов - сочетание регулярных и иррегулярных форм ведения боевых действий [см. 3, с. 129].

Интересно проследить использование информационной составляющей гибридных действий на достаточно продолжительном историческом этапе. Так, например, англичане предпринимали попытки формирования негативного образа России во времена царствования Ивана IV Грозного, позже Сигизмунд Герберштейн - дипломат Священной Римской империи - издаст книгу «Записки о Московии», а с содержанием агитационных листовок и плакатов времен Первой мировой войны сегодня может ознакомиться каждый [там же, с. 32].

Исследователи признают, что информационный экстремизм, в отличие от других форм его проявления, наименее изучен. В связи с этим в качестве его причин выделяют:

- неполное понимание опасности данного явления, которое относят на второй план и считают его второстепенным;
- незаметность информационного экстремизма, который имеет безличный, анонимный характер [см. 5, с. 304].

В качестве примера информационного экстремизма принято считать выступление лидера «Аль-Каиды» (запрещена в РФ) Усамы бен Ладена после теракта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Тогда жители США разуверились в возможности государства обеспечить защиту своих граждан. В своем «письме Америке», которое было обнародовано 24 ноября 2002 г. в британской газете «Обсервер», тер-

рорист номер один называл причины атак: поддержку США Израиля, агрессию против мусульман в Чечне и других регионах, американское военное присутствие в мусульманских странах и санкции против Ирака [там же, с. 306].

В качестве применяемых технологий также выделяют эффект присутствия, который создают страницы в социальных сетях, фото и видео материалы, размещаемые на них. Так, например, члены ИГИЛ (запрещена в РФ) вели трансляции боевых действий в Twitter, а снимки своих жертв выкладывали в Instagram и оперативно сообщали новости своим подписчикам в Facebook. Примечательно, что в Российской Федерации запрещена деятельность социальных сетей, указанных выше, а сами они признаны экстремистскими.

Информационный экстремизм в любом его проявлении квалифицируется как преступное деяние, которое обладает большой разрушительной силой. Информационный экстремизм сегодня - набирающее силу явление. Стоит признать, что эпоха этого явления пока еще не наступила, однако, с учетом развития информационных технологий, данный вид экстремизма имеет свое будущее.

Негативные последствия экстремистской деятельности состоят в формировании, распространении и закреплении в общественном сознании извращенной идеологии и психологии агрессивного нигилизма и вседозволенности.

Экстремизм как вид насаждения всеобщей паники и страха для достижения определенных целей имел место в истории человечества на протяжении более двух тысяч лет. Но за все это время реальное содержание этого явления не изменилось - оно все так же состоит в осуществлении физического, психологического насилия над людьми.

Изучение истоков экстремистской деятельности дает возможность проанализировать сущностные основания данного явления, оценить степень живучести таких методов в социальной и актуальной сегодня политической системах общества, выявить существующие угрозы и сделать прогноз на завтра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриянченко, Е. Г. Радикальный национализм как социально-психологическое явление и факторы его формирования в российском обществе / Е. Г. Андриянченко. — Текст : непосредствен-

ный // Вестник экономической безопасности. — 2015. — № 6. — С. 62-65.

2. Закон Российской Федерации "О противодействии экстремистской деятельности" от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2021 г. - № 30. - Ст. 3031 с изм. и допол. в ред. от 01.07.2021.
3. Комлева Н. А. Гибридная война: сущность и специфика / Н. А. Комлева. — Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. — 2017. — Т. 12, № 3 (167). — С. 128-137.
4. Конституция России // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/> (дата обращения: 08.06.2022).
5. Пономарев, В. А. Информационный экстремизм и информационный терроризм в пространстве PR-технологий, СМИ и открытой информационной сети (Интернет): концептуальный аспект / В. А. Пономарев. — Текст : непосредственный // Вопросы теории и практики журналистики. — 2018. — № 2. — С. 301-319.
6. Тишков, В. А. Национализм / В. А. Тишков. — Текст : электронный // Новая философская энциклопедия ИФ РАН : [сайт]. — URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH3d2ea45a4294a99e279a3d> (дата обращения: 08.06.2022).

УДК 325.285

**ГОСУДАРСТВО КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ: ЖАНР УТОПИИ****THE STATE AS A SUBJECT OF PHILOSOPHICAL
REFLECTION: THE GENRE OF UTOPIA***Ковтушенко З. Н.,**обучающаяся кафедры философии философского факультета
Института «Таврическая академия» КФУ им. В.И. Вернадского**Kovtushenko Z. N.,**student of the department of Philosophy of the faculty of Philosophy of the
Institute «Tauride Academy» Crimean Federal V. I. Vernadskiy University*

Аннотация: в статье рассматривается проблема совершенного государственного устройства и соответствующая философская рефлексия. Понятие утопии как философское понятие следует рассматривать в аспекте, в котором оно выражает определенный способ мышления, реализуемый посредством текста в рамках специфического жанра «утопия». В статье обосновывается тезис, согласно которому утопия – это философский идеал, поскольку утопист мыслит философски. Если пренебречь этим знанием и воспринять философскую умозрительную конструкцию как инструкцию по построению государства в реальном мире, то философ из мыслителя превратится в государственного деятеля, политика, а утопия – в нежизнеспособное государство.

Abstract: the article deals with the problem of a perfect state structure and the corresponding philosophical reflection. The concept of utopia as a philosophical concept should be considered in a section in which it expresses a certain way of thinking, realized through the text, within the framework of a specific genre of "utopia". The article substantiates the thesis according to which utopia is a philosophical ideal, since the utopian thinks philosophically. If we neglect this knowledge and perceive the philosophical speculative construction as an instruction for building a state in the real world, then the philosopher will turn from a thinker into a statesman, a politician, and utopia into an unviable state.

Ключевые слова: утопия, утопические тексты, антиутопия, антиутопические тексты, философия, мышление, государство, тоталитаризм.

Keywords: utopia, utopian texts, dystopia, dystopian texts, philosophy, thinking, state, totalitarianism.

Нельзя не заметить схожесть утопической мысли в работах различных философов. Из этого можно сделать вывод о предельных основаниях утопического мышления, которое мы можем наблюдать сквозь призму анализа утопических текстов. Истоки утопической мысли можно найти в работе Платона с его диалогом «Государство». Льюис Мамфорд в своей истории утопий писал, что платоническое государство построено на идеалах спартанской казармы, и в этом смысле можно сказать, что все утописты «вышли из него» [5, с. 69]. Таким образом, текст Платона является образцовым текстом, с помощью анализа которого можно наблюдать истоки формирования утопического мышления как такового. Платон начинает своё рассуждение о государстве как строитель этого нового государства [7, с. 780].

В связи с этим отметим первую и основную особенность утопического мышления. Критика социальной действительности, в которой живет автор утопического текста, является важнейшим фактором для формирования утопического мышления. Несогласие с социальными реалиями дает прочный фундамент для того, чтобы к каждому вопросу, в том числе, к вопросу устройства общества подходить критически. Именно эта черта позволяет поставить в один ряд самые разные утопические тексты, созданные на протяжении истории и выявить основополагающий фактор утопического мышления – непризнание современной общественной системы.

В «Государстве» Платона [7], как и в «Утопии» [6] Томаса Мора и «Городе солнца» [4] Кампанеллы поднимается вопрос справедливого распределения благ между всеми гражданами общества. Прежде всего, это касается отмены частной собственности. Собственность, прежде всего, основана на институте семьи, ведь именно ответственность за семью стимулирует мужчину добиваться признания и богатства. Это главная причина неравенства и всех проблем государства. Поэтому общность жён и детей у Платона, общинный строй семьи у Томаса Мора и отмена института семьи у Томмазо Кампанеллы являются фундаментальной частью их утопической мысли с целью создания справедливого общества благоденствия.

Основой государственности как справедливого государства являются сохранение устоявшегося порядка, консерватизм и малая восприимчивость к нововведениям. «Государство» Платона, «Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона [3, с. 23] – это все наглядные образы примеров стабильных, сильных и нерушимых государств. Самое страшное для них – это несоблюдение внутреннего уклада общества, поскольку вся работа государства похожа на работу огромного механизма, который производит справедливость как результат своей слаженной работы идеально продуманных систем, неисправность даже одного «винтика»-гражданина, может привести к возникновению несправедливости.

Абсолютизм является неотъемлемым качеством утопических текстов. Все авторы подобного жанра абсолютизируют создаваемую ими в тексте реальность, делая эту мысль предельной. В утопических текстах все процессы жестко регламентированы и прописаны, отступление от указанных правил ведет к незамедлительным санкциям против данного индивида. Утопия – это некая идеальная модель, определенный способ мышления, причем философского мышления [10, с. 32]. Мыслители, создавая утопические тексты, руководствуются глобальным пониманием устройства мира. Они создают умозрительные государства, думая о благе всего человечества как системы, но забывая о жизни конкретного отдельно взятого человека.

Особое место в истории утопических текстов занимает двадцатый век. Тоталитаризм как тип государственного устройства является историческим временем, когда утопические идеалы столкнулись с попыткой их воплощения в жизнь. Тоталитаризм возникает и развивается в обществе, изначально основываясь на весьма влиятельной утопической концепции, направленной на коренное преобразование реальных общественных отношений по умозрительному образцу. «С давних пор просвещение в самом широком смысле прогрессивного мышления преследовало цель избавить людей от страха и сделать их господами. Но наконец-то просвещенная планета воссияла под знаком триумфирующего зла» [1, с. 18]. Для данной эпохи характерна вера в торжество разума и в возможности машин освободить людей от бремени тяжелого фи-

зического труда, что должно было привести человечество к счастливому лучшему будущему.

Утопическое государство – это идеал, а люди – не идеальны, но именно это и делает нас людьми. Поэтому при попытке построения идеального общества в реальном мире (такие примеры можно наблюдать в XX веке) необходимость внедрения тоталитарного режима оборачивает против живущих в это время людей. Прекрасное будущее ставится выше, чем жизнь современного человека, и превращает его жизнь, в существование на благо государства, а не на себя самого. Так, ответом и предостережением на пути к утопическому обществу является возникновение жанра антиутопии, который получил свой расцвет именно в XX веке, как феномен возвращения к жизни конкретного человека.

Авторы утопических текстов не преследуют в качестве цели счастье, любовь и свободу каждого конкретного человека. Главенствующим лозунгом утопических текстов является гармоническое развитие общества, справедливость как основа существования государства, но не счастье в жизни отдельного человека. Общественное развитие и государство ставится выше жизни обычных людей, предполагая, что человек, включенный в эту систему, так же будет гармоничен и устойчив, как и все общество. Индивидуализация личности противоречит сущности утопии, где гражданин «обезличен».

Вот поэтому мир любой утопии, по сути, тоталитарен, что в действительности и превращает ее в антиутопию. Николай Бердяев в начале XX века писал: «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос, как избежать окончательного их осуществления» [2, с. 57]

Утопия — это своего рода попытка воплотить свои идеальные представления о миропорядке, а главная задача антиутопии – оспорить миф, создаваемый утопистами. Писатели-антиутописты показывают, что попытка реализации утопии обернулась трагедией для миллионов людей. Не случайно именно в XX веке, в веке экспериментов по реализации утопических проектов, антиутопия окончательно формируется как самостоятельный литературный жанр.

В данной статье была проанализирована философская проблема устройства совершенного государства, рассматривая развитие и становление утопической мысли о государстве. Утопии имеют ряд общих черт, которые мы назвали особенностями утопического мышления, наблюдать их мы можем в утопических текстах.

Однако, все эти качества можно свести к одному основополагающему принципу - принципу рациональности. Это базовый принцип человеческого мышления. Утопическому миру присуща строгая регламентация и иерархия. Устраняются или подвергаются давлению все факторы, способные нарушить эту рациональную гармонию, а поскольку вечный источник иррациональности заключается в самом человеке, человек становится главным объектом давления и манипуляций. Здесь главное противоречие между отмеченным принципом и возможной иррациональностью человеческого поведения.

Антиутопия как литературный жанр и особенный тип человеческого мышления обращается именно к иррациональному, к чувствам, переживаниям, к жизни отдельного человека. На наш взгляд, ключевой особенностью антиутопических текстов является их обращение к индивиду, который выпадает из общей государственной системы. Как замечает Дикарь в романе О Хаксли «О дивный новый мир», человек нуждается в праве быть несчастным, больным и смертным, иначе он перестает быть человеком. «Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха» [9, с. 39]. Следует отметить, что антиутопия выражается не только в тираническом режиме, который описывается в романах Хаксли, Брэдбери, Замятина, Оруэлла. Антиутопия — это экзистенциальный акт, который человек выполняет, освобождая себя от участия в утопическом пространстве [8].

Линию развития утопической мысли о государстве можно представить в связи: утопия-тоталитаризм-антиутопия.

Вывод таков: утопия – это не готовый проект для построения государств, это определённый способ мышления о социальной реальности, а не руководство к действию. Утопическое мышление дает человеку некий «утопический взгляд», с помощью которого утопия становится зеркалом, в котором можно увидеть недостатки социального устройства общества. Если пренебречь этим знанием

и воспринять философскую умозрительную конструкцию как инструкцию по построению государства в реальном мире, то философ из мыслителя станет государственным деятелем, а утопия превратится в тоталитарное государство. Антиутопия как феномен, получивший свое максимальное развитие в XX веке, есть реакция на попытки воплотить утопические идеи в жизнь. Это некое текстовое пространство, позволяющее нам увидеть, что будет, если человечество не будет понимать назначение утопии как способа мышления и примется ее воплощать в действительность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно, Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения / Теодоро Адорно, Макс Хоркхаймер; Пер. с немецкого М. Кузнецова – М. – СПб.: Медиум, Ювента, 2002. – 312 с.
2. Бердяев, Н. Смысл истории. Новое средневековье / Н. Бердяев – М.: Мысль, 2001. – 176 с.
3. Бэкон, Френсис. Новая Атлантида/ Френсис Бэкон – СПб : Азбука, Азбука-Атикус, 2017. – 304 с
4. Кампанелла, Томмазо. Город солнца / Томмазо Кампанелла – СПб: Азбука, Азбука-Атикус, 2017. – 128с.
5. Мамфорд, Л. История утопий / Луис Мамфорд-М.: АСТ, 2000. – 160 с.
6. Мор, Томас. Утопия / Томас Мор. -СПб: Азбука, Азбука , 2017. – 160 с.
7. Платон. Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018.- 1311 с.
8. Поляков А. В., Мамардашвили М. К. Об утопическом мышлении: от логики мифа к логике символической. Гуманитарный вестник, 2021, вып. 3. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-k-mamardashvili-ob-utopicheskom-myshlenii-ot-logiki-mifa-k-logike-simvolicheskoy/viewer> Дата обращения : 01. 06. 2022
9. Хаксли, О. О дивный новый мир / О. Хаксли – М.: Тера – книжный клуб, 2002. – 288 с.
10. Шестаков В. П. Эволюция русской литературной утопии / В. П. Шестаков- М.:Владос, 1995. – 208 с.

УДК 37.013.43

**КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ
СОХРАНЕНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ВО ВРЕМЕНА
ОСТРОСОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ****CULTURAL HERITAGE AS A TOOL FOR PRESERVING
IDENTITY IN TIMES OF ACUTE SOCIAL CONFLICTS***Пугачёва Виктория Олеговна**аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского,**Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна, ка-
федры культурологии и социокультурного проектирования**Pugacheva Victoria Olegovna**Postgraduate student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal Uni-
versity, Institute of Media Communications,**Media Technologies and Design, Department of Cultural Studies and So-
cio-Cultural Design*

Аннотация: в данной статье рассматривается роль культурного наследия в решении социальных конфликтов. Особое внимание уделяется культурному наследию как инструменту для преодоления проблем, основанных на идентичности и разрозненности культур в постконфликтный период.

Abstract: this article examines the role of cultural heritage in solving social conflicts. Special attention is paid to cultural heritage as a tool for overcoming problems based on identity and cultural fragmentation in the post-conflict period.

Ключевые слова: культурное наследие, идентичность, конфликт

Keywords: cultural heritage, identity, conflict

В современных реалиях культура играет центральную роль в выявлении первопричины конфликта и способствует определению шагов по обеспечению мира и безопасности. Одна из самых больших проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня – это объединение людей для совместного мирного сосуществования. В постконфликт-

ных ситуациях культурное наследие становится действенным средством восстановления общин, помогая им вернуть чувство нормальности и воссоединиться со своей идентичностью. Стратегии применения следует изучать на основании анализа успешных вариантов разрешения конфликтов с помощью культурного наследия. Исходя из этого, в данной работе мы уделяем особое внимание данной проблематике, так как на сегодняшний день существует потребность в применении инструментария культурного наследия к различным социальным сферам.

Изучения опыта использования культурного наследия в современном мире также может помочь объяснить конфликты между социальными внутренними и внешними группами, которые могут включать в себя сложное взаимодействие коллективной памяти, национализма, обид, относительных лишений и дилемм безопасности.

Одной из главных организаций, выступающих за сохранение культурного наследия и передачи его ценностного значения, является ЮНЕСКО. Когда ЮНЕСКО была основана после Второй мировой войны, термин «культура» использовался главным образом для обозначения художественной продукции в области изобразительного искусства и литературы. В Декларации Боготской конференции по культурной политике 1978 года было четко указано, что культура «как совокупность ценностей и творений общества и выражение самой жизни имеет важное значение, а не является простым средством или вспомогательным инструментом социальной деятельности». Сегодня это базовое определение культуры, изложенное во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, принятой в 2001 году [1]. Особенную роль в сохранении диалога во времена остросоциальных проблем и конфликтов играет именно культурное наследие, так как культура остается тем немаловажным фактором, который способен сдерживать и регулировать общество и возникающие конфликты.

На протяжении всей истории культурные ценности и культурное наследие часто становятся мишенью для уничтожения во время конфликтов, главным образом из-за их самобытной ценности (религиозной, социальной, культурной и т.д.) для определенных групп населения и из-за сплоченности, которую они отражают. Разнообра-

зие и различия между культурной средой, языками, религиями, историей и наследием составляют культурное богатство России и всего мира. Уничтожение культурного самовыражения и наследия, связанного с определенной идентичностью, препятствует объединению тех людей, которые претендуют на эту идентичность, и в долгосрочной перспективе мешает группе выразить себя и реализовать свой потенциал в качестве свободных граждан. Проявление разнообразия (культурного, этнического или религиозного) не является препятствием для развития, а скорее увеличивает богатство страны и общества в условиях глобализации.

Обращение к культурному наследию для регулирования конфликтов идентичности позволяет расширять границы возможных инструментов. Во время конфликтов, основанных на идентичности, культурное наследие выполняет четыре важных функции:

- укрепление (подтверждение идентичности);
- легитимизация (поддержка или оспаривание существующих структур власти и межгрупповых отношений);
- нормативная (восстановление справедливости и расширение прав и возможностей);
- исцеление (поддержание баланса между запоминанием и забвением).

Многие усилия, направленные на защиту или интерпретацию значения места, обеспечивают основу для проверки и укрепления идентичности группы (групп), связанных с ним. Различные группы приписывают определенные ценности местам на основе четких суждений о важности конкретных событий, людей или мест в истории нации, этнической или религиозной группы. Группа, связанная с этим местом, может захотеть прославить свое прошлое и восхвалять внутригрупповую идентичность – место считается важной и существенной основой для ее идей и целей, создавая таким образом ситуацию, когда один «способ рассмотрения истории преобладает над другим», и «монументалистская концепция прошлого» одобряет процесс избирательного выделения мест и эксплицитных интерпретаций, который создает специфические способы истории [3, с. 28].

С другой стороны, ценности, приписываемые местам культурного наследия, могут отражать важную историю, направленную на улучшение общества и восстановление справедливости. Благодаря

критическому изложению событий, связанных с конкретным местом, «прошлое может стать силой для личностного роста и политического и социального улучшения» [5, с. 34]. Усилия, направленные на противостояние и рассмотрение альтернативных повествований о наследии, дают возможность услышать истории различных групп и сообществ внутри страны и подчеркивают различные интерпретации корней насилия в прошлом [4, с. 88].

Одной из преобладающих функций становится функция легитимизации наследия, и она относится к поддержанию существующих структур власти и межгрупповых отношений. Некоторые режимы и группы у власти могут использовать наследие, чтобы оправдать свое нынешнее положение как превосходящее по отношению к внешним группам, подчеркивая насилие, совершенное в прошлом внешними группами, или изображая эти внешние группы как упрощенные, нецивилизованные и представляющие реалистичные и символические угрозы для внутренней группы. Такие мифы, которые обеспечивают символическую основу для установленного социального порядка, контекстуализируются в рамках политической и социальной жизни сообщества [8, с. 91].

Своим отношением к наследию группы, находящиеся у власти, могут оправдать насилие по отношению к чужим группам. Из-за их принадлежности к определенной социальной категории группе может быть отказано в некоторых правах или доступе к ресурсам и власти (экономическая и политическая дискриминация) или к основным потребностям, включая еду (голод), территорию (включая отказ или ограничение доступа к наследию или депортацию) или право на существование (геноцид) [7, с. 51]. Таким образом, некоторые из ценностей, приписываемых наследию группами, находящимися у власти, могут поддерживать «режимы истины» [6, с. 47], которые подтверждают существующие структуры власти и развивают лояльность среди молодого поколения.

Следующая важная функция – нормативная. Нормативная функция наследия связана с восстановлением справедливости и расширением прав и возможностей меньшинств и угнетенных групп. Эта ценность «представляет собой импульс противостоять несправедливости истории и исправить ее» [5, с. 102]. Основопола-

гающее понятие этой ценности заключается в том, что многие нормы и мораль в обществе создаются путем манипулирования и применения силы со стороны доминирующих групп.

Строительство наследия тесно связано со строительством национальных государств и формированием коллективной идентичности каждой нации. Наследие и самобытность стали частью объединенной и сложной структуры, гарантирующей внутреннюю стабильность и внешнюю силу. В случае вооруженного конфликта, будь то внешнего или внутреннего, наследие и самобытность будут по-прежнему переплетены не к выгоде, а во вред обеим сторонам. Бомбардировка национального культурного наследия противника не должна быть искажена как бессмысленный вандализм, это в основном хорошо продуманная стратегия. Например, как произошло в бывшей Югославии и Косово, разрушение Мостарского моста, который был идентифицирован с боснийцами и превращен в руины хорватским отрядом [11, с. 12].

Крупным примером, когда культурное наследие стало инструментом в регулировании острых вопросов идентичности является Судан – крупнейшая постколониальная страна в Африке, обладающая обширным культурным, этническим, языковым, географическим и религиозным разнообразием. Страна была разделена в результате многочисленных гражданских войн, но в 2005 году между Северным и Южным Суданом было подписано Всеобъемлющее мирное соглашение. Наиболее важным аспектом соглашения было продвижение использования культурного наследия в качестве средства устранения конфликтов идентичности и поощрения взаимодействия между различными культурами.

Формирование культурного наследия, понимаемое как основной инструмент в разрешении культурных конфликтов (религиозных, национальных, конфликтов, основанных на вопросе идентичности и т.п.), привело к созданию музеев, галерей, образовательных проектов, где во время процесса обучения происходит слияние различных форм культур, эклектичное нематериальное наследие. В результате культурное наследие стало использоваться в качестве средства политического и культурного противостояния различными группами, имеющими идеологические разногласия. Главным условием для достижения целей, которые будут реализовываться с

помощью культурного наследия, следует уделять особое внимание межкультурному обмену и диалогу между различными социальными группами, чтобы объединить их и сосредоточиться именно на их сходствах, а не различиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Secretariat of the Directorate of Culture and Cultural and Natural Heritage (2019), *The role of culture and cultural heritage in conflict prevention, transformation, resolution and post-conflict action: The Council of Europe Approach*
2. Brosché, J., & Rothbart, D. 2013. *Violent conflict and peacebuilding: the continuing crisis in Darfur*. London: Routledge. – p. 122
3. Blustein, J., 2008. *The Moral Demands of Memory*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. – p. 98
4. Galaty, M. 2011. «Blood of Our Ancestors: Cultural Heritage Management in the Balkans». In *Contested Cultural Heritage Religion, Nationalism, Erasure, and Exclusion in a Global World*. Edited by H. Silverman. New York: Springer Publisher. – p. 103
5. Galanter, M., 1992. «Righting Old Wrongs». *Philosophy and Public Policy Quarterly*. – p. 131
6. Foucault, M., 1991. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. Harmondsworth, UK: Penguin. – p. 187
7. Korostelina, K., 2007. *Social Identity and Conflict: Structures, Dynamics, and Implications*. New York: Palgrave MacMillan. – p. 135
8. Holtorf, C., & Kristensen T.M. 2015. «Heritage erasure: rethinking «protection» and «preservation» *International Journal of Heritage Studies*
9. Horowitz, D.L., 2001. *The deadly ethnic riot*. Irvine: University of California Press. – p. 107
10. Hultman, L., 2007 «Battle losses and rebel violence: raising the costs for fighting» *Terrorism and Political Violence*
11. Leturcq, Jean-G., *Heritage-making and Policies of Identity in the «Post-conflict Reconstruction» of Sudan*
12. Walasek, H. 2015. *Bosnia and the Destruction of Cultural Heritage*. London: Routledge. – p. 201

УДК 1.13.130.2

ТРАНСГУМАНИЗМ: ЗАКАТ ЭРЫ ГУМАНИЗМА

TRANSHUMANISM: THE DECLINE OF THE ERA
OF HUMANISM

*Рецова Карина Мишаевна,
аспирант, г. Ростов-на-Дону,*

*Южный Федеральный Университет, Институт философии и соци-
ально-политических наук, кафедра «Социальная философия».*

*Retsova Karina Mishaeвна,
postgraduate student, Rostov-on-Don, Southern Federal University, Insti-
tute of Philosophy and Socio-Political Sciences,
Department of Social Philosophy.*

Аннотация. На сегодняшний день философские и мировоззренческие основы трансгуманизма недостаточно отрефлексированы, хотя они представляют большой интерес с точки зрения болевых точек современного общества. Цель данного исследования — обосновать зарождение и развитие концепции трансгуманизма как следствие экзистенциального кризиса современности.

Abstract. To date, the philosophical and ideological foundations of transhumanism are not sufficiently reflected. The purpose of this study is to substantiate the origin and development of the concept of transhumanism as a consequence of the existential crisis of our time.

Ключевые слова: трансгуманизм, современность, сингулярность, искусственный интеллект, биоэтика, киборгизация, биотехнология.

Key words: transhumanism, modernity, singularity, artificial intelligence, bioethics, cyborgization, biotechnology.

Современная эпоха существенно отличается в своем социокультурном базисе от всех предыдущих культурных парадигм. Повсеместная цифровизация (в сфере общения, потребления, процессах государственного регулирования и обеспечения повседневной жизнедеятельности) привела к изменению структур восприятия человека, которые, в свою очередь, начали разрушать бытующую социально-культурную парадигму. Помимо цифровизации, к вызовам современности можно отнести нестабильность экономической и геополитической ситуации, усиление влияния корпораций на со-

знание индивида (нейромаркетинг, нативная реклама), создание новых «мифологий» (в медицине, истории, психологии, эзотерике), межпоколенческий конфликт, возникновение симбиотической связи человека с гаджетами и стремительное развитие нанотехнологий, которое в совокупности с биоморфологической свободой человека способно киборгизировать его тело. В данной статье будут рассмотрены ключевые моменты, доказывающие почему возникновение трансгуманистических идей является точкой невозврата к ориентирам модерна и постмодерна.

Трансгуманизм знаменует собой логический конец эпохи модерна и начало принципиально нового способа человеческого существования. Общим для всех направлений трансгуманизма является стремление выйти за пределы привычного человеческого существования и обрести сущностно новые характеристики.

Кардинальная смена традиционного способа освоения действительности на цифровой повлекла за собой и изменения в онтологическом минимуме и самовосприятии индивида (например, идея цифрового бессмертия путем переноса сознания на цифровой носитель перестала касаться чем-то фантастическим). Традиционные общности заменяются искусственными, члены которых определяются через знаковое и символическое потребление и мировоззренческие постулаты (индивид более независим от своей биологической семьи, его главная ценность — его тело и сознание, с помощью которых он входит в искусственные общности, реализуя тем самым свои жизненные стратегии).

Нематериальные и отвлеченные ценности перестали иметь постоянную значимость, они принимаются и манифестируются индивидом в зависимости от приоритетов текущего момента (все сложнее представить себе ситуацию, когда такие понятия как, например, честь или достоинство становятся превыше индивидуального существования; в ситуации поливариантных ценностей стержнем индивидуального состояния становится собственное физическое тело, которое надо сохранить любой ценой).

Человеческое тело — больше не данность, а «вопрос индивидуального выбора» [1]; возможности генетики, медицины и эстетической косметологии на сегодняшний таковы, что индивид, имея же-

вание, возможность и средства, может заново «пересоздать» себя, следуя своим представлениям; таким образом, такие категории, как смирение, ограничения, судьба, теряют свое фатальное значение и становятся лишь точкой приложения усилий и средств для их исправления.

Значительное увеличение продолжительности жизни и активной ее части в совокупности с развитием системы онлайн-образования, ростом динамики смены профессиональной ориентировки человека и необходимости соответствовать постоянно изменяющимся требованиям текущей профессии приводят к тому, что индивид больше не имеет возможности всецело сосредоточить свое внимание на узких вопросах своей профессиональной деятельности; к постоянной информационной нагрузке присоединилась невротизация, связанная с беспокойством об актуальности собственных знаний и навыков.

Глобальные поисковые системы, такие, как Гугл приобрели не просто повсеместное распространение, а качество симбиотичности по отношению к человеческому мозгу; таким образом, можно сказать, что они в совокупности с прочими сегментами интернет-пространства превратились в некое сверхиндивидуальное метасознание в виде хранилища знаний, интерпретаций, а зачастую и точек зрения, которые индивид усваивает без критики как свои собственные.

Искусственный интеллект уже превосходит способности человека во многих сферах, где речь идет об обработке данных. Кроме этого, он способен брать на себя и некоторые функции деятельности человека, которые принято относить к категории творческих. Например, написание связных текстов на различные темы. С помощью искусственного интеллекта уже автоматизировали процессы во всех жизненно важных областях, включая банкинг, ретейл, медицину, безопасность, промышленность.

С темой искусственного интеллекта тесно связано понятие постсингулярной культуры, приход которой прогнозируется в не столь отдаленном будущем, но ее черты уже есть. О феномене сингулярности активно и всерьез заговорили после известной статьи математика и писателя Вернора Винджа «Технологическая сингулярность» [2]. Основной чертой постсингулярной культуры должен

стать переход от тотального приоритета последовательно сменяющих друг друга художественных стилей к параллельному, одновременному существованию всего возможного разнообразия культурных форм, к свободе индивидуального творчества и индивидуального потребления продуктов этого творчества. Завершение чередования стилей и направлений не означает остановки эволюции культуры, просто после прохождения точки сингулярности новации в формах будут появляться не последовательно, а в едином потоке, не вытесняя, не сменяя друг друга [3].

Такие отрасли науки, как био- и генная инженерия, развитие биотехнологий постепенно размывают границы описательных характеристик самого понятия «человек». Ранее в двух основных картинах мира — религиозной и научной — это понятие имело ряд неизблемых характеристик, хотя бы в смысле «тварности» (в религиозной) и постепенного происхождения вида (в научной). В обоих случаях человек сам не мыслился творцом себе подобных. Мощным сдвигом этой парадигмы сегодня является то, что человек уже может сам влиять на генетические модификации своего будущего потомства, и этот процесс набирает возможности и мощности с каждым днем. Например, стандартной практикой сегодня стало выбирать пол ребенка при ЭКО, хоть и с оговоркой, что это можно сделать только, чтобы избежать генетически обусловленных заболеваний. Таким образом, биоэтический нравственный аспект «выведения» людей с желаемыми качествами и характеристиками становится вопросом близкого будущего. Как предполагал американский философ и футуролог Ф. Фукуяма, «в будущем мы, вероятно, научимся выводить людей во многом так же, как выводим породы животных, только куда более научно и эффективно, выбирая, какие гены передавать детям» [1]. Таким образом мы можем вдруг очутиться по ту сторону барьера между человеческой и постчеловеческой историей и даже не увидеть, когда мы перевалили водораздел, потому что перестанем понимать, о чём идёт речь [1].

Появление не только понятия «постчеловек», но и самого постчеловека будет знаменовать собой окончательный закат эры традиционного гуманизма и человеческой исключительности. Нарушается главная максима гуманизма о человеке как наивысшей ценно-

VI. ГОРИЗОНТЫ ЭКЗИСТЕНЦИИ

УДК 303.4

ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС ЭДИПА И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ

Васильев Яков Юрьевич

*ст. преподаватель, г. Ухта, Республика Коми,
Ухтинский государственный технический университет
Vasiliev Yakov Yurevich*

Senior Lecturer, Ukhta, Komi Republic Ukhta state Technical University.

сти – человек в постгуманизме перестает быть «мерой всех вещей» [4]. Появление «постлюдей» как некоего нового вида вновь актуализирует вопрос «что такое человек?», но кроме метафизической и онтологической направленности, он станет иметь и совершенно новые смыслы. Используем аналогию с кораблем Тесея, в котором заменили все детали на новые — остался ли этот корабль самим собой? Так же и с человеком — сколько биологических «деталей» можно в нем заменить, пока его личность не утратит самоидентичность? Второй вопрос — внедрение, оптимизация и замена каких частей человеческого тела может считаться не меняющей его личность.

Ключевые идеи трансгуманизма — это признаки формирующейся новой культурной парадигмы, отражающей вызовы современности и ее экзистенциальный кризис. Их рассмотрение имеет научно-практическую значимость для идеологической, образовательной и культурных сфер общества. В дальнейшем тема может быть расширена за счет анализа конкретных направлений трансгуманизма, постгуманизма и различных общественных движений, возникших на их основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма, Ф. (2004), Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/3604/3610> (дата обращения: 15.01.222).
2. Виндж В. (2003), Технологическая сингулярность, URL: <https://old.computerra.ru/think/205650/> (дата обращения: 17.01.222).
3. Фрумкин, К. Г. (ред.) (2016), Сингулярность. Образы «постчеловечества», М.: ТД Алгоритм.
4. Криман, А.И. (2019) Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // Философские науки. 2019. - Т. 62. - № 4. - С. 132–147.

Аннотация. Прогностический парадокс «эффект Эдипа» - одна из помех на пути к построению устойчивых прогнозов. В статье описывается частный случай решения парадокса, предложенный Р. Мертоном, и его ограничения.

Abstract The prognostic paradox of the "Oedipus effect" is one of the obstacles to the construction of stable forecasts. The article describes a special case of solving the paradox proposed by R. Merton and its limitations.

Ключевые слова: эффект Эдипа, самосбывающиеся предсказания, ошибки познания, регулирование общественных отношений, институциональный контроль.

Key words: Oedipus effect, self-fulfilling predictions, cognitive errors, regulation of social relations, institutional control.

Эффект Эдипа - это парадокс, возникающий при влиянии прогнозируемой информации на прогнозируемый процесс и приводящий либо к самоосуществлению, либо к саморазрушению прогноза. Он ярко высвечивает одну из ключевых трудностей социального познания, а именно проблему демаркации условно «субъективного» и «объективного» в социальных явлениях. Эффект Эдипа известен в разных науках под различными названиями. В психологии это эффект Розенталя (эффект Пигмалиона) [1]. В социологии это теорема Томаса (Р. Мертон) [2], [3, с. 608]. В философии эту проблему упоминал К. Поппер, и разрабатывал отечественный исследователь А. Гендин [4].

Почему исследование данного феномена может быть актуально? Прежде всего потому, что потребности в достоверных и объектив-

ных прогнозах постоянно возрастают. Любые риски, любые непрогнозируемые явления чреватy разрушительными, а то и катастрофическими последствиями. Человечество - настолько сложная хрупкая и взаимозависимая система, что проблемы в одной сфере, подобно снежному кому, вовлекают в крушение всё вокруг.

Потребность в работоспособных методах прогнозирования огромна. Однако инструментарий ограничен не только количественно, но и качественно (методы не дают надежных прогнозов). Увы, но линейные экстраполяции или проекции в будущее циклических закономерностей разрушаются под воздействием «черных лебедей» (Н. Талеб) (синоним фактора неопределенности, который может изменить даже устойчивую и надежную ситуацию). Некоторые прогнозы просто являются выдачей желаемого за действительное. В таких условиях скрупулёзная работа над отдельными аспектами прогнозирования хоть и не сулит прорывов в этой сфере, но, безусловно, может существенно помочь в совершенствовании методологии предвидения будущего.

Как правильно отмечено, эффект Эдипа при всей его кажущейся ясности «с теоретической стороны изучен недостаточно» [5, с. 67]. Безусловно, комплексный анализ парадокса Эдипа необходим. Но какова цель этого анализа? А цель одна - устранение этого парадокса, либо минимизация последствий его появления. Надо отметить, что философ Карл Поппер полагал, что данный парадокс неразрешим. По его мнению, «эдипов эффект» «фальсифицирует» любые социальные предсказания и поэтому является причиной невозможности социального прогнозирования [6].

Одним из первых оценку парадокса сделал социолог Р. Мертон. По его мнению, возникновение ситуации самоосуществления прогноза - результат ошибки познания. «Предсказания, сбывающиеся сами собой, это, прежде всего, ошибочное определение ситуации, вызывающее новое поведение, которое заставляет изначальную ошибочную концепцию становиться правдой» [7, с. 195-196]. Или, как правильно отметил С. Плаус, «люди воспринимают все события как подтверждение того, что они были правы с самого начала... Так извращается социальная логика». Иными словами, сбывающиеся сами собой предсказания – это ошибочная концепция, но ошибочная концепция, постоянно кажущаяся правдой» [8, с. 285].

На наш взгляд, проблема эффекта Эдипа гораздо шире и не сводится к положительной обратной связи между субъектом и событием. Но это отдельный разговор. Рассмотрим, как Р. Мертон описывает эту проблему и какое решение предлагает.

Сам Мертон выводил эту ошибку из неверного определения ситуации, вызванного недостаточностью информации. В качестве иллюстрации ошибочной оценки Мертон приводит крах «Нового национального банка», который имел весьма устойчивые финансовые показатели, но обанкротился из-за одномоментного изъятия вкладов, вызванного паническими слухами о банкротстве банка [3, с. 608].

Почему люди запаниковали, хотя банк был вполне надежным? Потому что они знали, что в предбанкротном состоянии владельцы и менеджеры будут скрывать эту информацию от вкладчиков, это обычная практика. С точки зрения обывателя, надежный банк и банк, находящийся на пороге краха, внешне ничем не отличаются. И тут только слухи могут помочь. В свою очередь, слухи могут быть достоверными результатами утечек информации, а могут быть ложными, клеветническими и распространяться конкурентами. Как определить, слух достоверный или нет? С точки зрения обывателя, никак. История знает огромное количество ситуаций, и когда панические слухи помогали выжить тем, кто в них поверил, и когда слухи были ложными и приводили к катастрофе исключительно потому, что побуждали людей действовать определенным образом. Эта ситуация настолько очевидна, что вписана во все чрезвычайные регламенты, касающиеся работы специальных и аварийных служб. При объявлении чрезвычайного или военного положения распространение слухов требуется пресекать самым решительным образом.

Мертон - социолог, и поэтому он рассматривает прежде всего социальные процедуры. Подход Мертона к решению эффекта Эдипа лежит в сфере критического анализа социальных явлений. Любое социальное утверждение, любую установленную социальную связь необходимо переосмысливать, если проецировать ее в будущее. «Мы также начинаем понимать, как трагический (а иногда злонамеренный) цикл самоосуществления пророчества может быть разорван. Следует отвергнуть первоначальное определение ситуа-

ции, которое приводит в движение весь цикл. Только когда первоначальное допущение подвергается сомнению и вводится новое определение, последующий ход событий выявит ложность первого допущения. Только тогда мнение больше не будет становиться реальностью» [3, с. 609].

Как не попасть в ловушку? На примере внедрения компании страхования вкладов, устранившей опасность для вкладчиков, Р. Мертон предлагает системное решение - институциональный контроль. Предложение Мертона заключается в том, чтобы такую область социальной активности, как свобода поведения социальных субъектов, стабилизировать институциональными гарантиями и продуманными реформами.

То есть эффект Эдипа выступает своеобразным маркером заблуждений, которые требуется развеять системной просветительской и институциональной работой, а затем закрепить результаты в виде устойчивых норм.

На наш взгляд, просвещение и совершенствование общественных институтов, повышение прозрачности и отчетности структур, несущих большую ответственность, можно только приветствовать, но принципиально это проблемы не решает. Невозможно регламентами устранить саму человеческую природу. Скрытность, страх, склонность к манипуляции, намерение избежать ответственности или переложить ее на других постоянно будут приводить к тому, что ключевая информация будет скрываться. Общество наполнено противоречиями, конфликтами, конкуренцией во всех сферах жизни, что также не способствует взаимному доверию и порядку. Более того, несмотря на благостные декларации об открытости, транспарентности и готовности к общественному диалогу, ни корпорации, ни политические структуры не спешат раскрывать свои секреты, отказываясь от своих стереотипов, установок и явных заблуждений, цепляясь за них даже ценой собственного ущерба. Более того, ситуация скорее усугубляется, и как следствие, мы наблюдаем расцвет конспирологических теорий как признак того, что люди в массе своей не понимают ни мотивов, ни целей могущественных организаций или лиц, принимающих те или иные решения, ни логики происходящих процессов, ни ожидаемых последствий.

Очевидно, что причины самоосуществления или саморазрушения прогнозов не ограничиваются недостатками просвещения или институционального контроля. Проблема шире. Проблема в том, что социальные процессы имеют самые разнообразные источники, зависят от весьма разнообразных факторов и развиваются по весьма причудливой логике [9, 10].

Есть и методологический момент. Выявление ошибок сознания (уж тем более массового), последовательная работа по их преодолению предполагает наличие третьих лиц, не ограниченных стереотипами и сохраняющих ясность мышления. Более того, эта работа предполагает наличие механизмов общественной регуляции (поскольку о саморегуляции ошибающихся речи не идет) и полномочий на проведение соответствующих реформ. И вот тут возникает эта самая методологическая трудность. Ведь институциональный контроль - это не природная сила, а воля людей, принимающих решения. И масштабы ответственности за ошибочную оценку ситуации гораздо больше. Нужно учитывать, что причины ошибочной оценки людьми не исчезают на верхних ступенях социальной лестницы. В этой среде также ошибочное определение ситуации влечет за собой решения, которые делают изначальные ошибки и заблуждения истиной именно в области предполагаемых последствий.

В качестве примера возьмем кризис 2022 года. Даже не будучи специалистом по международным отношениям, можно предположить, что военный кризис на Украине был во многом вызван расширением НАТО на восток, что несет потенциальные угрозы России. Расширение проводилось под лозунгом расширения сферы безопасности и сдерживания агрессии России. Все попытки политического руководства РФ разорвать эту герметичную систему («Если Россия не агрессивна ей нечего опасаться, а если агрессивна ее сдержит НАТО») наткнулись на нежелание включать Россию в систему оценки рисков. Ведь «агрессивность» или «неагрессивность» России должны были определять люди, которые Россию ни о чем спрашивать не желали. То есть они поставили Россию в прямую зависимость от своих оценок. Таким образом, похоже, возник описанный Мертоном случай ошибки, ставший правдой в своих последствиях. Действия РФ по обеспечению своей безопасности

интерпретируются как доказательство ее «агрессивности», а значит, правильности решений по расширению НАТО. Классическая положительная обратная связь.

Таким образом, если верхний предел институционализации достигнут, то ошибки сознания устранить уже невозможно. В мире не существует структур более высокого порядка, которые могли бы контролировать политиков Запада и сдерживать их при ошибочной оценке ситуации. ООН с этой ролью совершенно не справляется.

Итак, решение Мертона по укреплению институционального контроля - при допущении, что такой механизм вообще может быть создан - упирается в верхний порог социальной системы.

Также хотелось бы отметить, что «социологический» взгляд на проблему эффекта Эдипа сужает область поисков и решений. На наш взгляд, прогностический парадокс является проявлением более фундаментальных проблем прогнозирования, в целом связанных с проблемой времени, природы человеческого общества как феномена и человека как свободного разумного субъекта. На стыке этих сфер и надо искать решение эффекта Эдипа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rosenthal R., Jacobson L. Pygmalion in the classroom. // The urban review, September 1968, Volume 3.
2. Цит по кн. Томас / Подвойский Д. Г. // Большая российская энциклопедия : <https://bigenc.ru/philosophy/text/4196322>.
3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М. Хранитель. 2006. 873 с.
4. Гендин А.М. Эффект Эдипа и методологические проблемы социального прогнозирования. // Вопросы философии. 1970. № 5. С. 80-89.
5. Душкин А.В. Системный анализ и принятие решений: монография / А.В. Душкин, В.И. Новосельцев, В.И. Сумин, С.С. Кочедыков ; ФКОУ ВО Воронежский институт ФСИН России. – Иркутск: ООО «Мегапринт», 2018. – 245 с.
6. Поппер К. Ницета историцизма // Вопросы Философии 1992 №8-10.

7. Merton R. The Self-Fulfilling Prophecy // The Antioch Review - Antioch College, 1948. - Vol. 8, Iss. 2. - P. 193-210. <https://www.jstor.org/stable/4609267?seq=1>
8. Плаус С. Психология оценки и принятия решений / Перевод с англ. – М.: Информационно-издательский дом «Филинь», 1998. – 368 с.
9. Васильев Я. Ю. Проблема субъекта в социальном прогнозировании (постнеклассический подход) / Я. Ю. Васильев // SOCIO TIME Социальное время. - 2019. - №1(17). - С. 9-21.
10. Васильев Я. Ю. Эффект Эдипа и его эпистемологическая структура // Социально-гуманитарные науки и практики в XXI веке: человек и общество в меняющемся мире: материалы пятнадцатой международной весенней научной конференции / под общей редакцией профессора В. П. Шалаева. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2019. – 388 с.

УДК 330.341.2

МОРАЛЬ И ЭТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

MORALITY AND ETHICS IN MODERN BUSINESS ACTIVITIES IN RUSSIA

Гусар Виталий Игоревич

*аспирант 1 курса кафедры экономической теории,
г. Симферополь, Институт экономики и управления,
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»*

Gusar Vitaly Igorevich

*postgraduate of 1 years of study of the department of economic theory,
Simferopol, Institute of economics and management,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University*

Аннотация. В данной статье автором изучены особенности этики и морали в предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе развития. Автором выделены этические проблемы предпринимательской деятельности и предложены рекомендации для успешного развития предпринимательской деятельности.

Abstract. In this article, the author examines the features of ethics and morality in entrepreneurial activity in the Russian Federation at a difficult stage of development. The author highlights the ethical problems of entrepreneurial activity and offers recommendations for the successful development of entrepreneurial activity.

Ключевые слова: предприниматель, предпринимательская деятельность, этика, мораль, предпринимательская этика.

Key words: entrepreneur, entrepreneurial activity, ethics, morality, entrepreneurial ethics.

В эпоху перехода к цифровой экономике и масштабного внедрения сквозных технологий возникают новые разновидности социального и экономического взаимодействия в современном обществе. Особенно актуальными становятся моральные и этические аспекты подобного взаимодействия в организации хозяйственной деятельности и введении бизнеса [1]. Стоит отметить, что успешное введение предпринимательской деятельности, а особенно, привлечение клиентов в условиях жесткой конкуренции во многом зависит именно от соблюдения принципов этики в современной бизнес-среде. Поэтому в предпринимательской деятельности этика стала императивом успешного развития компаний.

Пандемия коронавируса, санкции и контрсанкции достаточно негативно повлияли на развитие экономики и общества в мире, и даже развитые страны оказались не застрахованы от серьезных морально-этических проблем в обществе. Как уже было отмечено выше, Российская Федерация направлена на переход к цифровой экономике, тем не менее процесс трансформации из многолетней сырьевой экономики существенным образом усложнен отсутствием комплекса морально-этических норм и принципов, институтов управления бизнесом в цифровых условиях. Данные аспекты введения предпринимательской деятельности на всех его уровнях достаточно важны для успешного развития экономики страны и установления экономического равновесия [2].

Целью данной статьи является характеристика особенностей этики и морали в предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе развития.

Для начала проведем ретроспективный анализ становления и развития особенностей этики и морали в предпринимательской деятельности в России. В русской культуре нормы этики в предпри-

нимательстве формировались и развивались в течение многих веков. И. А. Андрос в своем исследовании отмечает, что условия зарождения и становления в целом предпринимательства в России отличаются от западноевропейских стран, что объясняется рядом природно-географических и исторических факторов. Так как Россия находится на крайнем северо-востоке Европы, Россия в меньшей степени, чем другие государства, испытала влияние античных цивилизаций, где еще в древности предпринимательская детальность достигла высокого уровня развития [3].

Стоит отметить, что предпринимательство в дореволюционной России имело религиозно-нравственный характер, а предприниматели стремились руководствоваться высокими нравственными принципами. Понятия долга, морали и чести российского предпринимателя были широко распространены в данной сфере [3].

В начале XX века в предпринимательстве уже сформировались следующие этические принципы ведения предпринимательского дела, которые распространено применялись большинством российских предпринимателей [4]:

- уважение к власти;
- честность и правдивость;
- уважение прав частной собственности;
- любовь и уважение к человеку труда;
- верность своему слову;
- жизнь по собственным средствам;
- целеустремленность.

Следует акцентировать внимание на том, что соблюдение традиций русского предпринимательского дела были прерваны в 1917 году и за время Советской власти большинство норм и правил утрачены и забыты.

Изучение современной литературы по введению предпринимательской деятельности показывает, что она еще достаточно далека как от прошлых российских традиций, так и от современных западных стандартов. В развитых странах соблюдение норм профессиональной этики является неотъемлемой частью предпринимательской деятельности. В российских же условиях положительное этическое введение бизнеса и применение добросовестных методов

конкуренции работает слабо и многими не применяется. Например, С. Ю. Глазьев, считает, что на современном этапе развития предпринимательства в России сложилась такая система взаимоотношений в бизнесе, которая «ориентирует предпринимателей не на созидательную общественно-полезную деятельность, а на присвоение чужого, провоцируя бесконечную “войну всех против всех”» [5, с. 208].

А. М. Дружинин в своем исследовании выдвигает следующую позицию: в России в сознании многих предпринимателей складывается нравственная дилемма: «либо быть богатым, либо честным» [6, с. 167]. Автор полагает, что большинство предпринимателей приходят к убеждению, что невозможно вести успешную предпринимательскую деятельность честным путем и с соблюдением законов этики и морали.

Следовательно, сложившаяся система введения предпринимательской деятельности в России дискредитирует этические нормы и правила и, таким образом провоцирует применение недобросовестных методов конкуренции в предпринимательстве.

Д. А. Мещеряков полагает, что «предпринимательская этика обращена к обществу, задает определенные ориентиры для развития и обосновывает нравственные принципы функционирования экономики в целом» [7]. Данное высказывание свидетельствует о том, что развитие предпринимательской деятельности в Российской Федерации во многом определено развитием функционирующих на ее территории регионов и институтов, и только моральное и высококультурное общество способно к дальнейшему развитию и процветанию.

В предпринимательской деятельности Российской Федерации не хватает справедливых условий конкуренции, направленных на уравнивание позиции всех экономических участников рынка, а также противодействие применению недобросовестных методов конкуренции. В сознании современных предпринимателей России конкуренция чаще всего воспринимается как этически негативное явление [8]. Немногие представители данной сферы понимают, что конкуренция создана с целью создания более качественных товаров и услуг, повышения уровня обслуживания, конкуренция должна

проявляться не в соперничестве и противостоянии, а в солидарности, помощи и в взаимном доверии.

В настоящее время в Российской Федерации этические нормы чаще всего закреплены в формальных документах, которые носят только рекомендательный характер (Кодекс предпринимательской этики, Социальная хартия российского бизнеса, Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих и др.), но стоит отметить, что в основном в подобных документах идет речь только о методах добросовестной конкуренции и достаточно мало уделяется внимания морально-нравственным нормам и ценностям.

Также мы считаем, что всем людям присущи определенные моральные ценности и убеждения, многие из них заложены с детства родителями, которые в дальнейшем каждый стремится реализовать в своей трудовой деятельности. Поэтому введение предпринимательской деятельности с соблюдением морально-этических норм во многом зависит именно от воспитания в детстве. Несмотря на индивидуальный подход к формированию предпринимательской этики на любом предприятии в связи с уникальностью каждой сферы деятельности, следует всегда учитывать необходимость соблюдения этических морально-нравственных норм и следовать интересам общества [2]. Именно такую деятельность современного предпринимателя мы считаем этической.

Таким образом, этику в предпринимательской деятельности можно рассматривать как совокупность определенных морально-нравственных норм, правил введения предпринимательской деятельности, принципов поведения экономических агентов, основ законодательства, регулирующих предпринимательскую деятельность, соблюдение которых направлено на повышение конкурентоспособности организации на рынке, улучшение корпоративной культуры на предприятии и, как следствие, повышение производительности труда в компании, а также привлечение новых клиентов и партнеров. Современному предпринимателю необходимо создавать себе положительный имидж, а также следовать моральным нормам и ценностям в обществе, что послужит в долгосрочной перспективе залогом успешной предпринимательской деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов В. А. Этика предпринимательской деятельности // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. №3–5. С. 64–72.
2. Розанова А. А., Ильин А. Б., Сизова Ю. С. Предпринимательская этика и дух цифровой экономики // Современная конкуренция. 2018. №4-5 (70-71). С. 122-132.
3. Андрос И. А. Особенности становления предпринимательской активности в дореволюционной России: историко-социологический анализ // Социологический альманах. 2015. № 6. С. 450-456.
4. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М. : РОССПЭН, 1997. – 344 с.
5. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. - М.: Экономика, 2010. – 255 с.
6. Дружинин А. М. Предпринимательская этика в условиях экономического кризиса: коммуникативный подход // Век качества. 2016. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predprinimatelskaya-etika-v-usloviyah-ekonomicheskogo-krizisa-kommunikativnyy-podhod> (дата обращения: 07.05.2022).
7. Мещеряков Д. А. Этика предпринимательской деятельности как институциональная проблема // Власть. 2016. №3. С. 303–305.
8. Рубин Ю. Б., Потапова О. Н. Конкуренция в экономике. Как противостоять и противодействовать соперникам и нужно ли это делать? // Современная конкуренция. - 2016. - №6 (60). - С. 107-142.

УДК 1:173

ПРОБЛЕМАТИКА ЛЮБВИ В ФИЛОСОФИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИTHE PROBLEM OF LOVE IN THE PHILOSOPHY
OF THE NEW TIME*Закирова Гульнара Фазыловна**г. Казань, Казанский государственный энергетический университет, ст. преподаватель кафедры философии и медиакоммуникаций.**Zakirova Gulnara Fazylovna**Kazan, Kazan State Power-Engineering University, Lecturer of the Department of Philosophy and Media communication.*

Аннотация: В статье представлена интерпретация феномена любви ведущими философами эпохи Нового времени. Проведенное исследование позволило получить представление о неоднородном характере философского мировоззрения относительно понятия любви в эту эпоху.

Abstract: The article presents the interpretation of the phenomenon of love by the leading philosophers of the Modern age. The study made it possible draw a conclusion about the heterogeneous nature of the philosophical worldview regarding the concept of love in that era.

Ключевые слова: любовь, мужчина, женщина, чувство, брак, любовные отношения, сексуальное влечение.

Key words: love, man, woman, feeling, marriage, love relationship, sexual attraction.

В период между Великой Французской революцией и Первой мировой войной, именуемый «Буржуазным веком», происходит изменение практики любви и брака среди населения и, несомненно, меняется философское осмысление этой области. Несмотря на то, что церкви волей-неволей пришлось пойти на большие уступки в этих вопросах, нельзя сказать, что отношение к любви среди людей стало более искренним. Новое время – это время развития производства и капиталистических отношений и одновременно с ними меркантильности в отношениях между мужчиной и женщиной. Это время процветания браков по расчету: брак – взаимовыгодное сотрудничество между

мужчиной и женщиной, где каждый преследует свои цели. Неудивительно, что в подобной ситуации любви в браке отводилось второстепенная роль, и если ей случалось быть, то это было просто счастливым совпадением. Однако это не означает вовсе, что люди новой эпохи были чужды любви. Однако существовала она по большому счету во внебрачных отношениях, что отражено во множестве художественных произведений, но не в философии.

Рене Декарт, именуемый «отцом философии Нового времени», подразделяет любовь на «любовь-благожелательность» и «любовь-вожделение». Первую он ассоциирует с благородным чувством, побуждающим любящего человека желать добра тому человеку, на которого направлено его чувство, «любовь-вожделение» – чувство, скорее, эгоистичное, поскольку основывается на желании обладать любимым. Здесь нам видится параллель с интерпретацией этого понятия Платоном, также разделявшего любовь на искреннюю и корыстную. Интересна и следующая мысль Декарта: «Мне кажется, с большим основанием можно различать любовь в зависимости от того, как оценивают то, что любят, по сравнению с самим собой» [1, с. 516]. На основании этой мысли он разделяет любовь на любовь-привязанность, которая возникает в том случае, если «предмет своей любви ценят меньше, чем самого себя», любовь-дружбу, подразумевающую равенство партнеров и любовь-благоговение, говорящую о том, что человек ценит объект любви выше самого себя.

Английский философ-материалист Томас Гоббс, известный также своими работами по этике, говоря о любви, изначально использует слово «сладострастие», подразумевая tandem двух типов наслаждения – чувственного и духовного. Людям свойственно использовать слово «любовь», поскольку термин «сладострастие» несет «в себе оттенок осуждения» [2, с. 548]. Гоббс называет сексуальное влечение страстью неопределенной, такой же естественной для человека, как голод. Любовь же к конкретному человеку представляется любовью определенной. И далее философ приходит к неожиданному заключению: «Но как бы ни возвеличивали это чувство поэты, оно может быть определено не иначе как словом *потребность*» [2, с. 549]. Объясняет он свою мысль тем, что влечение человека к другому есть потребность в нем.

Иммануил Кант рассматривает понятие «любовь» во взаимосвязи с двумя другими понятиями: «дружба» и «уважение». А точнее он утверждает: «Дружба – это союз двух людей, основанный на равной взаимной любви и уважении» [3, с. 517]. Однако мы считаем, что в этой формулировке вполне уместно поменять местами слова «любовь» и «дружба» и получится идеальное, на наш взгляд, определение любви. По мнению Канта, это идеал взаимоотношений, к которому нужно стремиться, но который в реальной жизни труднодостижим, поскольку кто-то в паре, как правило, любит больше, а кто-то меньше. И как следствие, может страдать уважение, ибо оно всегда меньше со стороны того, кого любят больше. Иными словами, мыслитель полагает, что найти равновесное чувство в реальной жизни практически невозможно. С этой мыслью трудно не согласиться, однако Кант дает интерпретацию понятия «дружба», и поэтому относится оно не только к отношениям между мужчиной и женщиной, но к пониманию явления «дружба» в целом.

Яркий представитель немецкого идеализма Иоганн Готлиб Фихте считает любовь фундаментальным чувством, без которого жизнь «бледное и смерти подобное состояние» [4, с. 95]. По мнению Фихте, «благополучие есть соединение с любимым; боль же – разлученность с любимым» [4, с. 95]. Мыслитель полагает, что предпочтительнее испытывать терзания и боль, которые могут сопровождать это чувство, чем жить в унынии и спокойствии. Жизнь в любви дает возможность прожить ее по-настоящему, пусть беспокойно.

Гегель рассматривает понятие любви в «Философии права» и, подобно Фихте, полагает его фундаментальным чувством в жизни человека. «Любовь означает вообще сознание моего единства с другим, то, что я не изолирован для себя, а обретаю мое самосознание только как отказ от своего для-себя бытия и посредством знания себя как своего единства с другим и другого со мной» [5, с. 208], утверждает философ. Иными словами, это значит единение с любимым человеком и в какой-то степени отказ от себя, возможно, от своих интересов ради чувства, ради любимого человека и одновременно познание себя, раскрытие новых качеств через любовь к другому человеку. Гегель утверждает: «Я не хочу быть самостоятельным лицом для себя и что, если бы я был таковым, я чувствовал бы

свою недостаточность и неполноту» [5, с. 209]. Это утверждение говорит о том, насколько важно рассматриваемое нами чувство для человека, и можно считать себя неполноценным, если ты не испытал его, не прочувствовал, несмотря на то, что, по словам философа, ради любви необходимо отказаться от какой-то части себя. Однако, отказываясь, мы одновременно обретаем себя через другого человека. На основе вышеизложенного Гегель приходит к выводу, что любовь – «самое чудовищное противоречие»; «Любовь есть одновременно создание и разрешение противоречия; в качестве его разрешения она – нравственное единение» [5, с. 209] В отличие от Канта, который больше подходит к интерпретации понятия любви с практической стороны, Гегель подчеркивает необходимость духовности этого чувства в каждой человеческой жизни.

Философия Нового времени представила целый калейдоскоп интерпретаций понятия любви. Заслуживают философов того времени, на наш взгляд, является то, что по сравнению со средневековыми мыслителями философы новой эпохи дали не просто глубокое объяснение феномена любви, но и смогли сосредоточиться именно на чувстве, которое возникает между мужчиной и женщиной, не смешивая его с любовью к Богу. Кроме того, очевидно, что им удалось избежать влияния религии на формирование своих точек зрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Страсти души. Сочинения в 2 т / Р. Декарт. – М.: Мысль, 1989. – 654 с.
2. Гоббс Т. Человеческая природа. Сочинения в 2 т / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989. – 622 с.
3. Кант И. Метафизика нравов. Сочинения в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – 613 с.
4. Фихте И. Г. Наставление к блаженной жизни и также учение о религии / И. Г. Фихте. – М.: Канон+, 1997. – 400 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. И сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 520 с.

УДК 740

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАЦИИ В ФИЛОСОФИИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА

FEATURES OF COMMUNICATION IN THE PHILOSOPHY OF EXISTENTIALISM

Кожевникова Алёна Александровна

Студент-магистр, г. Ставрополь, Северо-Кавказский федеральный университет, гуманитарный институт, кафедра философии

Kozhevnikova Alena Alexandrovna

Master student, Stavropol, North Caucasian Federal University, Institute for the Humanities, Department of Philosophy

Аннотация. В статье исследуются изменения роли коммуникации в современной философии. Особое внимание уделяется философии экзистенциализма К. Ясперса.

Abstract. The article examines the changes in the role of communication in modern philosophy. Particular attention is paid to the philosophy of existentialism by K. Jaspers.

Ключевые слова: человек, коммуникация, экзистенциализм, самость, постмодернизм, проблема общения.

Key words: human, communication, existentialism, self, postmodernism, problem of communication.

Мы живем в эпоху глобальных перемен, что является результатом развития капитализма. Изменения прослеживаются во многих сферах жизни общества: политической, культурной, экономической и, конечно, социальной, что сказывается на изменениях во взаимоотношениях людей и соотнесении самого себя с обществом.

Развитие массового производства предполагает товарную свободу, развитие новых технологий – новые возможности для виртуального общения. Но несмотря на все многообразие вещей человек теряет подлинные контакты с окружающим миром. Таким образом, меняется модель коммуникации в обществе.

Коммуникация (с лат. communication – сообщение) затрагивает проблемы бытия человека и общества. Все мы живем в постоянном

коммуникативном взаимодействии, и человека невозможно представить без общения. Проблема коммуникации всегда волновала не только философов, но и психологов, социологов, антропологов и так далее. В процессе развития философского познания понимание коммуникации также трансформировалось.

Например, в Античности Сократ говорил, что благодаря коммуникации можно узнать самого себя. Диалог позволяет человеку пойти дальше в изучении субъекта и самого себя, таким образом, возникает новое знание и происходит развитие. Благодаря коммуникации выстраиваются важные человеческие связи: любовные, дружеские, также от нее зависит и политический успех.

В Средние века коммуникация связана с пониманием Бога и толкованием священных текстов. В эпоху Возрождения возникают новые формы коммуникации и осуществляется зарождение ее логических обоснований, что получило продолжение в Новое время.

Когда на смену индустриального общества приходит информационное, то происходят значительные изменения. Человек ощущает себя заброшенным и одиноким. То есть общество, которое изначально давало ощущение сопричастности, теперь перестало выполнять такую функцию. Чувство отчуждения возрастало, и коммуникация стала носить скорее деструктивный характер.

Таким образом, коммуникативная сфера жизни человека всегда играла важную роль в гуманитарных науках, и можно проследить, как в различные периоды менялся ракурс рассмотрения данной проблемы. Что и происходит в философии экзистенциализма, представителем которой является К. Ясперс, который уделил особое внимание проблеме коммуникации в своих трудах. Он пытается преодолеть процесс отчуждения в западноевропейском обществе. Ясперс, как и Ж. Бодрийяр, верил, что можно противостоять проблемам действительности.

Под коммуникацией в экзистенциализме понимается подлинное общение, освобождение от социальных ролей и «безграничная готовность к коммуникации как решению вступить на путь человеческого бытия» [2]. Благодаря коммуникации человек может обрести свою истинную сущность и «самость», которая должна помочь каждому быть услышанным другими.

Карл Ясперс считает, что благодаря правильному построению коммуникационных связей, можно сохранить свою уникальность и при этом не уйти от историчности и своей культуры. То есть он строит такую модель, где можно сохранить собственную экзистенцию и выстроить несколько уровней различных «я»:

«наличное бытие человека» – эмпирическое сознание,

«сознание вообще» – сознание рассудка,

«дух» – разум человека,

«экзистенциальная коммуникация» – глубинная структура внутреннего мира человека [3].

Он утверждает, что ни один тип коммуникации не может доминировать, они все находятся в постоянном контакте, показывают мир человека в целом. Таким образом, по К. Ясперсу, коммуникация помогает осознать свое бытие разными способами. И часто осознание это происходит благодаря другому человеку и обществу. Поэтому так важна коммуникация именно «подлинная», которая будет способствовать духовному развитию.

Проблема в том, что переход к коллективному сознанию в эпоху постмодернизма не предполагает индивидуального развития. Коммуникация в XXI перешла из духовного развития в формальные рыночные отношения, в которых культура уходит на второй план, когда по К. Ясперсу, коммуникация должна помогать обретать себя как личность, а не разрушать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясперс К. Разум и экзистенция / К. Ясперс. – М.: «Канон+», 2013. – 336 с.
2. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М.: Политиздат, 1991. – 527 с.

**ЭТИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТОРЫ ВОЛЕВОГО
ПОВЕДЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ****ETHICAL REGULATORS OF WARRIORS '
STRONG-WILLED BEHAVIOR**

Ивакин Евгений Иванович

преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, г. Краснодар, Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова

Ivakin Evgeny Ivanovich

teacher of the Department of Humanities and Socio-economic Disciplines, Krasnodar, Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after Hero of the Soviet Union A. K. Serov

Аннотация: в статье анализируется нравственная регуляция волевого поведения личности и социальной группы. Показана роль морального сознания, нравственных отношений и норм, авторитета офицера в регулировании волевых поступков и поведения военнослужащих и воинских коллективов.

Annotation: The article analyzes the moral regulation of the volitional behavior of the individual and the social group. The role of moral consciousness, moral relations and norms, the authority of the officer in the regulation of the volitional deeds and the behavior of military personnel and military teams is shown.

Ключевые слова: моральное сознание, поведение, воля, поступок, нравственные регуляторы, авторитет, нравственные нормы.

Keywords: moral consciousness, behavior, deed, moral regulators, authority, moral norms

В процессе современного общественного развития усиливается значение социальной личности с моральным сознанием. Моральное сознание является важной составной частью общественного сознания. Человек чувствует, осознает свою общность и взаимосвязь с другими личностями, социальными группами, обществом.

Для современного российского общества актуальными являются поиски национальной идеи как объединяющего элемента общественного сознания. Президент России Путин В.В. отмечал, что рос-

сиян отличает историческая память, которая все время возвращает нас к годам тяжелых испытаний. Результатом этого исторического опыта является понимание в общественном сознании того, что во времена суровых, тяжелых испытаний, единственное спасение и условие нашего движения вперед – единство. Национальная идея России заключается в патриотизме, считает российский лидер, тут ничего другого не может быть, и патриотизм заключается в том, чтобы посвятить себя развитию страны, ее движению вперед [1].

Моральные чувства проявляются не только в эмоционально-чувственной форме, но и в волевой форме – в виде побуждений. Они являются важными стимулами поступков личности в виде страстного желания достичь цели, добиться успеха. Моральные качества часто проявляются на эмоциональном уровне и выражаются в чувстве совести, стыда, самолюбия, тщеславия, раскаяния, чести и других.

В этике волевые качества относятся к моральным, так как проявление волевых качеств во многом определяется нравственными чертами характера. Выделяют моральный компонент воли, образующийся вместе с формированием нравственной личности и обуславливающий совершение этой личностью нравственных поступков с проявлением волевых качеств. Важно учитывать, что не только нравственные качества способствуют проявлению силы воли, но и проявление силы воли способствует нравственному поведению личности. Но при этом надо иметь в виду, что сама по себе сила воли не делает поведение человека нравственным. Если воля аморальна, то и характеристика волевого поведения данной личности также становится аморальной. Содержание волевой активности человека детерминируется общественными отношениями и проявляется в социальной позиции личности, ее направленности. Нравственная направленность как критерий кардинально может изменить оценку волевых качеств личности. В одних случаях проявление у человека решительности, настойчивости, целеустремленности могут быть положительными, а в других, при низменных побуждениях и потребностях, отрицательными качествами. В тоже время есть волевые проявления, которые не связаны с моралью и нравственными принципами (например, борьба человека со сном для того, чтобы досмотреть те-

лепередачу). Важно осознавать, что морально воспитанной может быть только личность, а не ее воля и волевые качества. В волевом поведении человека нравственной оценке должен подвергаться ее мотив, а не проявление силы воли и волевых качеств [2].

Рационально-теоретические компоненты морального сознания являются более устойчивыми, чем чувственные. Они способны контролировать и ориентировать в нужном направлении чувства и эмоции путем сдерживания их в одном случае (страх, неуверенность) или активизации (долг, ответственность) в другом случае.

Осознание диалектики чувственного и рационального в моральном сознании позволяет определить направления совершенствования нравственного воспитания граждан России, воинов Вооруженных Сил, главным образом путем усиления сопереживания моральных идей, переходящих затем в убеждения.

Общественное моральное сознание устанавливает нравственные требования к личности, коллективу, социальной группе. При помощи этических норм общественное моральное сознание регулирует нравственные отношения в социальной группе, коллективе, может прибегать к моральному поощрению (уважение, одобрение, поддержка) и к моральным санкциям (осуждение, порицание, отвержение).

Преобладающие в обществе нравственные отношения, как правило, находят свое отражение в общественном моральном сознании. Моральное сознание воинского коллектива является проявлением общественного сознания, но в тоже время имеет свою специфику в плане более высокой степени нормативности, детальности и оценки. Моральные оценки в воинском коллективе регламентируются требованиями военной присяги, наставлений и уставов.

Поведение социальной личности можно рассматривать как динамическую совокупность поступков, действий, взаимоотношений совершенных ею за какой – либо продолжительный период времени в реальных условиях жизни, позволяющих морально оценить эту личность другим людям. Поведение является достаточно устойчивым явлением и является, по словам Карла Маркса, единственным объективным показателем нравственного облика человека, его моральных качеств, в том числе и мотивов.

Потребности личности являются источником ее поведения. Поведение индивида можно представить как единство психико-

побудительных, регулирующие–отражательных его элементов и исполнительных, внешних действий, которые приближают или удаляют человека от конкретных объектов или преобразуют их.

Поведение личности, как правило, носит характер сознательной, целеполагающей, созидательной, произвольной и коллективной деятельности. С точки зрения общественно-детерминированной деятельности личности термин «поведение» обозначает деятельность человека по отношению к обществу, к другим людям и окружающему миру, рассматриваемые со стороны их регулирования общественными нормами нравственности и права. Поэтому говорят о высоконравственном или преступном поведении, об ответственном или легкомысленном поведении. Поведение складывается из серии поступков человека, в которых выражается и формируется позиция личности, ее моральные убеждения.

На поведение личности влияют много факторов, ведущими из которых являются моральная оценка окружающих, намерения, побуждения, условия и время действий, направленность человека, отдельные поступки, потребности, мотивы, цели, а также деятельность человека в целом.

Оценка поведения личности производится с учетом различных точек зрения, основывается на анализе самой деятельности и проявляется в социальной группе, а также в психике самой личности через чувство совести.

На поведение человека в обществе, на его психику действуют многообразные нравственные регуляторы, которых очень много. Большой перечень регуляторов поведения можно свести в группы: служебные, правовые, этические, социальные, экономические и другие. К этическим регуляторам поведения личности можно отнести:

- внутриличностные регуляторы (личностная система этики, направленность личности, включая мотивы, интересы, желания идеалы мировоззрения, установки, ценности, отношение к военной службе и другие);

- социальные регуляторы (социально-психологический климат, социальная роль, социальный статус групповые нормы и правила формальных и неформальных групп);

- социокультурные регуляторы (организационная культура и ее элементы – традиции, обычаи, правила этикета, кодекс поведения и другие).

Таким образом, например, в служебном поведении военнослужащих приняты нормы, определяющие с позиций государства, командования и военно-политических органов степень соответствия реальной личности воина и воинского коллектива этим нормам.

Непременным условием действенности нравственных норм является их обоснованность, соответствие принятым в обществе ценностям и идеалам, по отношению к которым эти нормы осуществляют подчиненную, инструментальную функцию.

Выполнение нравственных норм осуществляется по двум основным направлениям:

- путем интернализации (превращение внешних требований во внутреннюю привычку, потребность) в процессе социального развития, воспитания личности;

- путем институализации, то есть включение требований социальных норм в структуру социального общества и социального контроля с применением разнообразных санкций к тем, кто отклоняется от принятых норм.

Нравственные отношения выработали механизм управления моральными процессами. Механизм нравственной регуляции представляет собой единство внешнего (моральные требования, моральные санкции, моральный пример) и внутреннего (моральное самосознание личности) элементов, объективного и субъективного факторов. Важнейшими элементами этого механизма являются моральные нормы, моральный авторитет, а также общественное мнение.

С точки зрения логики, нравственная норма является своеобразной моделью, образцом необходимого поведения, которое общество рекомендует к обязательному выполнению. Нравственные нормы складываются как продукт социальной практики людей, групп, общества. Прежде, чем стать нравственной нормой, определенные требования должны пройти испытания социальной жизнью и временем. Как правило, большое количество социальных экспериментов и проб со временем превращают объективную потребность в конкретное требование и становятся нравственной нормой. История развития

социального общества, как правило, свидетельствует об эволюции от преимущественно норм – запретов к нормам – образцам [3].

Нравственная норма одновременно с обязательностью и важностью ее исполнения является и мотивом для личности успешно реализовать ее. Нравственную норму можно представить в виде морального двигателя поступка человека, так как она является не только мотивом, но и санкциями в случае ее нарушения или неисполнения. Опасения общественного осуждения, возмущения, а также отчуждения со стороны друзей, товарищей, сослуживцев, как правило, способствует реализации нравственной нормы.

В тоже время необходимо отметить, что обычно нравственная норма предполагает сознательное и добровольное ее исполнение. Нравственное запрещение опирается, как правило, на общественное мнение, самосознание личности и совесть людей.

Сущность добровольного исполнения нравственной нормы состоит в том, что внешнее требование осуществляется с помощью внутренней саморегуляции и выполнения этой нормы в реальной жизни. Возвращение владельцу найденной важной вещи или документов, оказание потерпевшему первой медицинской помощи, защита пожилых людей и детей стали в нашем обществе обычным делом, повседневной нормой жизни.

Нравственные нормы существуют в различных формах. Большая часть из них существует в виде обычаев, традиций, нравов. Многие обычаи, традиции и нормы находятся в письменной форме в виде заповедей, нравов, кодексов, обязанностей. Это очень характерно для Вооруженных Сил, в которых полно и всесторонне закреплена нормативная сторона нравственных отношений в уставах, наставлениях и инструкциях, обязательных для исполнения всеми военнослужащими.

Нормативность является важной чертой нравственных отношений. Их закрепление, регулирование и реализация осуществляется, главным образом, при помощи нравственных норм. Нравственные нормы дают возможность моральному сознанию индивида осуществлять регулярное и активное взаимодействие с поведением других личностей и социальных групп.

Нравственная норма реализует свои функции во взаимодействии с общественным мнением и настроением, моральным авторитетом и другими элементами психологии социальных групп. Как особенный моральный закон норма находится в основании механизма регуляции нравственных отношений.

Понятие «авторитет» с нравственной точки зрения показывает величину духовного доминирования личности над сознанием других людей. Авторитетом обладают личности и коллективы в силу их реальных нравственных качеств. Обычно для личности характерен выбор нескольких типов нравственных авторитетов в общечеловеческих нормах, больших и малых социальных группах.

Нравственный авторитет личности отражает в себе элементы духовного руководства и подчинения, показывает образцы позитивного поведения и примеры негативных действий, поступков. Авторитет выражает, в первую очередь, силу морального воздействия на нравственные отношения, которые большинством людей понимаются как общественная целесообразность.

Особое значение моральный авторитет как фактор регулирования нравственных отношений имеет в Вооруженных Силах России. Моральный авторитет офицера отражает силу его нравственного влияния на подчиненных, опирающуюся на личные духовные качества командира, которые признают и принимают его подчиненные и сослуживцы. Определяющее значение для морального авторитета командира имеют его нравственные личные качества, в первую очередь такие как порядочность, честность, справедливость, профессионализм, чувство долга, забота о подчиненных, выдержка, стойкость, сила воли, способность взять ответственность на себя, решительность и другие. Завоевать авторитет у подчиненных для офицера означает усиление его морального воздействия на отдельные личности и на воинский коллектив, возможность более эффективно влиять на моральное сознание военнослужащих, на нравственные отношения в воинском коллективе. Величина морального авторитета офицера в решающей мере зависит от эффективности и успешности его профессиональной служебной деятельности, от степени его морального совершенствования. С помощью общественного мнения воинского коллектива и с учетом реального авторитета офицера может формироваться моральная репутация личности, в которой отражает-

ся общественное признание позитивной деятельности командира и его возможностей [4].

Таким образом, регулятивная функция относится к важнейшим функциям этики и позволяет регулировать поведение людей и приводить его в соответствие с требованиями общественной морали, устанавливать нормативы поведения, поступков, деятельности личностей и давать им моральную оценку.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В. В. Интервью программе «Москва. Кремль. Путин» 10.05.2020 года. ТАСС.
2. Ильин Е. П. Психология воли: 2 издание – СПб.: «Питер», 2009. – 368 с.
3. Дробницкий О. Г. Моральная философия: Избранные труды. – М.: Гардарики, 2002. – 523 с.
4. Безрукова Е. А. Мораль как основа выполнения военнослужащими своего воинского долга. Социально – экономические явления и процессы. - № 3-4. - 2011. - С. 472-475.

VII. ГОРИЗОНТЫ РЕЛИГИИ

УДК 215

**ХРИСТИАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ВЫЗОВОВ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ****CHRISTIANITY IN THE CONTEXT
OF THE CHALLENGES OF MODERN CIVILIZATION***Девятова Светлана Владимировна**д-р филос. н., профессор, г. Москва, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета**Devyatova Svetlana Vladimirovna**Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Moscow, Lomonosov Moscow state university, Full Professor of the Department of Philosophy of Natural Departments of the Philosophical Department*

Аннотация. Особенности нашего времени существенно влияют на христианство. Результатом развития научных представлений о мире стало переосмысление традиционных учений о Творце и творении, формирование теологической методологии религии и науки. Развитие науки, техники, технологии делают все более актуальной проблему взаимодействия христианства и науки.

Abstract. The peculiarities of our time significantly affect Christianity. The result of the development of scientific ideas about the world is the rethinking of traditional teachings about the Creator and creation, the formation of the theological methodology of religion and science. The development of science, technology, and technology make the problem of the interaction of Christianity and science more and more urgent.

Ключевые слова: религия, теология, христианство, наука, природа, творение, личность

Key words: religion, theology, Christianity, science, nature, creation, person

Религия является одним из важнейших элементов культуры и пронизывает всю историю человечества. Очевидно, что вне осмысления особенностей возникновения и развития форм и направлений

религии невозможно формирование адекватного представления о социокультурном развитии человечества. Также адекватная картина феномена религии и становления и развития различных религий невозможна вне историко-культурного контекста.

Наше время оказывает существенное влияние на разные стороны христианской религии, среди которых можно особенно выделить мировоззренческие и социально-психологические аспекты. Многие актуальные проблемы современности являются актуальными и для религии.

На религиозное мировоззрение особенное воздействие оказывает развитие естественных наук. Утверждение эволюционистских представлений вызвало переосмысление традиционных христианских представлений о законченном творении. В результате появились религиозные теории о творении как продолжающемся процессе. Разрабатываются различные варианты пантеизма, в рамках которого Бог рассматривается одновременно и как трансцендентный, и как имманентный своему творению, как развивающийся вместе с развивающимся творением. Представлениям о раздельном творении пришли на смену концепции, утверждающие наличие связи различных форм органического мира, в том числе и представление о человеке как биологическом существе. Следствием развития научных вероятностных представлений о мире, обнаружения и обоснования принципиальной значимости вероятностной компоненты в мироздании стало и более углубленное понимание Бога. В работах ряда христианских мыслителей активно обсуждается идея о том, что неопределенность, присущая миру, должна быть реальной и для его Создателя. В связи с этим разрабатываются концепции Бога-экспериментатора, не знающего заранее результата своего эксперимента. Здесь подчеркивается, что именно Творец наполняет мир возможностями, но при этом Он заранее не знает, какие из этих возможностей будут реализованы.

В эпоху беспрецедентного прогресса науки, техники и технологии в христианской теологии растет стремление опровергнуть популярное представление о религии как принципиальном оппоненте науки. Сегодня чрезвычайно актуальной является проблематика теологической методологии религии и науки, в рамках которой об-

суждаются вопросы их методологического сходства и специфики. В частности, здесь говорится о том, что обе они, имея дело с непосредственно ненаблюдаемыми феноменами, вынуждены оперировать концептуальными конструкциями; обе сталкиваются с «чуждостью», чье объяснение невозможно в рамках принятой парадигмы; обе борются за сохранение парадигмы, но при необходимости способны (хотя с разной степенью готовности) отказаться от нее; обе активно используют модели и аналогии; обе характеризуются институциональной организацией. Наличие указанных и ряда других сходных в методологическом отношении черт может рассматриваться как основание для столь необходимого в современных условиях продуктивного взаимодействия религии и науки. Это взаимодействие будет особенно плодотворным, ибо наряду со сходством есть и специфика, проявляющаяся, например в том, что религия в большей степени, чем наука, ориентирована на единичное, индивидуальное, ее подходы (интуиция, соучастие, сопричастность и др.) более субъективны. Таким образом взаимодействие науки и религии будет взаимодополняющим. «Диалог, взаимодействие, даже интеграция предлагаются, чтобы соединить мостом науку и веру» [1, с.12].

С развитием науки, техники и технологий растут амбиции человека, который все с большей уверенностью противопоставляет себя окружающему миру и прагматично рассматривает природу как нечто, призванное служить удовлетворению его запросов. Подобная позиция опасна как для природы, так и для человека, утрачивающего чувства благоговения и смирения как к творению, так и к Творцу. Людям необходимо помнить, что «наша целостность неотделима от целостности Земли» [2, с. 220]. Причем неразрывность этого целого «односторонняя» – природа существовала и будет существовать без человека, тогда как жизнь человечества без природы невозможна. Непонимание этого приводит к такому отношению человека к природе, которое определяется термином «эко-грех» [3, с. 101].

Реализация присущего христианству понимания места и роли человека в мире и обществе может помочь по крайней мере минимизировать опасные и вредные тенденции, связанные с дальнейшим развитием технологического прогресса. Божественный дар –

разум – неотъемлемая компонента нашей духовности. Именно разумная деятельность, базирующаяся на фундаментальных религиозных ценностях, позволит обществу и природе развиваться в плодотворном взаимодействии, а человеку – соответствовать своему высокому предназначению и званию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Peters T. Science and Religion: Ten Models of War, Truce, and Partnership. /Theology and Science. 2018. V. 16. № 1. P.11-53.
2. Rolston H. A New Environmental Ethics: the Next Millenium for Life on Earth. / H. Rolston. – New York, London: Routledge, 2012. – 246 p.
3. Doran C. Hope in the Age of Climate Change. / C. Doran. – Eugene, OR: Cascade Books, 2017. – 258 p.

УДК 130.2

РЕЛИГИОЗНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА СОВРЕМЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ.

RELIGIOUS ISSUES OF MODERNITY: PHILOSOPHICAL ASPECT.

Кудряшов Сергей Витальевич

*канд. культурологии, г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский
государственный институт психологии и социальной работы,
доцент кафедры управления социальной сферой.*

Kudryashov Sergei Vitalevich

*candidate of culturology, St. Petersburg, St. Petersburg State Institute
of Psychology and Social Work, docent of the Department of Social
Sphere Management.*

Аннотация. В тезисах к докладу в краткой форме рассматривается проблематика современной религиозности. Устанавливается её связь с

романтическими тенденциями в культуре, оказавшими большое влияние на ментальность современного человека.

Abstract. In the theses for the scientific report, the problems of modern religiosity are briefly considered. The connection between these problems and romantic tendencies in culture, which had a great influence on the mentality of modern person, is established.

Ключевые слова: религиозное чувство, этнокультурная самобытность, романтизм, мировоззрение, перцепция, культурная динамика, болезнь века, аксиология.

Key words: religious feeling, ethnocultural identity, romanticism, worldview, perception, cultural dynamics, disease of the century, axiology.

Вызовы современного мира в целом характеризуются широкой проблематикой, касающейся множества проблем. Современная Россия, отходя от общих тупиковых тенденций, возвращается к одному из своих глобальных проектов: к этнокультурной самобытности российского суперэтнуса и сохранению российского геополитического и культурного пространства [1, с. 4.].

Как правило, указывается на ряд проблем, связанных с социальной и интеллектуальной проблематикой. Однако нераскрытыми остаются проблемы религиозного становления, хотя многими исследователями в аксиологической плоскости проблемы Православная Церковь определяется как нравственно-объединяющее начало. Но собственно эта аксиологическая сторона сразу же начинает требовать анализа, поскольку «ценности уходят корнями в самые условия человеческого существования» [6, с. 8], а жизнь в определённой культурной ситуации «приводит к установлению ценностей, имеющих объективную значимость» [6, с. 8].

Говоря же о потенциале современной религиозности, необходимо учитывать интеллектуально-практическую ситуацию, сложившуюся в течение XIX – XX веков. Почему именно за этот период? Для того, чтобы ответить на вопрос, необходимо провести небольшое герменевтическое экспресс-исследование. Как писал основоположник философской герменевтики Х.-Г. Гадамер, говоря о сколь угодно объёме знаний, вроде бы размывающих для нас конкретную проблематику, цель их «состоит не в их фиксации и расширении для более глубокого понимания общих законов развития людей, народов и государств, но, напротив, в понимании того, ка-

ковы этот человек, этот народ, это государство, каково было становление, другими словами – как могло получиться, что они стали такими» [3, с. 45-46]. То есть, общая для культуры европейского типа ситуация прояснит для нас и нашу собственную совокупность обстоятельств в культуре. Религия в современном мире опирается на мировоззрение и перцептивную аналогию человека современной культуры, и в этой связи нашей задачей становится понять, как мы должны относиться к христианству в современном мире на уровне феноменов понимания. То есть, насколько современный христианин соответствует тому, что декларирует?

Речь тут идёт о метафизике христианства, то есть о том, насколько апостольская Церковь как реальность соотносится в своей первоначальной природе с современной Церковью? Есть ли соответствие в религиозном ощущении времён ранней Церкви и Церкви современной?

Можно многое объяснить культурной динамикой, внутри которой неизбежно создаются разночтения. Даже христианская догматика, как известно, появляется не сразу, во многом являясь в христианстве то, что ранее не акцентировалось. И если мы, например, будем говорить о становлении европейской культуры, в которой христианская доминанта наряду с остальными имеет основополагающее значение, то здесь мы имеем дело со своего рода синтезом, который, например, отражается в средневековой философии. Но в этом ряду становление догматики и средневековый синтез выступают в качестве факторов, созвучных с культурной динамикой. Догматика тоже синтез – веры и философии, поэтому здесь мы можем видеть соответствие культурным тенденциям и отсутствие нарочитости, свойственной деструктивным процессам в культуре.

Об этой нарочитости в своё время писал ещё А. Я. Зисль, имея в виду предпосылки художественного синтеза, однако синтетические тенденции в культуре могут рассматриваться в целом. По его мнению, вопрос состоит в том, «является ли художественный синтез в наше время простым продолжением синтетических тенденций, характерных для искусства в прошлом, или же он является качественно иным и в нём отражаются закономерные тенденции развития современной культуры» [4, с. 5]? Такая постановка вопроса очень важ-

на для нас, поскольку она задаёт модус нарочитости, которая состоялась в культуре начиная с XIX века.

Именно романтизм создаёт особый тип религиозности, оказавший влияние на религиозное чувство современного человека. С одной стороны, он пытается противостоять позитивизму Просвещения, но с другой – создаёт феномен, не имеющий аналогов. Прежде всего, романтизм принимает религию эстетически, и растворяет её в мечте, фантазии, искусстве, любви.

Несмотря на коренные различия разновидностей романтизма (немецкий, английский, французский, русский и т. д.), в нём как в целом присутствуют ярко выраженные родовые признаки, по которым его можно опознать. Он претендует на универсальность взгляда на мир. Но романтик вместе с тем весь состоит из противоречий, и эта противоречивость распространяется и на картину романтического мира. Романтизм противоречит Просвещению, но ещё, и более всего, он противоречит самому себе в себе самом, олицетворяя собой расхождение идеала и реальной человеческой жизни, складывающейся в историю.

Бинарная оппозиция романтизма и просвещения во многом актуальна и для нашего времени. Х.-Г. Гадамер говорил, что у современного мышления два истока: просвещение и романтизм как своеобразная философия идеализма. С одной стороны, современный человек находится «под влиянием веры в осуществляющийся посредством человеческого разума прогресс культуры» [2, с. 93], с другой стороны, он имеет «романтическое сознание, критикующее иллюзии просвещённого разума». [2, с. 98]. То есть, романтизм изменил человека современности, внося в онтологию личности новую составляющую. Эта составляющая связывается с регрессивным процессом, связываемым с понятием «болезни», получившей характерное название: *le mal du siècle* – болезнь века, известном наряду с созвучной ему темой «вселенской скорби» (*der Weltschmerz*).

Л. Мегрон назвал этот процесс романтической неврастений – «*la neurasthénie romantique*» [6, с. 273]. В структуру культуры было внесено нечто искажённое, нездоровое и деструктивное. И это не только делало расплывчатым, даже неопределимым значение дихотомии «добро – зло», но и позволило сформировать концепцию полустороннего отношения человека к тому, что делается в мире. Де-

моническое в человеке перестаёт быть отрицательной характеристикой, а начинает рассматриваться в совокупности в новом религиозном ощущении, предполагающем замену просвещенческой «прозы» жизни романтической «поэзией», которая должна открывать человеку истину, привязанную к миру фантастического, хаотического, то есть «необыкновенного». Ранее культуре была чужда эта тяга к хаотическому, эта готовность столкнуться в чем-то необычным, пусть и демоническим. Именно романтизм впервые привносит в восприятие хаоса продуктивное и творческое начало. И если учесть то, что романтизм и постромантические течения оказали существенное влияние на практически все тенденции в культуре XIX, XX веков и, следовательно, в первой фазе XXI века, можно сказать, что в программу культуры вносятся изменения в виде новой мотивации и смыслов.

В этой связи религиозность современности, будучи связанной с интеллектуальной ситуацией культуры, начинает формировать новое мироощущение, во многом отменяющее прежнее религиозное чувство в его концептуальном оформлении. Возникает та самая нарочитость рефлексии, о которой говорилось выше. По отношению к Апостольской Церкви современная Церковь в совокупности своих членов становится неким инаковым объединением, наследующим романтические, постромантические и неоромантические идеи, в массовой культуре XX века сохранившие только внешний, эпигонский характер и аксиологически принадлежащие уже некой новой традиции. По словам Г. Риккерта, культура – это процесс воплощения ценностей, «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями» [5, 70]. В современной ситуации понятия о ценностях носят абстрактный характер после целого ряда деструктивных процессов, во многом определённых романтическими тенденциями. Это: разрушение цельного восприятия христианского мира; возникновение интеллектуальных течений, вводящих понятие абсурда, как самодостаточного экзистенциала; изменение культурного фона вследствие появления «массового сознания». В наше время сюда нужно включить и появление философии постмодернизма.

Современный человек «русского мира», пришедший в Церковь в любом качестве, выступает продуктом этих тенденций. Одна-

ко сплошь и рядом священники, например, требуют от прихожан соблюдения апостольских правил, восходящих к I веку н. э., то есть к совершенно иной ментальности человека в культуре. Налицо ситуация, в которой при неизменных догматике и схематике богопознания изменился сам человек.

Поэтому при обращении к этнокультурной самобытности необходимо учитывать эту проблематику, которую можно считать одним из вызовов современности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Батанова О. Н. Русский мир и проблемы его формирования: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд. полит. наук: 23.00.04 / ФГОУ ВПО Российская академия государственной службы при президенте Российской Федерации. – М., 2009. – 24 с.
2. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. – 367 с.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Зись А. Я. Теоретические предпосылки синтеза искусств. / Взаимодействие и синтез искусств. – Л.: Наука, 1978. С. 5 – 20.
5. Риккерт Г. Природа и культура. // Культурология. XX век. Антология. – М., 1995. С. 69 – 101.
6. Фромм Э. Искусство быть. – М.: Аст, 2014. – 348, [4] с.
7. Maigran L. Le Romantisme et les mœurs. Essai d'étude historique et sociale. D'après des documents inédits. Paris: Librairie H. Champion, Editeur, 1910. – 508 [XIX] с.

УДК 281.93+322

СОРАБОТНИЧЕСТВО КАК МОДЕЛЬ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

COOPERATION AS A MODEL OF STATE-CHURCH RELATIONS: ONTOLOGICAL ADVANTAGES AND IMPLEMENTATION MECHANISMS

Гридчин Антон Владимирович

Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский Государственный Университет, преподаватель кафедры философии и методологии науки.

Gridchin Anton Vladimirovich

Republic of Belarus, Minsk, Belarusian State University, lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science.

Аннотация. В данной статье осуществляется концептуальный анализ понятия соработничество, в том числе близких по смыслу терминов, входящих в семантическое поле понятия синергия. Проводится сравнительный анализ этих терминов и делается вывод об онтологическом преимуществе соработничества как наиболее конструктивной диалогической форме конституирования социальной реальности.

Abstract. This article provides a conceptual analysis of the concept of cooperation, including terms similar in meaning, included in the semantic field of the concept of synergy. A comparative analysis of these terms is carried out and a conclusion is made about the ontological advantage of cooperation as the most constructive dialogical form of the constitution of social reality.

Ключевые слова: соработничество, синергия, православие, церковно-государственные взаимоотношения, общественный идеал.

Key words: cooperation, synergy, Orthodoxy, church-state relations, social ideal.

Понятие соработничество принято считать переводом греческого термина синергия на русский язык, который встречается в православно-христианской традиции в учении отцов-каппадокийцев в практике «умного делания» – исихазме, это пример «собственного оригинального способа мышления, выработанного византийским православием» [1, с. 23]. Употребление русскоязычного аналога

также встречается в святоотеческой литературе русского православия и содержательно обретает, как мы увидим ниже, несколько иные смысловые отличия от его греческого образца.

Термин синергия имеет греческое происхождение (от греч. *sin* – вместе и *ergos* – работающий) и трактуется как системный результат совместного действия нескольких субъектов, физических или биологических сил, механизмов, организмов, людей, коллективов и другой структурированной целостности. То есть синергичность включает явления, которые возникают от совместного действия нескольких различных факторов, которые отдельно не приводят к такому результату. Применительно к ортодоксальной традиции, этот термин понимается как встреча человека с Инобытием, как встреча двух разноприродных энергий, имеющих свой источник в двух разных горизонтах бытия, что в византийском богословии и получило название синергии (или соработничества) [1, с. 26]. Это понятие, вернее, его вариант – «соработник» – встречается в Библии, где в Первом Послании к Коринфянам говорится: «Мы соработники у Бога» (1 Кор. 3: 9). И здесь открывается более узкое значения понятия «синергия» как соработничества человека с Богом, что также можно толковать как сотворчество. В понимании соработничества как сотворчества и заключено принципиальное отличие этого термина от синергии. Анализ научных работ показывает, что синергию чаще всего трактуют либо как синергетический эффект, либо (реже) как процесс синергетического взаимодействия, в результате которого наступает этот эффект. Тогда как соработничество совмещает в себе как взаимодействие, сонстройку, синхронизацию, так и трансцендирование, осуществление конечных целей, Замысла Божьего. Если мы на контакт этих полярных энергий посмотрим внимательнее в аспекте социальной философии, задав вопрос, какая роль в этой встрече отводится церкви и государству, мы обнаружим, что на долю церкви приходится то, что можно обозначить как стремление к равновесности, стабилизации, консервации, сохранению и трансляции ценностно-культурных основ общества, тогда как роль государства заключена в инновационности в выявлении более нерелевантных, нежизнеспособных компонентов и принципов существования социума, а также в отборе, включении и внедрении тех механизмов, которые отвечают запросам и вызовам современных реалий.

Богословское понятие «соработничество» в светской науке встречается крайне редко. Однако стоит обратить внимание на гораздо более часто используемый синоним – «сотрудничество». Этот термин, используемый в значении «согласованных действий участников для достижения общей цели», по нашему мнению, можно считать лишь частичным синонимом, отражающим лишь отдельный аспект смыслового поля исследуемого понятия [2, с. 355]. Сотрудничество и соработничество, несмотря на общие принципы (опора на диалог, поиск консенсуса) опираются на разные типы отношений: в случае сотрудничества такие отношения имеют рациональные основания и направлены на достижение общей цели, тогда как соработничество понимается как сложение усилий, и, в первую очередь, духовных, добровольное выполнение общего *предназначения*.

Следует отметить, что в документах РПЦ употребляется также понятие «партнерство». Как один из видов взаимодействия партнерство основывается на ожидании того, что партнер будет вести себя в соответствии с условиями сотрудничества. При партнерстве формируется единая позиция по определенным вопросам и организация совместных действий, а его спецификой является «сохранение каждым из партнеров относительной самостоятельности в основных аспектах деятельности» и, кроме того, равноправие участников партнерских отношений, что предусматривает как равные права и обязанности каждой из сторон, так и взаимную ответственность [3, с. 427]. Таким образом, употребляя термин «партнерство» в характеристике церковно-государственных отношений, церковь подчеркивает тем самым, что считает их отношениями равноправных субъектов, которые деятельность строят так, чтобы оправдать ожидания партнера и направить свои усилия на достижение общей цели [4, с. 250]. Партнерство возможно лишь при условии взаимного доверия, уверенности и совместной деятельности, направленной на достижение общего результата. Стоит уточнить, что термином партнерство правомерно характеризовать церковно-государственные отношения в обществах модернистского типа, где монаршество утрачивает сакральный статус и возникает обособленное от сферы церковного влияния гражданское (светское) общество, церковь институализируется и рядопологается с прочими институтами государ-

ства. С учетом сказанного «партнерские» отношения будут направлены скорее на реализацию социально-политических проектов горизонтального характера, что, разумеется, не означает непереносимого выпадения из вертикальной ориентации домостроительных сценариев, но риски обмирщения и уход в границы «тепличного» сосуществования гораздо выше, чем при синергично-сотрабочнических отношениях.

Обратим внимание, что сотрабочничество, понимаемое как сотворчество, как было сказано выше, направлено на осуществление онтологического смысла существования социума, а, значит, приближение к общественному идеалу будет правильно обозначить как творческий акт. Творчество есть всегда и неизбежно жертва, в акте творения творец жертвует собой и оживает в своем творении в ином обновленном качестве. Субъектом творения в предельном основании является Сам Бог, в случае церковно-государственного сотрабочничества субъектность равным образом распределяется между двумя ветвями власти, которые не вмешиваются в сферы влияния друг друга, но находясь в сотрабочничестве, продолжают и реализуют каждая на своем уровне единую волю. Т.е. логоцентризм есть необходимое условие для сотрабочнических церковно-государственных взаимоотношений. Это подразумевает *обоюдоразомкнутое* соотношение субъектов диалога, признание и поиск в другом недостающего до полноты значения. Церковь ищет в государстве возможность осуществления Божией воли, т.е. построения Царствия небесного на земле, домостроя, а государство в церкви обнаруживает смысл и обоснование своего существования [5, с. 179]. Поэтому, с нашей точки зрения, сотрабочничество выступает как наиболее устойчивая и слаженная форма взаимодействия между церковью и государством, т.к. с одной стороны имеет ориентацию на общественный идеал, что будет выражаться в смягчении и преодолении костного, формально-юридического компонента, свойственного секулярному государству, а с другой, со стороны града земного, будет способствовать «заземлению», склонного к молитве и отрешенности от мирских забот «Тела Христова», а также оформлению и включению духовного потенциала церкви в социально-исторический процесс. Совлечение нового человека из ветхого, является ключевой целью православно-христианской практики, что выражается в сознательном отказе от

довольства сиюминутным комфортом и служении Богу как социальном служении, что и является жертвой самозамкнутой, погруженной в себя, ветхой составляющей человека, во имя соборно-социального тела нового человека. Если рассматривать социально-политический срез бытия, то жертвенность в случае церковно-государственного сотрабочничества будет выражаться в преодолении буржуазно-мещанского, ориентированного на консьюмеризм, социально-политического уклада западно-либерального образца ради приближения к осуществлению социального идеала соборного человечества. Потенциал сотрабочничества будет заключаться в выработке механизмов традиционно-новационной преемственности, с одной стороны, а с другой в - выверении и прояснении правильного образа будущего и консолидации церковной и государственной властей вокруг него. Подлинно определенный образ будет задавать сбалансированное соотношение церковно-политических сил. Соответственно сотрабочнические отношения есть не иначе как ключевой метод сотворения нового человека, новозаветного соборного общества, ориентированного на непреходящие идеалы мира и любви. И в этом смысле православная традиция будет служить совестью, светочем и культурным двигателем нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хоружий С. С. Философия под антропологическим углом зрения / С. С. Хоружий // Философский журнал. – 2009. – №2(3). – С. 22-38.
2. Сарыбеков М.Н., Сыдыкназаров М.К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: Учебное пособие. Издание 2-ое, доп. и перераб. – Алматы: ТРИУМФ-Т, 2008. – 504 с.
3. Большая энциклопедия: в 62 т. – М.: ТЕРРА, 2006. – Т. 35. – 592 с.
4. О вопросах внутренней жизни и внешней деятельности Русской Православной Церкви (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2011 г.) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 2 : Деятельность Русской Православной Церкви. – М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 528 с.

5. Гридчин А. В. Проблема соотношения двух природ во Христе как основа церковно-государственных взаимоотношений / А. В. Гридчин // Человек. Культура. Общество – 17: сборник научных статей / Минск: БГУ, 2020. – С. 176-180.

УДК 82-145

**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ
А.А. АХМАТОВОЙ**

**CHRISTIAN MOTIVES IN THE WORKS OF
A.A. AKHMATOVA**

Бурдина Александра Сергеевна

аспирант 1 курса кафедры русского, славянского и общего языкознания Института филологии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

Burdina Alexandra Sergeevna

1st year Department of Russian, Slavic and General Linguistics of the Institute of Philology Crimean Federal V. I. Vernadskiy University, Simferopol

Аннотация. В статье рассматриваются основные мотивы творчества А. Ахматовой, соотносящиеся с христианской верой: молитва, покаяние, прощение, смирение, Судный день. Указано на наличие в стихотворениях поэтессы большого количества религиозных лексем. Христианское мировоззрение определено как философская основа творчества поэта.

Abstract. The article deals with the main motives in the works of A. Akhmatova, which correlate with the Christian faith: prayer, repentance, forgiveness, humility, Judgment Day. A large number of religious lexemes in the poems of the poetess is indicated. The Christian worldview is defined as the philosophical basis of the poet's work.

Ключевые слова: христианская атрибутика, мотивы покаяния, прощения и смирения, формулы молитвы, апокалиптические мотивы, языковые средства христианского содержания.

Key words: Christian paraphernalia, motives of repentance, forgiveness and humility, prayer formulas, apocalyptic motives, Christian linguistic means.

Основой христианского мировоззрения считается вера. С. С. Аверинцев так определяет веру: «в некоторых религиозных системах центральная мировоззренческая позиция и одновременно психологическая установка, включающая, во-первых, принятие определенных утверждений (догматов), напр., о бытии и природе Божества, о том, что есть благо и зло для человека и т. п., и решимость придерживаться этих догматов вопреки всем сомнениям (оцениваемым как «искушения»); во-вторых, личное доверие к Богу как устройтелю жизни верующего, его руководителю, помощнику и спасителю во всех конкретных ситуациях, посылающему страдания и предъявляющему трудные требования для блага самого верующего; в-третьих, личную верность Богу, на «служение» Которому верующий отдает себя (во всех языках, с которыми изначально связано становление теистических религий, «В.» и «верность», а также «верующий» и «верный» обозначаются соответственно тем же словом) [1 с. 136].

По своей мировоззренческой позиции русскую поэтессу Анну Андреевну Ахматову, безусловно, можно считать верующим человеком, исповедующим христианскую религию. Подтверждением тому служат многочисленные воспоминания близких друзей, дневниковые записи, ставшие доступными для изучения в последние десятилетия. Главный вопрос, каким мы задаемся в данной статье: в какой мере христианское вероисповедание Ахматовой воздействовало на ее творчество?

В стихотворениях поэтессы упоминаются православные храмы (Исакиевский, Иерусалимский, Казанский, Софийский, Киевский), православные праздники, фрагменты церковных ритуалов, ссылки на Священное писание. Присутствие христианской символики и церковной атрибутики сообщает стихотворным текстам тот особый возвышенный духовный настрой, сосредотачивает внимание не на земных реалиях, а на состоянии души лирических персонажей.

Частое использование семантем христианской направленности: Бог, вера, молитва, святость, грех, ангел, рай, ад - свидетельствует о принятии христианских догматов, следовании им, размышлении об их сути, оценивании действительности через их призму, т.е. о глубокой «встроенности» в осознание и восприятие мира автора.

Молитвенное состояние, обращение к Богу как постоянно действующей в жизни силе, как привычному собеседнику отражено в стихотворениях: «А юность была - как молитва воскресная...», [2, с. 76] «Молюсь оконному лучу...», [2, с. 23] «Помолись о нищей, потерянной, о моей живой душе...», [2, с. 61] «Так молюсь за Твоей Литургией...», [2, с. 99] «А когда сквозь волны фимиама / Хор гремит, ликуя и грозя...», [2, с. 24] «Торжественно гудят колокола...», [2, с. 25] «А над кроватью надпись по-французски / Гласит: "Seigneur, ayez pitié de nous"» («Господи, помилуй нас» - фр.) [3, с. 14], «Подумай, ты можешь теперь молиться Заступнику своему» [2, с. 98]. Строки, в которых упоминается молитва, эмоционально насыщены, так как поэтике Ахматовой присуща исповедальная тональность, формулы молитвенного покаяния, обета. О. Е. Фоменко подчеркивает, что «стилистическая суть «молитвенных» стихов - в непосредственном обращении к Богу как трансцендентному началу бытия, которое парадоксальным образом смыкается с религиозно-этическим абсолютom, пребывающим в душе героини. Поэтому адресации к Господу оказываются интроспективными обращениями к себе самой, исполненными самоанализа и критики в свой адрес» [7, с. 17]. Ахматовские героини часто возносят слова молитвы к Богу. В. В. Виноградов, в частности, отмечал, что «слова «молить» и «молитва» становятся любимыми словами лирической героини, а значит, и самой поэтессы» [5, с. 98].

В раннем творчестве молитва - это просьба о любви, соединении с возлюбленным, о земном женском счастье: «А скорбных скрипок голоса поют за стелющимся дымом «Благослови же небеса - ты первый раз одна с любимым» [5, с. 47], «Боже, мы мудро царствовать будем, строить над морем большие церкви» [5, с. 98], «А в Библии красный кленовый лист заложен на Песне Песней» [5, с. 83], а также просьба о вдохновении, о поэтическом даре: «Я так молилась: «Утоли глухую жажду песнопенья» [5, с. 79], «А чтоб Тебя благодарить, я смела совершенней, позволь мне миру подарить то, что любви нетленней!» [5, с. 74]. В дальнейшем в творчестве активно развивается мотив молитвы за Россию: славословие новгородской земле, «таинственные, темные селенья -хранилища молитвы и труда» [5, с. 104]. Мольба к Богу о предотвращении бед на родной земле приводит к тому, что поэтесса исполняется пророческим даром:

«Из памяти, как груз отныне лишней, исчезли тени песен и страстей. Ей - опустевшей- приказал Всевышний стать страшной книгой грозных вестей» [5, с. 106]. Она готова к принятию креста и распятия вместе с родной страной: «Чтобы туча над темной Россией / Стала облаком в славе лучей» [2, с. 99].

В высказывании Преподобного Иустина Поповича о вере важен аспект ее внешнего проявления: «во главе святых добродетелей стоит вера. Из нее исходят все [прочие] святые добродетели: молитва, любовь, покаяние, смирение, пост, кротость, милосердие и другие» [6 с.77]. В творчестве А. А. Ахматовой некоторые из названных святых добродетелей становятся ведущими.

Смысл и сущность существования человека осмысливается Анной Андреевной через призму христианства. Именно любовное чувство определяет смысл бытия для лирических героинь Ахматовой. Весь вещественный и духовный мир сосредоточен на воплощении этого чувства, от первой встречи до мига разлуки и покинутости. Поэт осмысливает бытие через любовь. Но любовь описывается в творчестве поэтессы как перенесенное и явленное страдание, которое приводит к поиску веры. А вера, в свою очередь, воплощается в мотивах покаяния и прощения. Поэтому мы можем утверждать, что в поэзии Ахматова являет себя не только лириком, психологом, гражданином, но и философом, так как реальность в ее стихотворениях явлена с позиций христианского мировоззрения.

Большинство стихотворений сборников «Вечер», «Чётки», «Белая стая», «Подорожник» относят к любовной лирике, движущей силой которой становится земная любовь. Лирическая героиня отдана ей всецело, она - страсть, неистовство, обман, колдовство, напряженность души. С точки зрения религии, такая любовь - это искушение, а в некоторых случаях грех: «Любовь покоряет обманно / Напевом простым, искусным» [2, с.27]; «Но верно и тайно ведет от радости и от покоя» [2, с.25]; «И когда друг друга проклинали в страсти, раскаленной добела» [2, с. 24]; «Муж хлестал меня узорчатым, вдвое сложенным ремнем. Для тебя в окошке створчатом я всю ночь сижу с огнем» [2, с. 35], «То дьявольские сети, нечистая тоска» [2, с. 52], «И как преступница томилась любовью, исполненная зла» [2, с. 163].

Возлюбленный для героини становится центром ее мира, все силы души сосредоточены на нем, что равно обожествлению. Поэтому у героини и возникает ощущение рабской покорности его воле и разуму, что осознается как грех и идолопоклонство. «Промолвил, войдя на закате в светлицу: «Люби меня, смейся, пиши стихи!» И я закопала веселую птицу за круглым колодцем у белой ольхи» [2, с. 75] «Запрещаешь петь и улыбаться, / А молиться запретил давно» [2, с. 133].

Трагичность любви заключается также в осознании поэтессой, что есть и любовь Божественная, небесная, евангельская, которая противопоставлена земной и греховной. Обращением к Богу (Он источник исцеления и утешения, единственная опора в горе и испытаниях) наполнены строки: «Боже! Боже! Боже! / Как пред тобой я тяжко согрешила!» [2, с. 285]; «Нам покаянные рубахи. / Нам со свечой идти и выть» [2, с. 255]; «Прижимаю к сердцу крестик гладкий: / Боже, мир душе моей верни!» [2, с. 162]. Ахматовская героиня переживает прозрение: «Тебе покорной быть, / Да ты сошел с ума! / Покорна я одной Господне воле!» [2, с. 148]. Она смиряется и подчиняется Его воле, что становится освобождением.

Мотивы покаяния и прощения являются ключевыми для творчества Ахматовой. Покаяние включает исповедь перед Богом своих грехов, прощение обид, а прощение представляет собой проявление сострадания к ближнему, сотворение добра для любимых и врагов. Следовательно, покаяние и прощение неразрывно связаны и взаимообусловлены.

Покаяние - это осознание своего несовершенства и неспособности соответствовать Божьим стандартам («Как же мне душу скудную богатой Тебе принести?» [2, с. 162]), это упование на милость Божью, на прощение («Принесу покаянную душу и цветы из Русской земли» [2, с. 162], «Много нас таких бездомных, сила наша в том, что для нас, слепых и темных, светел Божий дом, и для нас, склоненных долу, алтари горят, наши к Божьему престолу голоса летят» [2, с. 66]).

Раскаившаяся человеческая душа способна прощать любые обиды, ненависть, клевету, предательство: «Прости меня теперь. Учил прощать Господь» [2, с. 77], «Я всем прощение дарую И в воскресение Христа Меня предавших в лоб целую, А не предавшего - в уста»

[2, с. 240], «Я у Бога вымолю прощенье и тебе, и всем, кого ты любишь» [2, с. 63], «За то, что всем я все простила, ты будешь Ангелом моим» [2, с. 113].

Смирение в испытаниях, в горестях, способность принять волю Господню, благодарить Его за все, данное на жизненном пути, являются наиболее ценными христианскими качествами: «И будь слугой смиреннейшим того, кто был твоим крошечным супостатом, и назови лесного зверя братом, и не проси у Бога ничего» [2, с. 147]. Ахматова благодарит Бога за потери: «Думали: нищие мы, нету у нас ничего, А как стали одно за другим терять, / Так что сделался каждый день Поминальным днем, / - Начали песни слагать О великой щедрости Божьей / Да о нашем бывшем богатстве» [2, с. 73]. Через потери и лишения поэт обретает свободу и радость, постигая суть Божьей любви. «Освобождение близко. Все прощу...» [2, с. 75]. Таким образом, мотивы покаяния, прощения и смирения пронизывают всю лирику Ахматовой и составляют основу ее мировоззрения.

Трагические жизненные обстоятельства, в которых оказалась Анна Андреевна в 30-е -50-е годы, отразились в ее творчестве мотивами «последних времен», приближения Антихриста, конца света и Страшного суда, которые, в сущности, восходят к апокалипсическим мотивам. К поэме «Путем всея земли», стихотворению «Лондонцам» взяты эпиграфы из Апокалипсиса. Апокалиптической образностью насыщен цикл «Реквием» [2, с.196] «Звезды смерти стояли над нами...»; «И скорой гибелью грозит огромная звезда». Ср.: «Перед этим горем гнутся горы, / Не течет великая река...».

В изобразительно-выразительных средствах Ахматова часто использует сравнения, метафоры, эпитеты, насыщенные христианскими и православными понятиями веры, милосердия, сострадания, любви, первородного греха и раскаяния: «Я все запоминаю, \ Любобовно-кротко в сердце берегу» [2, с.27]; «Я не хочу ни горечи, ни мщенья» [2, с. 29]; «И что бы я ни начинала славить - / Ты, тихая, сияешь предо мной» [2, с. 104]; «А Смоленская нынче именинница, / Синий ладан над травой стелется, /И струится пенье панихидное, /Не печальное нынче, а светлое» [2, с. 166]; «Как мог ты, сильный и свободный, /Забуть у ласковых колен, /Что грех карают первородный /Уничтожение и тлен» [2, с. 151]; « Я и плакала и каялась, /

Хоть бы с неба грянул гром!» [2, с. 44]; «Что теперь мне смертное томленье! /Если ты еще со мной побудешь, /Я у Бога вымолю прощенье /И тебе, и всем, кого ты любишь» [2, с. 63].

Таким образом, христианские мотивы в творчестве А. А. Ахматовой выражены непосредственно в лексическом строе, в использовании изобразительных средств языка как упоминание церковных атрибутов, библейских лексем, слов, насыщенных понятиями христианских грехов и добродетелей. Кроме того, ключевыми мотивами творчества становятся мотивы молитвы, покаяния, прощения, смирения, судного дня. Следовательно, три аспекта в понимании веры, указанные С. Аверинцевым, находят отражение в творчестве А. Ахматовой и указывают на философские истоки ее творчества – христианское мировоззрение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Собрание сочинений : София-Логос. Словарь / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. // К.: Дух и Литера, 2006. – 912 с.
2. Ахматова А. А. Собрание сочинение в 2-х томах./А. А. Ахматова // М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т.1.- 448 с.
3. Ахматова А. А. Собрание сочинение в 2-х томах./А.А. Ахматова // М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т.2.- 432 с.
4. Библия Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета / Минск. -1999. -296 с.
5. Виноградов В. В. О символизме Анны Ахматовой / В. В. Виноградов // Литературная мысль. - 1992. - № 1. - С. 91-138.
6. Иустин Попович Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). Том 4. Догматика Православной Церкви. Пневматология. Эсхатология. /М.: «Паломник», 2007.- 247 с.
7. Фоменко О. Е. Православно-христианские основы творчества Анны Ахматовой : автореф. дисс. канд. филол. наук. - Москва, 2000. - 25 с.

VIII. ГОРИЗОНТЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.3+37.026

ТЕХНОЛОГИИ «NUDGE» В ОБРАЗОВАНИИ

TECHNOLOGIES «NUDGE» IN EDUCATION

Черных Сергей Иванович

Д-р филос. наук, профессор, г. Новосибирск,

Новосибирский государственный аграрный университет, заведующий кафедрой истории и философии

Chernykh Sergey Ivanovich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Novosibirsk, Novosibirsk State Agrarian University, Head of the Department of History and Philosophy

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения технологий «подталкивания» («nudge») в образовании. Установлено, что эффект этих технологий оказывается наиболее позитивным для оптимизации мотивирования студентов к работе по выбранной ими в процессе обучения специальности.

Abstract. The article discusses the possibilities of using nudge technologies in education. It has been established that the effect of using these technologies is the most positive for optimizing students motivation to work in their chosen speciality during the learning process.

Ключевые слова: наджеризм, мотивация, студенты, персональная образовательная среда.

Key words: nadgerizm, motivation, students, personal education environment.

Введение. В обширных педагогических, психологических, социологических работах последних лет интенсивно обсуждается феномен снижения интереса к получению высшего образования. Как побочный эффект этого феномена концептуируется демотивация к получению той специальности, по которой студенты обучаются (или на которую поступили) в достаточно большом количестве высших учебных заведений [1,2,3]. Обострение проблемы неудовлетворительного качества обучения вызвало в последние десятилетие развитие двух тенденций: Нежелание работодателей принимать выпускников на работу, с одной стороны, и «всплеском» интереса и статусности дополнительного профессионального обучения во всех его

модификациях, особенно в его корпоративном секторе, с другой [4]. Происходящие процессы обусловили разработку технологий, с помощью которых можно было бы осуществлять образовательную политику, соответствующую интересам таких агентов образовательных практик, как государство и бизнес-структуры. Одной из таких технологий стал наджеризм (от «nudge» - подталкивание) – технология «мягкого подталкивания».

Задачей данной статьи является изучение возможностей технологии «nudge» в корректировке мотивационной сферы студенческого сообщества.

Методология исследования. Поскольку в условиях формирования новой дидактики цифрового образования и поведенческой экономики уже оформились новые тренды, такие, как персонализация обучения, адаптивный подход, дистанционные технологии обучения, предиктивная аналитика и другие, постольку потребовалось изменение самих алгоритмов мышления для формирования будущей деятельности специалиста как проектной и инновационной, экологически и социально ответственной. Среди методик формирования таких алгоритмов особое внимание привлекают методики «nudge», разрабатываемые в дискурсе поведенческих наук. А.Т. Шмидт и Б. Энгелен актуализируют эти процессы следующей аргументацией. «Так называемая политика подталкивания использует знания поведенческой науки для достижения результатов политики (в различных сферах общественной жизнедеятельности – государственном управлении, бизнесе, а также в образовании – авт.). Политика подталкивания пытается улучшить решения людей, изменяя способы предоставления им вариантов, а не изменяя сами варианты, или стимулирования, или принуждая людей. Подталкивание было встречено с большим энтузиазмом, но также и с резкой критикой... Подталкивание несет в себе мощное обещание: вместо того, чтобы менять варианты выбора людей или экономические стимулы, мы можем улучшить решения людей, изменить то, КАК им представлены варианты» [5]. Начало исследованиям и использованию «подталкивания» (nudging или nudge) было положено известной работой Ричарда Таллера и Кассы Санстейна «Подтолкнуть» 2008 года. В ней авторы определяют подталкивание как «любой аспект архитектуры выбора, который изменяет поведение людей предсказуемым образом, не запрещая какие-

либо варианты или существенно меняя их экономические стимулы» [6, с.6]. Исследование Р. Таллера и К. Санстейна основывалось в основном на методологии бихевиоризма и применения этой методологии в практике государственного управления. Однако развитие концептов конструктивизма и коннективизма в их аналитике складывающейся сегодня цифровой реальности привело научное сообщество к тезису о том, что в последнее время «поведенческое подталкивание» рассматривается как потенциально перспективный подход для совершенствования регуляторной политики в большинстве сфер общественной жизнедеятельности и, особенно, в образовании [7].

Результаты и обсуждение. Деструкция мотивации к обучению и сомнения в ценности образования – тенденции достаточно устойчивые. Поэтому технологии «nudge», осуществляемые на уровнях государственной и региональной политики в области образования (при всей спорности их применения), могли бы существенно помочь государству и бизнес-структурам как основным агентам образовательных практик в их (этих тенденций) если не в преодолении, то купировании хотя бы частично.

В вышеприведенной интерпретации политики подталкивания акцентация производится как:

- изменение способов предоставления вариантов решения (мотивация на определенное решение);
 - без изменения самих имеющихся (то есть идущих от индивида, или среды, или других коммуникаторов – агентов) вариантов;
 - без принуждения или изменения экономических стимулов.
- В итоге решается проблема мотивации как «улучшение алгоритма применения решений», то есть вопрос «КАК лучше» принять «лучшее» решение? Научение этому индивида и составляет образовательную и смысловую интенцию самой процедуры подталкивания.

Концептуально «наджером» как идеологом, продюсером и менеджером процедуры подталкивания к определенным мотивациям и решениям может быть любой агент образовательного пространства. Однако функционал и полномочия по его реализации у них весьма различны. Рассмотрение этих вопросов – отдельная и обширная тема. Здесь мы можем наметить уже «проявляющие» себя на практике

действия по реализации подталкивания. Сразу отметим, что этих действий в сфере образования не очень много. Со стороны государства:

- финансовая, материальная и технологическая поддержка инновационных проектов прикладного типа: «Агроскаутеринг», «Цифровой двойник студента», ФГИС «Меркурий» и других, в которых задействованы старшие школьники и студенты через прямую коммуникацию с производственными и образовательными учреждениями;

- привлечение работодателей к выстраиванию образовательного процесса, оценке компетенций выпускников, формированию контрольных цифр приема по регионам и вузам;

- прямое и косвенное финансирование научных и научно-производственных проектов и малых предприятий при вузах и школах.

Со стороны бизнес-структур:

- Материальная, финансовая, идеологическая поддержка развивающихся НОЦ (научно-образовательных центров) как эффективных региональных структур;

- Развитие сети попечительских советов в университетах;

- Грантовая поддержка научных и образовательных проектов различного уровня и объема.

Со стороны вузов:

- Диверсификация старых и разработка новых программ, соответствующих целям оптимизации индивидуального выбора (динамический компетентностный профиль);

- Разработка алгоритмов образовательных взаимодействий, актуализирующих мониторинг эффективности «научного подталкивания» и усиления мотивации на последующую работу;

- Мощный идеолого-воспитательный посыл с центрированностью на модель «регионального патриотизма»;

- Пропаганда и реклама профессионального труда в рамках различных проектов типа «Профессиональный класс», «Умная сфера» с привлечением школьников к работе в малых предприятиях при ВУЗах, агрохолдингах, фермерских хозяйствах, предприятиях другого типа.

Создание своеобразной этажерки по реализации поведенческого подталкивания схематизировано в работе А.Е. Голодниковой, Д.Б. Цыганкова и М.А. Юнусова, где произведен анализ международного опыта в этом направлении. Авторы анализируют опыт США, Великобритании и Дании. На наш взгляд, для образования

более (в силу специфических причин) подходит совместно англо-датский вариант: «создание подразделений по применению поведенческих методов на уровне отдельных ведомств [7с.19]. Частно-государственный орган ВІТ (Behavioral Insights Team) в Англии определяет свой функционал как консультирование на основании четырех основных принципов – простота как выбор ответа, имеющего стандартную формулировку и ответ (если государство обеспечит вам как абитуриенту то-то и то-то, то вы как студент обязуетесь сделать, то-то и то-то. Система советского распределения и целевое обучение – модели реализации этого принципа);

- привлекательность (если вы как выпускник поедете работать в село, то получите дополнительные, в том числе и финансовые, преференции. Сегодня наиболее эффективно реализуется на примере педагогов, медицинских работников, специалистов);

- социальный аспект (реклама, агитация, предлагаемая личностная инфраструктура, системная «психологическая обработка» и прочее. Развита сегодня слабее, чем другие принципы);

- время (одни и те же предложения, сделанные в разное время, приводят к различному поведению, в том числе, и к перемене мотивационных предпочтений. Отсюда следует, что политика «подталкивания» не должна «замыкаться» на определенном возрасте, а продолжаться на протяжении всего трудового периода индивида).

Датский вариант предусматривает создание «nudge-подразделений» в соответствующих государственных органах, но отличительной особенностью здесь является наличие негосударственных организаций, «занимающихся продвижением использования "nudge" как коммерческих структур в правительстве» [7, с. 20-24].

Выводы. В условиях создавшегося дефицита кадров становится ясно, что традиционные инструменты регулирования кадровой политики не являются достаточно эффективными. Их достоинство и одновременно их слабость (неэффективность) определяется опорой (обращением) только к рациональным аспектам индивидуального мышления. Поведенческие мышление/мотивация, дополняют их формирование психологическими факторами. Можно говорить о недостаточности изученности когнитивных ограничений, которая влечет за собой опору только на рациональное мышление. Но (если

учитывать поступление и мотивацию поступления в многие вузы по «остаточному принципу») явно возникает необходимость формирования и исполнения кейсов «мягкого подталкивания» к усилению мотивационной сферы для преодоления недостаточности кадрового потенциала. В этом достаточно очевидно будет проявляться практический акцент социально-философской и социально-психологической рефлексии [8]. Эффект «сочетания» в преодолении объективно сложившихся ограниченностей с поведенческим регулированием и методами nudge вполне реально может повысить эффективность регулирования кадровой политики в формировании мотивационного мышления. Критики «nudge» часто говорят об ограничении свободы выбора и манипулировании индивидуальным сознанием, что не лишено оснований в каких-то ракурсах. Но специализированные и высокопрофессиональные органы внедрения методик подобного типа сегодня необходимы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Севостьянов Д.А., Гайнанова А.Р. Целеполагание современных студентов: инверсивный анализ // Высшее образование в России. 2019. №7. С.43-53.
2. Короткевич Э.Р. Учебная мотивация современного студента в контексте теории достижения целей // Образовательные ресурсы и технологии. 2019. №3. С. 27-32.
3. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает [Текст] / Я.И. Кузьминов, М.М. Юдкевич; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – С. 345-395.
4. Черных С.И., Паршиков В.И., Вышегуров С.Х. Корпоративное образование в России: состояние и перспективы развития (социально-философский анализ). Монография / С.И. Черных, В.И. Паршиков, С.Х. Вышегуров. – Новосибирск: Агро-Сибирь, 2016. – 167 с.
5. Schmidt A.T., Engelen B. The ethics of nudging: An overview // Philosophy compass. 2020; 15:e12658. [Электронный ресурс] URL:<https://doi.org/10.1111/phc3.12658>
6. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness. Yale University Press, 2008. – 180 p.

7. Анализ основных кейсов технологии подталкивания см. в: Голодников А.Е., Цыганков Д.Б., Юнусова М.А. Потенциал использования концепции «NUDGE» в государственном регулировании // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. №3. – С. 7-31.
8. По поводу практической акцентации философских исследований см. работы научного направления «Практическая философия», реализуемого в Крымском федеральном университете им. В.И. Вернадского. См.: Габриелян О.А., Лазарев Ф.В. Практическая философия: современные трансформации и перспективы (вместо манифеста) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Научный журнал. 2021. Том 7(73). №3. – С. 22-39.

УДК: 316.443

АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО XIX ВЕКА

ANALYSIS OF THE INTERRELATION OF EDUCATION AND SOCIAL INEQUALITY: FROM ANTIQUITY TO THE 19TH CENTURY

Матвеев Вячеслав Викторович

к.соц.н., доцент, г. Великий Новгород, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, доцент кафедры философии, культурологии и социологии, заведующий лабораторией социологии

Matveev Vyacheslav Viktorovich

Candidate of Social Sciences, Associate Professor, Veliky Novgorod, Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, Associate Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Sociology, Head of the Laboratory of Sociology

Аннотация. В статье рассматривается актуальная тема взаимосвязи образования и социальной структуры, так как и в современных условиях, социальное неравенство воспроизводится в достаточно устойчивых

формах именно через образование, через его разнообразные подсистемы и учреждения. Автор считает, что концептуально каркас взаимосвязи образования и социального неравенства для современной социологии образования был заложен у античных исследователей, у мыслителей Нового времени и эпохи Просвещения.

Abstract. The article deals with the topical issue of the relationship between education and social structure, since in modern conditions, social inequality is reproduced in fairly stable forms precisely through education, through its various subsystems and institutions. The author believes that the conceptual framework of the relationship between education and social inequality for the modern sociology of education was laid by ancient researchers, thinkers of the New Age and the Enlightenment

Ключевые слова: образование, социальное неравенство

Key words: education, social inequality

Начиная с античности, мыслители задумывались над природой неравенства людей и делали попытки объяснить неравное распределение в обществе власти, богатства и почета. При всем различии идей исследователей анализ социального неравенства приводит к постановке фундаментального вопроса, а именно, как в обществе возникает неравенство? Согласно современным теоретическим моделям, на процесс социального неравенства влияют факторы, за которые индивид не может нести ответственность, так как не в силах повлиять на них, и факторы, на которые индивид может повлиять и поэтому несет личную ответственность (3, 43). Во второй модели образование выделяется как особый фактор, поскольку в нем сходятся интересы отдельного индивида, социальных групп и общества. Например, доминирование интересов каких-либо социальных групп может подорвать равный доступ к образованию широких слоев общества. Ориентации на потребности общества приводят к ущемлению индивидуальной свободы.

Постановка проблемы. Интерес к теме взаимосвязи образования и социального расслоения не случаен, так как с середины XX века образование рассматривается как одно из “равнозначных измерений стратификации”, как механизм выделения и закрепления социальных групп как элементов социальной структуры [2, 235;]. Даже в СССР, с его идеями по сближению социальных классов и слоев общества, исследования показывали, что доступ-

ность отдельных уровней образования все в большей степени определялась социальным статусом семьи [10, 275].

С другой стороны, в анализе взаимосвязи образования и социального неравенства все чаще встречается идея о том, что образование выравнивает жизненные шансы людей, сокращая социальное неравенство [4, 87]. Подобная противоречивость объясняется многогранностью и сложностью процесса взаимосвязи образования и социального расслоения. В итоге сформировалась ситуация, когда в анализе взаимосвязи образования и социального неравенства растет потребность в комплексном анализе с привлечением исторического материала. И чем глубже будет проблема, тем глубже в историю нам придется забираться. Именно идеям разных эпох и посвящена данная статья.

Античный период. Уже первые попытки проследить историю связи образования и социального неравенства выявляют столкновение двух теорий: 1) образование организационно укрепляет социальное неравенство, 2) образование выступает фактором нивелировки социальных различий.

В европейской истории первая идея была обоснована Платоном, который в смоделированном идеальном государстве выделил общественные группы: философов, стражников, ремесленников и землевладельцев, каждая из которых выполняла определенную функцию, что делало отношения между ними гармоничными, поскольку каждая группа занималась своими обязанностями [8, Т.3]. Стержнем механизма гармоничного развития общества выступала система образования, помогающая сохранить социальную дистанцию между группами. Люди в этих группах должны были обладать знаниями, отличными от знаний других граждан. Передача знаний от поколения к поколению происходила через образование, поэтому контроль за образованием признавался Платоном функцией представителей высших классов, так как давал им возможность расширять свою власть. Несколько позже известный римский педагог Квинтилиан рекомендует обучать детей свободных граждан по особым программам, так как данные дети от природы имели отличные способности, им были не свойственны тупость и неспособность к обучению [5, 18-19].

Таким образом, в рамках первой традиции образование выступало важным фактором социального расслоения. С помощью образо-

вания определенные группы закрепляли свое привилегированное положение.

В античную эпоху мы находим и сторонников второй традиции, когда образование рассматривается как инструмент нивелировки социальных различий. Аристотель высказывался за равный принцип в воспитании всех граждан, выступая как против власти олигархов, так и против власти бедноты и делая ставку на средние слои, которые могли вынести правильное решение. Поэтому поддержка демократическим государством средних слоев должна была не только образовывать людей, но и сдерживать разрушительные силы, опасные для равновесия государства, что достигалось через воспитание новых поколений [1, 120, 243].

Новое время и эпоха Просвещения. В Новое время идея о том, что одним из важных инструментов социального расслоения является образование, была поддержана английским философом Локком, считавшим, что не природные задатки, а образование является решающим фактором в развитии качеств человека [6, 231]. Однако Локк отрицал идею совместного обучения детей из разных социальных слоев. Дети из низов общества должны были обучаться в «рабочих школах», в образовательных программах которых большое количество времени отводилось трудовым занятиям.

На континенте идеи о демократической роли образовании в обществе поддерживали французские просветители. Гельвеций, принимая идею о формировании человека под воздействием воспитания, считает, что общество должно дать образование независимо от социального происхождения человека. Вклад в развитие идей демократического образования внес всемирно известный философ Жан-Жак Руссо. Руссо приводил исторические факты, которые показывали отсутствие в архаических обществах социального неравенства [9, 70]. Решающим шагом к установлению общественной гармонии, возникновению сотрудничества между людьми является заключение общественного договора. Руссо считал, что равенство между людьми в области привилегий и власти должно было стать фундаментальным признаком общества. Равные права граждан должны были распространяться и на систему образования. К недостаткам же современного ему образования мыслитель относил недемократичность, недоступность его для людей труда. Руссо требовал уважительно

относится к личности ребенка, не допускать телесных наказаний детей, учитывать их возрастные и культурные особенности, считаться с их интересами.

Утопический социализм. Мощный толчок идея образования как инструмента социальной справедливости нашла в социалистическом движении. В 30-40-е годы XIX в. термином социализм обозначали учения известных социальных реформаторов - А. Сен-Симона, Ш. Фурье, Р. Оуэна. Утописты резко критиковали современные им социально-экономические устои и политическую форму организации общества. Они считали, что социально-экономическая несправедливость объективно порождает несправедливость политическую, которые проявляются в таких общественных бедствиях, как низкая оплата труда, коррупция, рост налогов, безработица, полицейский произвол [7, 9-11]. Относительно образования утописты придерживались мысли о всеобщем и едином для всех людей образовании, о необходимости общественного воспитания с раннего детства, считая, что это поможет просветить и преобразовать людей, воспитать в них склонность к демократическим устоям. Будучи уверенными в правильности своих идей, утописты высказывались о гуманном отношении к детям, об обязательном учете их возрастных и индивидуальных особенностей, что на уровне индивида должно было привести к всестороннему и гармоничному развитию личности, а на уровне общества - к устранению социального неравенства при получении образования. С точки зрения утопистов, реформы в сфере образования должны были происходить под руководством правительств, поскольку они заинтересованы в создании эффективной системы национального образования. На государство утописты возлагали обязательства по поддержке национальной науки и занятых в ней ученых, считая, что от состояния науки зависит уровень социально-экономического развития страны и жизнь ее населения [11, 9].

Заключение. В целом можно отметить, что к началу XIX в. в социально-философских теориях существовали как объединительные, так и разграничительные линии по вопросу взаимосвязи социального расслоения и образования. Объединяло то, что, во-первых, в анализе общественного развития исследователи уже не могли не учитывать факторы, связанные с образованием; во-вторых, в образовании

все больше рассматривалась функция, связанная с социальной структурой общества. Сфера различий по вопросу оценки роли образования в обществе приводила к тому, что с позиций одних мыслителей (Аристотель, Гельвеций, Руссо, социалисты-утописты) образование должно было преодолевать социальные различия посредством раскрытия людьми из социальных низов общества своих способностей. Другие мыслители (Платон, Квинтилиан, Локк) считали, что для каждого социального класса должна существовать своя система образования. В их понимании богатые и престижные слои должны выстраивать социальные «заборы» посредством образования.

Таким образом, в истории социально-философской мысли по проблеме взаимосвязи образования и социального неравенства оформились несколько противоположных подходов, получивших более конкретные очертания в рамках отдельных теоретических концепций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель Политика / Пер. с греч. с предисл., примеч. и прил. очерка: Греческая политическая литература и «Политика» Аристотеля С.А. Жебелева. – Москва: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911. - 465.
2. Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., Издательство «Прогресс». 1972. - 392 с.
3. Ибрагимов З. Ф., Франц М. В. Неравенство возможностей в советский и постсоветский период: эмпирический анализ // Вопросы образования. 2021. №2. С. 43-61.
4. Керша Ю. Д. Социально-экономическая композиция школы как фактор воспроизводства неравенства в образовании // Вопросы образования. 2020. №4. С. 85-104.
5. Константинов Н. А. История педагогики. М., 1982. - 447 с.
6. Локк Д. Педагогические сочинения / Д. Локк; пер.с англ. Ю.М. Давидсона; вступ.ст. А.Ф. Шабаевой; под ред. И.Ф. Свядковского. Москва; Учпедгиз, 1939. - 320 с.
7. Павлов В. А., Растемишина Т. В. Из истории утопического социализма: критика буржуазного мироустройства в концепциях К.А. Сен-Симона и Ш. Фурье // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2016. №3 (11). С. 80-91.

8. Платон Государство // Платон. Сочинения в 3-х томах. Перевод А.Н. Егунова. М.: Мысль.1971.
9. Руссо Ж. Ж. Трактаты. Переводы. Подготовили В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. Москва: Наука, 1969. - 704 с.
10. Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. -2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство института социологии РАН, 1998. - 696 с.
11. Ядгаров Я. С. Истоки социально ориентированных управленческих воззрений в творчестве основоположников утопического социализма // Управленческие науки. 2017. №1. С. 6-11.

УДК 101.1:101.9+374

ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ: РЕБЕНОК КАК СУБЪЕКТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРАКТИК

PHILOSOPHY FOR CHILDREN: A CHILD AS A SUBJECT OF EDUCATIONAL PRACTICES

Доронина Светлана Геннадиевна

Младший научный сотрудник Института философии НАН Беларуси

Doronina Svetlana Gennadievna

Junior Research Fellow Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus

Аннотация. В статье анализируется понятие «детство», актуализируется необходимость его ревизии. Выявляется корреляция между методами и подходами педагогических практик и представлениями о феномене детства. Устанавливаются преимущества стратегий обучения движения «Философия для детей», выявляется специфика и роль исследовательского сообщества, акцентирующего внимание на значимости активной роли ребенка в образовательных и философских практиках.

Abstract. In the first part of the article, the author analyzes the concept of "child-student", and also actualizes the need for its revision. In the second part, the author reveals the relationship between educational methods and approaches and ideas about the phenomenon of childhood. In conclusion, the advantages of the pedagogical strategies "Philosophy for Children" are established, the specifics of the research community are re-

vealed, emphasizing the importance of the active role of the child in educational and philosophical practices.

Ключевые слова: феномен детства, ребенок, критическое мышление, исследовательское сообщество, философия для детей, философские практики, сотрудничество.

Key words: childhood phenomenon, child, critical thinking, research community, philosophy for children, philosophical practices, collaboration.

В последнее время – начиная с 60-х годов XX века – возникает большое количество публикаций и исследований, акцентирующих внимание на важности переоценки и пересмотра знания о считавшемся ранее очевидным феномене детства [1]. Традиционно взрослые эксперты склоняются к общепринятой точке зрения рассматривать детство в качестве неполноценного этапа взрослой жизни, фокусируясь на негативных определениях субъективного опыта ребенка, в то время как именно такие установки мешают увидеть и проявить позитивные характеристики детского опыта, выработать тактики и стратегии воспитания и образования, позволяющие детям принимать активную роль в обучении.

Основные критерии и факторы, по которым обычно определяют детство, хорошо отражены во многих трудах философов. Краткий экскурс в их сочинения позволяет выявить ряд стандартных представлений, которые транслируются от эпохи к эпохе и во многом являются востребованными и сегодня. Наиболее устойчивые образы детства восходят к педагогическим и философским изысканиям Аристотеля, Дж. Локка, И. Канта, склонявшихся к точке зрения, согласно которой ребенок представляет «пустой сосуд» / «чистый лист», который необходимо заполнить знаниями (говоря современным языком, речь идет о трансляции знания). Более категоричными выглядят идеи Ж. Кальвина, который рассматривал детство как необходимое и неизбежное зло, от которого надо избавиться с минимальными потерями времени на «детские» забавы. Под влиянием философии образования, уходящей своими корнями в идеи Ж.-Ж. Руссо, а позже, благодаря философии Романтизма и работам К. Юнга и З. Фрейда, произошла переоценка феномена детства. Оно стало не просто периодом раннего развития, а активной составляющей, оказывающей влияние на психологическое, эмоциональное, когнитивное и творческое состояние человека в течение всей жизни. Ряд других известных мыслителей, например, таких как Ф. Фребель

и Дж. Дьюи, считали, что дети с раннего возраста обладают способностью к абстрактному мышлению и имеют глубокие представления о сложных явлениях и понятиях. В настоящий момент все больше появляется научных работ, аргументировано доказывающих наличие у детей способностей, связанных с гибкостью и нестандартностью мышления, возможностями наравне с учеными делать открытия и выдвигать гипотезы, философствовать и др.¹³

Каждая модель описания феномена детства задает направление обучения, форму взаимодействия «взрослый – ребенок», тип «ребенка-ученика», имеющих отношение к определенным установкам взрослых экспертов. Что же является определяющим в формировании представлений о детстве? Определение понятия «детство» чаще всего фокусируется на общих психофизиологических и поведенческих характеристиках, установлении сходств и различий между детьми и взрослыми.

Эссенциалистский подход, редуцирующий детский опыт к определенным возрастным характеристикам и способностям, до сих пор занимает сильную позицию, однако подвергается большой критике со стороны современных философов-практиков [2, 3]. Преподаватели и взрослые настолько перегружены «бременем» воспитания и наставления, что не в состоянии оценить философскую перспективу детских дискуссий и нарративов¹⁴. В то время как умения слушать и слышать детей, открыто относиться к их взглядам позволяют существенно изменить такую точку зрения, задуматься об ограниченности и неадекватности собственного понимания жизни.

Эти тенденции отразились в ряде современной исследовательской литературы, анализ которой показал, что современные экс-

¹³ См., например: Gopnik A. *The Philosophical Baby*, 2010; Gopnik A. *Scientific thinking in young children: Theoretical advances, empirical research, and policy implications*. New York, 2012.

¹⁴ Детские глубокие, логические, философского характера наблюдения и размышления, диалоги можно обнаружить в ряде современных исследователей по практической философии. См., например: Kennedy D. *Changing conceptions of the child from the renaissance to post-modernity: a philosophy of childhood*. – Lewiston, New York: The Edwin Mellen Press. – P. 131–170.

пликации, отражающие теоретическое понимание детства, актуализируют проблему переопределения преподавательских навыков, связанных с умением слушать детей, осуществлять адекватные интерпретации их посланий, выстраивать значения, коррелирующие с внутренним опытом ребенка [4]. В настоящий момент традиционная образовательная повестка подвергается деконструкции, пересматриваются основные ее положения, выдвигаются инициативы, напрямую имеющие отношение к философским практикам, одной из которых является философия для детей.

Философия для детей (P4c) – современное движение, акцентирующее внимание на необходимости формирования рефлексивной парадигмы образования и вовлечения детей в образовательные практики в качестве активных субъектов, развитии критического мышления, обучении через сотрудничество и диалогические формы взаимодействия.

Отличительная черта философии для детей – это создание «сообщества философских исследований» [2, 5], коллективного обсуждения проблем, согласно регламентируемым основным правилам эффективной совместной работы и коммуникации. Как отмечают философы-практики Дж. Хейнс и К. Муррис, «педагогика исследовательского сообщества предполагает, что ни учитель, ни ученик не являются ядром учебного процесса. Поиск лучшего понимания и аргументации посредством совместных рассуждений и диалога являются центром такого обучения» [6, р. 4]. Несколько другую точку предлагает А. Шарп: «Сообщество исследователей одновременно имманентно и трансцендентно: оно обеспечивает основу, которая пронизывает повседневную жизнь участников и служит идеалом, к которому нужно стремиться» [7, р. 207–225].

Исследовательское сообщество побуждает детей развивать философскую «чувствительность», связанную с человеческим существованием [8, р. 421 – 443], и позволяет получить представление о важных философских аспектах жизни, событий, явлений и т. д. Дети, принимающие участие в исследовательском сообществе, обычно оказываются в повествовательно-философской ситуации, предполагающей субъективную, избегающую однозначности и объективизма интерпретацию исследуемого объекта.

В отличие от атмосферы соперничества и конкуренции в традиционной школе, исследовательское сообщество поощряет сотрудничество и совместные усилия. Это обеспечивает открытость дискуссии и возможность философских открытий, оттачивание собственных мыслительных навыков и способностей вместо заучивания готового материала¹⁵.

Однако создание исследовательского сообщества и сама философия для детей не являются инновациями, которые быстро и легко реализуются, поскольку затрагивают многие аспекты учебной деятельности не только педагогического и методологического, но и этического характера. Часто именно роль соисследователя / равноценного участника представляется наиболее трудной для учителя¹⁶. С другой стороны, именно признание ценности детского «голоса» в обучении, активной роли ребенка открывают широкие возможности, связанные с трансформацией отношений «взрослый – ребенок» в педагогических и социальных практиках.

Можно выделить несколько основных принципов такой педагогики: обучение через вопросы и решение проблемных ситуаций; фокусирование на устранении жестких иерархических отношений в обучении – учитель является координатором и соучастником процесса обучения, а не «судьей»; интерпретационный и междисциплинарный подход в обучении. Эти принципы позволяют рассматривать философию для детей как педагогику поиска, основанную на постижении смыслов, стимулирующую личностное развитие, развивающую

¹⁵ См., например: SAPERE P4C. www.sapere.org.uk; Yan S. Meta-Analysis of the Effectiveness of Philosophy for Children Programs on Students' Cognitive Outcomes // S. Yan, L. M. Walters, Z. Wang, C. C. Wang // Analytic teaching and philosophical praxis. – Vol. 39, iss. 1. – P. 13–33.

¹⁶ В настоящий момент существует много эмпирических данных, подтверждающих факт негативного излишнего вмешательства в процесс детских размышлений и интерпретаций, объяснений, не позволяющих детям и произведениям «делать свою собственную работу». См., например: Graham, J. Pictures on the page. / J. Graham. – Sheffield: National association for the teaching of English. – 1990. – P.114–115; Haynes, J. Listening, juggling and travelling through philosophical space / J. Haynes, K. Murriss // Creative and critical thinking. – 2000. – Vol. 8. – No. 1. – P. 23–32.

ON THE DEVELOPMENT OF SCIENCE AND THE ECONOMY OF RUSSIA

Ворожжихин Владимир Вальтерович

канд. экон. наук, г. Москва, в.н.с. НИИ развития образования РЭУ

им. Г. В. Плеханова, в.н.с. ИПРАН РАН

Vorozhikhin Vladimir Valterovich

*cand. economy sciences, Moscow, leading researcher of Research Institute
for the Development of Education of REU named after G.V. Plekhanov,
leading researcher of IPRAN RAS*

Аннотация. В статье рассматриваются возможные инновационные решения развития науки и экономики России в условиях санкций и масштабной «экономической войны» против России. Описываются организационно-структурное решение «мультисеть», инструменты организации научных исследований - интеллектуальный репозиторий и электронный научный паспорт исследователя России.

Abstract. The article discusses possible innovative solutions for the development of science and the Russian economy in the context of sanctions and a large-scale "economic war" against Russia. The organizational and structural solution "multi-network", tools for organizing scientific research - an intellectual repository and an electronic scientific passport of a Russian researcher.

Ключевые слова: развитие науки России; мультисеть; управление конвергенцией; гибридный естественный и искусственный интеллект; человеко-ориентированная экономическая модель.

Key words: development of science in Russia; multinet; convergence management; hybrid natural and artificial intelligence; human-oriented economic model.

В условиях применения странами Запада санкций и «экономического оружия», ограничения доступа к современным технологиям и к глобальному знанию, Россия вынуждена искать свой путь развития. Отставание на 5-8 лет - т.е. на 3-4 поколения решений в сфере цифровизации становится барьером для достижения глобальной

шую навыки самоуправления и самообучения и резко контрастирующую с «педагогикой страха», акцентирующей внимание на «недостаточности» детей и «всеведущем руководителе / учителе»¹⁷.

В последнее время стратегии философии для детей были адаптированы ко многим программам и стали неотъемлемой частью более широких философских и образовательных практик, соответствующих так называемому «преобразующему научению», направленному на изменение и преобразование личностных качеств участников образовательного процесса и их образа жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доронина С. Г. Философское исследование феномена детства: проблемы и перспективы / С. Г. Доронина // Социум и власть. – 2021. – № 1. – С. 128 – 139.
2. Lipman M. Thinking in education / M. Lipman. – Cambridge: Cambridge university press, 2013. – 2nd ed. – 318 p.
3. Matthews G. B. The philosophy of childhood / G. B. Matthews. – Cambridge, Massachusetts and London: Harvard university press, 1994. – 136 p.
4. Clark A. Listening as a way of life: why and how we listen to young children. 2011. Mode of access: http://www.going4growth.com/downloads/an_introduction_to_why_and_how_we_listen_to_very_young_children.pdf. – Date of access: 4.04.2022.
5. Kennedy N. Community of philosophical inquiry as a discursive structure, and its role in school curriculum design / N. Kennedy, D. Kennedy // Journal of philosophy of education. – 2012. – Vol. 45, iss. 2. – P. 265–283.
6. Haynes J. M. Picturebooks, pedagogy and philosophy / J. M. Haynes, K. Murris. – New York: Routledge, 2012. – 284 p.
7. Sharp A. What is a community of inquiry? / A. Sharp // Philosophy and education. J. Portelli, W. Hare (eds.). – Calgary: Detselig enterprise, 1998. – P. 207–225.
8. Kizel A. “Life goes on even if there’s a gravestone”: Philosophy with children and adolescents on virtual memorial sites / A. Kizel // Childhood and philosophy. – 2015. – Vol. 10. – P. 421–443.

¹⁷ См.: Kizel A. Pedagogy out of fear of philosophy as a way of pathologizing children / A. Kizel // Journal of unschooling and alternative learning. – 2016. – Vol. 10. – P. 28–47.

конкурентоспособности страны и в стратегическом периоде грозит утратой реального суверенитета. Есть иной путь достижения глобальной конкуренции России, связанный с развитием науки и человеческого потенциала, не требующий затрат времени на догоняющее повторение траекторий развития науки в странах-лидерах. Подобное решение уже было использовано в истории России при создании ядерного оружия в крайне ограниченные сроки.

В условиях роста сложности традиционные подходы экономической науки приводят к ошибочным прогнозам и управленческим решениям - экономика откатывается на позиции преднауки, а существенные преимущества в развитии получают страны, способные найти новые подходы к экономическому развитию и управлению экономическими экосистемами [1, 2]. Непрерывное развитие пространства знаний требует замены прогнозирования подходами управления конвергенцией знаний и технологий. Другая важная тенденция – интеграция естественного и искусственного интеллекта для решения конкретных задач научно-технологического и социально-экономического развития стран.

Развитие потенциала науки возможно за счет реализации двух важнейших решений: вовлечения в исследования всех граждан России, имеющих соответствующие таланты и способности, и совершенствования научных коммуникаций, позволяющего ускорить формирование идей и гипотез, нового знания, его распространения и использования.

Организационно-структурное решение для трансформации науки – мультисеть – «сеть сетей» - формируется на основе национальной сети университетов и исследовательских институтов РАН. Мультисеть является актором модели «тройной спирали» развития стран с учетом деятельности университетов, бизнеса и власти [3].

Для обеспечения доступа к глобальному знанию формируется внешняя надстройка мультисети - международная партнерская сеть научных коммуникаций и обмена знаниями. Ее использование позволяет обеспечить доступность глобального знания для страны в условиях санкций и ограничений доступа к современным технологиям и научному сотрудничеству.

Национальная сеть достраивается двумя внутренними сетями, каждая из которых также может рассматриваться как мультисеть

более низкого организационного ранга. Мультисеть научных исследований интегрирует в единую подсистему лаборатории фундаментальных и прикладных научных исследований, вычислительные и живые лаборатории (ЖЛ). ЖЛ [4] обеспечивают возможность ускоренного освоения населением России современных сложных устройств, технологий и услуг для решения бытовых и производственных задач. В условиях России ЖЛ помогают сформировать персональные стратегии создания и достижения благоприятного (лучшего, желаемого) будущего.

Мультисеть поддержки исследований и реформ включает в себя ЦУЗ - центры управления знаниями, ИР - интеллектуальные репозитории, МФКЦ -многофункциональные культурные центры и ЦНИО - центры непрерывного инклюзивного образования.

ЦУЗ позволяют ориентироваться в развивающемся и усложняющемся пространстве знаний посредством взаимодействия с цифровыми тьюторами при поддержке тьюторов-преподавателей университетов. В результате любой гражданин страны получает доступ к предметно ориентированным персональным траекториям доступа к знаниям, повышающим эффективность разработки и реализации стартапов.

МФКЦ обеспечивают сохранение культурного разнообразия и продвижение новых социо-электронных механизмов общественной координации. Гуманитарные интервенции в поддержку реформ обеспечивают снижение барьеров и противодействия новым инновационным управленческим решениям. Мощь культурных интервенций была продемонстрирована в ходе культурной революции в Китае: хотя не было отдано ни одного административного приказа, в ходе культурной революции пострадало около 100 млн. человек, а для ее остановки пришлось привлекать армию.

ЦНИО обеспечивают непрерывное инклюзивное образование в соответствии с потребностями персоналий и фронтами глобальной науки.

ИР – «самоорганизуемая цифровая система хранения научной информации в любых формах - от идей до подробного описания промышленных технологий и ноу- хау» [5]. ИР реализует все основные функции репозитория - размещения, хранения, учета, поиска

информации. ИР также позволяет непрерывно анализировать и оценивать научные тексты, выявляя (создавая) и формируя (формализуя) новые знания. ИР - система непрерывной обработки информации для повышения ее научной, потребительской и коммерческой стоимости. ИР позволяет поддерживать научные коммуникации и совместную деятельность исследователей в режиме 24/7 с использованием цифровых технологий для учета источников научной информации, а также спектра и глубины знаний исследователей

Электронный научный паспорт исследователя России (НП) формирует персональный детализированный учет всей используемой и создаваемой автором научной информации. Интеграция ее потоков по группам исследователей, организациям с учетом форм представления отражает динамику научной деятельности и научного потенциала страны с учетом их разнообразия.

Совместное использование ИР и НП позволяет сформировать систему персональных научных рейтингов исследователей России с учетом детализации спектра и глубины знаний, отражая таланты и способности персоналий. В ежегодно утверждаемой научным сообществом России структуре глобальных и национальных знаний определяется глубина знаний каждого исследователя России, оцениваются не косвенные проекционные публикационные характеристики научных результатов, а непосредственные знания, отражаемые в текстах исследований в любых формах представления научной информации. Автоматизированная оценка может быть скорректирована в рамках квалифицированного краудсорсинга, при проведении которого учитываются персональные рейтинги участвующих исследователей с учетом необходимой детализации спектра и глубины знаний для оценки представленных научных результатов.

Предложенная система организации науки создает возможности принципиального ускорения квалифицированных научных коммуникаций, повышающих научную грамотность, спектр и глубину научных знаний. Существующая система оценки научных результатов посредством учета проекции публикаций и цитируемости ориентирована на признание научных результатов исследователей 6 тысячами редакций журналов, вынужденных опираться на доверительное знание экспертов, часто не обладающих релевантными и целостными научными знаниями, а также вести в определенной степени

предпринимательскую деятельность, ориентированную на успех издания и привлечение финансов, а иногда просто манипулировать правом на размещение статей авторов.

Развитие науки позволяет решить задачу формирования новой экономической науки сложных систем и разработки новой человеко-ориентированной экономической модели. Предварительные оценки специалистов США и Японии позволяют оценить потенциал роста ВВП и производительности труда примерно вдвое.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворожихин В. В. Системное развитие стратегического прогнозирования и управления / В Сб. Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения» / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. -- М., 2022. - Ч. 1. - 1309 с. – с. 79-81
2. Ворожихин В. В. Стратегия обретения благоприятного будущего России в условиях гиперконкуренции – там же, с. 71-78
3. Ворожихин В. В. Инклюзивное непрерывное развитие российской науки как условие обретения конкурентоспособности страны – там же, с. 774-778
4. Ворожихин В., Карнаух И. Живые лаборатории Успешный зарубежный опыт поддержки инновационного развития самоуправления // Самоуправление. 2019. Т. 1. № 3 (116). С. 61-65.
5. Ворожихин В., Карнаух И. Интеллектуальный репозиторий научно-информационного библиотечного центра / Библиотека и культурное пространство региона : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 11–12 ноября 2021 г.) / Министерство культуры Российской Федерации; Пермский государственный институт культуры; Центр непрерывного образования и повышения квалификации творческих и управленческих кадров в сфере культуры; ответственный редактор Вафина Е. М. ; редакционная коллегия: Чуприн К. П., Шепелева С. В. – Пермь, 2021. – 324 с. – Текст : непосредственный. –с. 199-205.

УДК 101.1:316

**ЧЕЛОВЕК И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ:
ГРАНИ НОВОЙ ОНТОЛОГИИ****MAN AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE:
FACETS OF A NEW ONTOLOGY***Соловьева Людмила Николаевна
канд. филос. наук, доцент, г. Москва,**Московский авиационный институт (национальный исследовательский
университет), заведующая кафедрой управления проектами**Solovieva Lyudmila Nikolaevna**PhD, Associate Professor, Moscow, Moscow Aviation Institute (National
Research University), Head of the Project Management Department*

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению перспектив технологического развития человечества на современном этапе, в частности проблеме взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Показано, что информационно-коммуникационные и технологии искусственного интеллекта обуславливают современную антропологическую и социокультурную трансформацию.

Abstract. The article is devoted to the philosophical understanding of the prospects of technological development of mankind at the present stage, in particular, the problem of interaction between man and artificial intelligence. It is shown that information and communication technologies and artificial intelligence determine the modern anthropological and socio-cultural transformation.

Ключевые слова: человек, искусственный интеллект, цифровизация, информационно-коммуникативные технологии, информационная эпоха, техника.

Keywords: man, artificial intelligence, digitalization, information and communication technologies, information age, technology.

Бытие человека информационной эпохи протекает в русле революционных изменений, свидетельствующих о приближении постантропологической эры. Информационная современность – своего рода технологический апофеоз, олицетворяющий вступление человечества в Индустрию 4.0, переход на новый виток цивилизационной спирали – информационной, цифровой, постчеловеческой. Ключевое

звено этого технологического торжества – информационно-коммуникационные технологии. Несомненно, что современность протекает под эгидой «I» («информационный» из аббревиатуры NBIC), и такие понятия, как «информационная экономика», «информационная индустрия», «информационная сфера», «информационное общество», «информационные технологии», «информационная культура», маркируют новый цивилизационный этап.

Динамика современных технологических преобразований столь велика, что человек не успевает адаптироваться к ним, в полной мере осмыслить, внутренне принять, что разбалансирует мировосприятие. Находясь под таким мощным технологическим натиском, определенный технологический апгрейд претерпевает и сам человек. Невозможно представить современного человека вне своего технологического продолжения – техники, технологий, разного рода гаджетов, облегчающих жизнь, глобального информационного пространства как нового пространства жизни, работы, досуга, опять же технологически сгенерированного. Каковы же перспективы такого человеко-технического симбиоза – один из важнейших философских вопросов, на который предстоит ответить человечеству, ученым, философам и от решения, которого зависит дальнейшая судьба цивилизации.

Выделившись из природы, на протяжении всей истории своего существования человек изменял окружающий мир, адаптировал природу «под себя», созидая искусственный, рукотворный материальный и духовный мир культуры – «второй природы». Однако интеллектуальная и творческая мощь оказалась таковой, что человечеству оказалось под силу создать органическое продолжение этой «второй природы» – «третью природу» – искусственную жизнь, искусственный интеллект, виртуальный мир, в невещественном пространстве которого в начале третьего тысячелетия разворачивается его бытие. Эта новая реальность, хорошо коррелируя с концепцией «постчеловеческой реальности» и «постчеловека», «запустила» механизм антропологической и социокультурной трансформации.

Человек постепенно утрачивает статус исключительности в окружающих его естественных и искусственных мирах. И смещают его с этого пьедестала отнюдь не человеческие сущности, его творе-

ния – техника, технологии, искусственный интеллект, стирающие грань между естественным и искусственным, расширяющие пределы физического мира, дополняющие физическую реальность виртуальным, цифровым. Человек, по мнению Бодрийера, реализовал прометеевский проект господства над Вселенной, исчерпав свои возможности, возвел их до максимума и передал эстафету искусственному интеллекту [1].

Никакая из технологий, которой бы не обладал человек, не вызвала такого интереса и так не захватывала воображение, как искусственный интеллект. Более чем за 60-летнюю историю своего существования (1961 году был создан первый робот, в 2021 году праздновалось его 60-летие) научные разработки в области искусственного интеллекта не только значительно продвинулись, но и нашли широкое отражение в массовой культуре: в литературе, кино и даже в мультипликации, запечатлевая оптимистические и пессимистические сценарии предстоящего цифрового будущего. Очевидно то, что этой технологии предначертано кардинально изменить мир, человека и его местоположение в этом мире. В этой связи Алан Тьюринг еще в 1951 году сделал предостережение: если машина сможет думать, то она будет делать это лучше нас, и этой новой угрозой определенно стоит обеспокоиться [5]. И действительно идеологов Четвертой промышленной революции в значительной степени волнует не столько вопрос о том, как меняет техника жизнь человека, а вопрос его статуса: существует ли что-то уникальное человеческое, на что машина не способна?

На сегодняшний день универсальный искусственный интеллект пока не создан, но то, о чем рассуждали герои «Диалогов» С. Лема – о создании электрического мозга машины, о человеческом бессмертии путем копирования и перенесения сознания в другое тело, уже в самой ближайшей перспективе может воплотиться [2]. Именно при помощи информационных технологий на базе искусственного интеллекта, по мнению В.А. Лекторского, может быть предварена в жизнь давняя и самая заветная мечта человечества о бессмертии. Некий аппарат будет постоянно делать информационную копию с поступков конкретного человека, с его переживаний, мыслей, записывать все, что с ним происходило на протяжении жизни; а затем все это будет перенесено на другой носитель – биологический, а лучше

цифровой, и психическая жизнь конкретного человека, таким образом, будет сохранена, хотя он будет жить уже не в своем теле, и это уже будет «постчеловек» [3, с. 159-160].

Самый распространенный способ создания «умных» машин сегодня заключается в сообщении им целей и алгоритмов их достижения. Широко используется узкоспециализированный искусственный интеллект, который хорошо справляется с выполнением конкретных и четко сформулированных задач. Например, из наиболее применяемых – это поисковые алгоритмы Google могут вести диалог, программа Siri умеет по первым нескольким буквам прогнозировать слово, которое будет вводиться на смартфоне, контекстная реклама в Интернете и др., из более узкоспециальных – это программы обеспечения кибербезопасности, системы управления промышленными роботами, автопилоты, методы обобщения текстовой информации и т.д. Сейчас усилия ученых сосредоточены на задаче создания систем искусственного интеллекта, способных к самостоятельному обучению, творчеству и свободному общению с человеком. И это порождает целый комплекс вопросов: уступит ли человек свое первенство искусственному интеллекту как более эффективному и целесообразному? Станет ли сверхчеловеком, трансчеловеком, постчеловеком, усовершенствовав свою биогенную природу? Раскроет ли искусственный интеллект новые горизонты для творчества и межличностной коммуникации?

К примеру, сегодня уже реализуется стартап Илона Маска Нейролинк – мозговые импланты, позволяющие связать человека и компьютер, совместить работу мозга и искусственного интеллекта [4, с. 38], или экспериментальные исследования дистанционного мониторинга нейронов, обнаруженные Эдвардом Сноуденом, результатом которого является реальное телепатическое общение – непосредственная возможность обмениваться звуковыми и визуальными сообщениями, слышать и видеть «чужими» ушами и глазами [4, с. 37]. Таким образом, по-видимому, прогнозам Р. Курцвейла относительно ближайших технологических перспектив и перспектив развития искусственного интеллекта, а именно – тотальной интеграции человека и компьютера, суждено сбыться.

Таким образом, человек современной цифровой эпохи больше, чем когда-либо оказался связан со своим технологическим продолжением – умными машинами. И в этой связи вполне закономерны опасения относительно возможного будущего: будет ли это гармоничной коэволюцией человека и техники, технологическим расширением биогенной природы человека и окружающего его материального мира, которое выведет цивилизацию на новую ступень развития и вернет статус исключительности не только в мире живого, но и в искусственном мире – мире цифры, или это будет реализация одного из пессимистических сценариев в стиле «Терминатора», «Матрицы», «Генезиса 2075», «Из машины» и др. И здесь приоритет за науками о человеке и об обществе, и особенно философией, позволяющей не только проникнуть в суть проблемы, но и руководствуясь множеством точек зрения, взглядов на нее, подходов к ее решению, выработать наиболее адекватное отношение к ней, а, следовательно, и безошибочно ее решить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Почему все еще не исчезло? [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@alesya-bolgova/zhan-bodriiiar-pochiemu-vsieshchie-nie-ischiezlo> (дата обращения: 02.05.2022)
2. Лекторский В.А. Цифровизация жизни как глобальный антропологический вызов // Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: Материалы XIX Международных Лихачевских научных чтений, 22-24 мая 2019 г., Санкт-Петербург. – СПб.: СПбГУП, 2019. – С. 159-161.
3. Лем С. Диалоги. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 522 с.
4. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. – М.: Книжный мир, 2021. – 320 с.
5. Тьюринг А.М. Может ли машина мыслить? / Пер. с англ. – М.: URSS, 2016. – 128 с.

УДК 303.832.32

ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕХНОНАУКИ

ETHICAL ASPECT OF TECHNOSCIENCE

Джубатчанова Инкар

аспирант, г. Казань, Казанский Федеральный Университет.

Jubatchanova Inkar

postgraduate student, Kazan, Kazan Federal University.

Аннотация. В статье приводится критический анализ социально-этических принципов технонауки. Исследуется вопрос взаимодействия современной науки и прикладной этики.

Abstract. The article provides a critical analysis of the social and ethical principles of technoscience. The issue of interaction between modern science and applied ethics is being studied.

Ключевые слова: технонаука, прикладная этика, трансдисциплинарность, социальная ответственность, коэволюция.

Key words: technoscience, applied ethics, transdisciplinarity, social responsibility, co-evolution.

На протяжении последних десятилетий в философском пространстве происходит осмысление понятия «технонаука», и, соответственно, его влияния на научные исследования, на общество и культуру. Современные исследования технонауки (М. Гиббонс, К. Лимож, Х. Новотны, С. Шварцман, П. Скотт, М. Троу и др.) указывают на процессуальные характеристики феномена технонауки: трансдисциплинарность, социальная ответственность и контекстуальность. Вместе с этим, российские исследователи (Б.Г. Юдин, И.В.Черникова, А.Л. Андреев, Е.А. Баканова и др.) артикулируют современную технологизированную науку как систему институтов политики, экономики, СМИ, науки и общества, делая акцент на том, что технонаука является социо-гуманитарным феноменом. Это определяется гетерогенностью системы технонауки (их институциональной составляющей), что, в свою очередь, рождает всплеск трансдисциплинарной направленности науки и общества. Все перечисленные процессы и явления появляются по мере установления связей между отдельными институтами, являются принципиально

новыми феноменами для классической и постклассической науки. В этой связи появляется необходимость в разработке методов организации работы институциональной системы технонауки. Трансдисциплинарная направленность технонауки рождает всплеск роста прикладной этики, поскольку создается качественно новое знание, требующие глубокого социально-философского анализа.

Критика социально-этических принципов

На современном этапе развития феномена технонауки возникает необходимость в обсуждении вопросов этического характера. Среди отечественных исследований на сегодняшний день нет единой позиции касательно способа взаимодействия между технонаукой в целом и этикой. Одним из возможных вариантов рассмотрения этических вопросов в современной науке является система социально-этических принципов (Осипов В. Е. и Васенкин В. А.), первым фундаментальным принципом которой является ответственность [5]. Следует отметить, что принцип ответственности рассматривается только внутри научного сообщества, тем самым ограничивая свое влияние. Как было упомянуто выше, современная наука представляет собой не только научное сообщество, но и институты власти, экономические и медийные сообщества, следовательно, принцип ответственности, задача которого переосмыслить человека, должен стоять перед всеми акторами технонауки. Однако нельзя говорить о том, что в современном мире не происходит рефлексии над вопросами «что такое человек?», «какова его природа?» и другими аспектами витальности. Данные размышления в большей степени не взаимодействуют с вопросом о социальной ответственности. Другими словами, социо-гуманитарные исследования показывают необходимость применения принципа ответственности в развитии технонауки, вместе с этим акторы технонауки акцептируют принцип ответственности, но использование данного принципа носит формальный характер. Предположим, что это связано с тем, что принцип социальной ответственности не имеет конечного адресата, в этом проявляется процедурный характер этических вопросов в технонауке.

Принцип коэволюции, призванный уравнивать систему «человек-искусственный интеллект», показывает свою несостоятельность. Во-первых, на сегодняшний день нет единого определения искусственного интеллекта (далее -ИИ) [4]. Неоднозначность дефи-

ний ИИ значительно препятствует систематизации и развитию прикладной вычислительной этики. С другой стороны, прикладная этика искусственного интеллекта базируется на булевой алгебре, иными словами этика закодирована в двоичном скрипте, где на этические вопросы можно получить закрытые ответы, «да» или «нет». Данный принцип прикладной этики искусственного интеллекта исключает чувственные состояния человека по отношению к технике, тем самым делая человека похожим на робота. [3] Размышляя над принципом коэволюции, следует учитывать не только риски использования ИИ (порабления человечества в самых худших сценариях развития науки), но и популяризацию социальных методов коммуникации человека и ИИ, минимизируя влияния технологий на человеческое существование.

Принцип ненасилия обязан защитить науку и общество от вмешательства нанотехнологий в процессы жизнедеятельности человека и природы. Последние 15 лет вопрос об угрозе развития нанотехнологий обсуждался в обществе достаточно открыто, не был маргинальным и не был панацеей от всех недугов. С самого начала дискуссии нанотехнологии получили статус «нормальных» технологий. Soft law привело к тому, что было предложено рассматривать наноэтику не как часть прикладной этики, но как «герменевтическую платформу». [2] Данные технологии в биомедицине дали возможность развиваться генной инженерии, но риски такого развития превышают практическую пользу для общества, поэтому существует «Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека». Данный нормативный документ регулирует процессы и явления, напрямую связанные с жизнью людей. Наряду с этим необходимо учитывать, что нанотехнологии являются трансдисциплинарными, поэтому от них можно ждать успехов и рисков во всех сферах жизнедеятельности человека.

Принцип предосторожности, обязанность которого предусмотреть все возможные последствия от внедрения технологий [1], на сегодняшний день получил свое воплощение в гуманитарной экспертизе, биоэтике, информационной этике, а также в рамочных принципах ответственных инноваций. Однако фрагментарное рассмотрение данного вопроса для каждой конкретной области науки и

общества не решает проблему существенно. Основным препятствием для реализации ответственных инновационных исследований является отсутствие ясности в определении связи технонауки и прикладной этики. Каждая новая форма прикладной этики обязана своим возникновением трансдисциплинарности. Принимая во внимание факт, что новые формы этики отстают от развития науки и технологий, существует возможный риск того, что принцип предосторожности не справится со своей функцией.

На данный момент можно установить, что прикладная этика осуществляет попытку внедрения в современную науку путем создания новых дисциплин, таких, как биоэтика, информационная этика, этика добродетели и др. Вместе с этим этический дискурс в пространстве технонауки не перестает носить процессуальный характер. Из этого следует что, по мере развития прикладной этики внутри пространства технологий и науки возникает все больше процессов и явлений, требующих философского осмысления и легитимизации регуляционных процессов внутри каждого отдельного актора, а также между всеми акторами технонауки. Одним из возможных способов выхода из сложившихся обстоятельств, которые не меняют кардинальным образом подход к современной науке и ее способам развития, является установление системной связи «прикладная этика – технонаука», представляя этику как один из факторов технонауки.

Современная наука развивается, учитывая интересы каждого отдельного элемента. Рассматривая прикладную этику как один из факторов, становится очевидным, что этические вопросы перейдут в плоскость регуляционных, так как будут учитываться интересы этики наравне с остальными элементами технонауки. В последующем развитии можно предположить, что прикладная этика перестанет заниматься рисками, а станет одной из движущих сил развития технонауки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринбаум А. Этические вопросы в свете ответственных исследований и инноваций // *Технологос*. – 2019. – № 2. – С. 21–30. DOI: 10.15593/perm.kipf/2019.2.02

2. Грунвальд А. 15 лет исследованиям по наноэтике: итоги и достижения // *Технологос*. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/15-let-issledovaniyam-po-nanoetike-itogi-i-dostizheniya>.
3. Клюева Н. Ю. Этико-прикладные аспекты применения технологий искусственного интеллекта / Н. Ю. Клюева // *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. – 2021. – № 5. – С. 52-66. – EDN TQVVEA.
4. Назарова Ю. В. Этика искусственного интеллекта в современной России: актуальные проблемы и тенденции развития // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2020. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-rossii-aktualnye-problemy-i-tendentsii-razvitiya>.
5. Осипов В. Е., Васенкин А. В. Система социально-этических принципов технонауки // *Современные технологии. Системный анализ. Моделирование*. 2012. №4 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sotsialno-eticheskikh-printsipov-tehnologii>.

УДК 004.8

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АГЕНТ И ЧЕЛОВЕК: КАК ИХ РАЗЛИЧИТЬ УЖЕ СЕЙЧАС?

INTELLIGENT AGENT AND HUMAN: HOW TO DISTINGUISH THEM NOW?

Матковский Владислав Андреевич

аспирант 1-го года обучения Физико-технического института

Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Matkovsky Vladislav Andreevich

1st year postgraduate student Physical-Technical Institute Crimean Fed-

eral V. I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье представлены возможности и проблемы искусственного интеллекта на текущий момент. Выделены основные качественные различия человека и машины. Затронута роль людей перед наукой при создании информационных систем.

Abstract. The article presents the possibilities and problems of artificial intelligence at the moment. The main qualitative differences between man and

machine are highlighted. The role of people before science in the creation of information systems is touched upon.

Ключевые слова: искусственный интеллект, интеллектуальный агент, человек, машина.

Key words: artificial intelligence, intelligent agent, human, machine.

Сегодня искусственный интеллект является ключевым инструментом во многих областях нашей жизни. Это медицина, промышленность, безопасность, банкинг и другие. Но остается ряд нерешенных проблем. Сейчас они не на слуху, так как в приоритете другие, более простые и финансово выгодные задачи. С другой стороны, решение многих таких проблем невозможно из-за ограниченности технологий на текущий момент. Можно сказать, что есть успехи в создании «слабого» искусственного интеллекта и предпринимаются попытки создания его «сильной» версии [1]. До сих пор ведутся споры, что является искусственным интеллектом, и будет ли он способен выполнять все функции человека. Однако уже во многих областях трудно различить, где человек, а где машина. Ниже представлены основные возможности и проблемы интеллектуальных агентов на текущий момент. Поднимается вопрос о схожести человека и машины уже сейчас, а также затрагивается роль и ответственность людей перед наукой при построении таких программ.

Если говорить об искусственном интеллекте, то здесь нужно брать во внимание понятие интеллектуального агента. Это программа, необходимая для решения определенного вида задач. Примерами агентов могут служить поисковики, голосовые помощники, боты, различного рода программы. В отдельный кластер можно отнести агентов, которые выполняют задачи искусственного интеллекта. Принцип их работы заключается в следующем. На вход этих программ поступают большие объемы информации. Далее с помощью специальных алгоритмов полученные данные обрабатываются с целью выявления закономерностей, признаков, которые помогут решить поставленную задачу. Но главной особенностью программных агентов является способность к самообучению. Машина должна учиться и стараться улучшить выходные результаты, привести к минимуму степень погрешности.

Если остановиться и призадуматься, то уже на этом этапе возникает некая параллель с жизненным опытом человека. Человек рож-

дается, развивается на основе того, что видит, слышит. Совершает ошибки, на которых учится. Он сталкивается с различными трудностями и задачами, стремится к хорошему, а лучше идеальному результату. Размышляя о сходствах человека и машин в целом, в голову приходят образы машин в научно-фантастических фильмах. Внешне и поведением они схожи с человеком.

Другим примером может служить голосовой помощник от компании Яндекс по имени Алиса. Это целый кластер программных агентов. «Распознаёт естественную речь, имитирует живой диалог, даёт ответы на вопросы пользователя и, благодаря запрограммированным навыкам, решает прикладные задачи» - так описывает Яндекс на официальном сайте свою программу. На что здесь необходимо обратить внимание. Программа названа человеческим именем, для общения с людьми она использует записанный женский голос, выполняет довольно немалый список прикладных и бытовых задач. Отлично. Но представим следующую ситуацию. В квартире в первой комнате находится человек, во второй комнате другой человек и голосовой помощник общаются между собой. Как человеку в первой комнате понять - общаются два человека или человек с компьютером? Возьмем другую область для примера - медицину. В совокупности с роботизацией и программированием она продвинулась далеко вперед, возникают идеи о полной замене всех частей тела человека. Выходит, что современные технологии способны на решение многих задач, в некоторых сферах способны заменить человека, а где-то уже трудно понять, где здесь человек, а где программа. Интересна и та мысль, что люди сами передают признаки человека машине. Отсюда следует вопрос - как уже сегодня различать интеллектуального агента и человека? В чем их отличительные особенности?

Есть обратиться к истории, станет ясно, что человек прошел процесс сложной социальной, культурной и биологической эволюции. Главным его признаком является деятельность, предполагающая осознание личностных и общественных потребностей, выдвижение целей и их реализацию. В разнообразных видах деятельности оттачивается преобразующее мастерство человека, углубляется познание окружающего мира и самого себя, происходит развитие науки, техники, технологии. Американский учёный Грейс Хоппер писала:

«Мы забываем, что еще ни один компьютер не поставил новой задачи». [2] Действительно, компьютер не может поставить для себя цель. Однако нельзя отрицать тот факт, что и человек и алгоритм стремятся к определенной цели. Другое дело, как они это делают. Целеполагание считается смыслообразующим содержанием человеческой деятельности, практики человека. Иными словами, целеполагание — это наполнение смыслом человеческого бытия — от отдельных его фрагментов до эволюции всего человечества, от смысла жизни каждого индивида до предназначения всего человеческого рода.

Еще одним важным отличием человека от машины или программы является принцип усвоения информации. Американский журналист Сидни Харрис писал: «Опасность не в том, что компьютер однажды начнет мыслить как человек, а в том, что человек однажды начнет мыслить как компьютер» [2]. Действительно, человек и компьютер мыслят по разному. Обычно программа направлена на обработку информации определенного типа. Система будет извлекать только необходимую информацию. При этом остаток знаний будет никак не использован.

Трудным является для искусственного интеллекта понятие глупости и спора. В представлении алгоритма глупость равнозначна ошибке, значит быть ее не должно. Обращаясь к истории науки, находим примеры, когда известные умы стали таковыми благодаря способности мыслить нестандартно, в противовес устоявшимся принципам. Многие считали их глупыми, но впоследствии они совершали великие открытия. Есть понятие и намеренной (искусственной) глупости или ошибки. Некоторое время назад в интернете распространился афоризм: «Я не боюсь машины, которая пройдет тест Тьюринга. Я боюсь ту, которая его намеренно провалит» [3]. Тест Тьюринга считается пройденным, если человек в диалоге не смог понять, где машина, а где другой человек. Здесь на такую глупость (в представлении компьютера ошибку) алгоритм пока не способен.

Спор же - это способность выяснить истину. Существует так называемый научный спор как форма познавательной деятельности. Научные споры – это интеллектуальные упражнения, направленные на развитие интеллекта и мыслительных способностей. Не случайно

многие народы во времена их расцвета увлекались интеллектуальными турнирами в той же, если не в большей мере, чем спортивными. В Древней Греции, например, упражнения в спорах были важным элементом подготовки аристократической молодежи к будущей судебной и общественно-политической деятельности. Спор и сегодня является ярким выражением мыслей оппонентов. Могут ли компьютеры спорить? Программа не сможет поддержать спор с человеком. В случае спора двух компьютеров неизвестно, как они решат тупиковую ситуацию. В споре двух людей в подобной ситуации найдется один более разумный, который попытается сменить вектор беседы, чтобы избежать столкновения.

Важен вопрос и о нравственности искусственного интеллекта. В процессе получения знаний человек формируется как личность, начинает понимать, что такое добро и зло, приобретает нравственные качества. Человек постигает ценность полученных знаний. У людей появляются определенные устои - например, самопожертвования. Здесь появляется вопрос - способен ли программный агент принимать решение на основе собственных моральных принципов или побуждений? В какой-то степени это так, просто не в такой форме, как принято у людей. Если это обучение с учителем, здесь человек поможет машине разметить данные о том, что такое хорошо, а что такое плохо. Но в жизни у людей все сложнее, это раз. К тому же правильный агент сам должен понимать и принимать правильный выбор. Этот вопрос и направление остаются открытыми.

Перечисленные выше различия можно характеризовать как недостатки современного искусственного интеллекта. Для решения этих проблем и необходимо разрабатывать интеллектуальные многоагентные системы. Однако, необходимо помнить об ответственности, которую несет человек перед наукой. Важно, чтобы созданные системы не вредили окружающему миру, а, наоборот, работали только для его улучшения. Стоит помнить, что в современном мире, где все больше решений принимается искусственным интеллектом, важно сформировать правильную моральную базу, нравственные рамки для его корректного функционирования. Как решение - научить машину давать нравственную оценку ее действиям, но возможно ли это?

ЛИТЕРАТУРА

1. Чем отличается сильный искусственный интеллект от слабого [Электронный ресурс] // – URL: <https://neuronus.com/news-tech/1048-chem-otlichaetsya-silnyj-iskusstvennyj-intellekt-ot-slabogo.html>
2. Афоризмы про компьютеры [Электронный ресурс] // – URL: <https://citaty.su/vyskazyvaniya-i-frazy-pro-kompyutery>
3. Искусственный интеллект. Тест Тьюринга [Электронный ресурс] // – URL: <https://blog.wikium.ru/iskusstvennyj-intellekt-vs-chelovek.html>

УДК: 101.8 + 004.94

**«ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ
С ПОЗИЦИИ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ»**

**«PHILOSOPHICAL ASPECTS OF MODELING FROM
THE PERSPECTIVE OF THE LATEST TECHNOLOGIES »**

Максюта Сергей Александрович

аспирант Физико-технического института Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского

Maksyuta Sergey Aleksandrovich

*postgraduate student Physical-Technical Institute Crimean Federal
V. I. Vernadskiy University*

Аннотация. В настоящей статье обозначены аспекты философского подхода к моделированию и прототипированию элементов интегральных схем (ИС) как важных направлений микроэлектроники. Рассмотрены некоторые вопросы применения аддитивных технологий и охарактеризованы особенности аддитивных технологий, используемых для прототипирования 3D-объектов.

Abstract. This article outlines aspects of the philosophical approach to modeling and prototyping of integrated circuit elements (ICS) as important areas of microelectronics. Some issues of the application of additive technologies are considered and the features of additive technologies used for prototyping 3D objects are characterized.

Ключевые слова: моделирование, прототипирование, аддитивные технологии, искусственный интеллект, исследования.

Key words: modeling, prototyping, additive technologies, artificial intelligence, research.

Философия – это система представлений о реальности, которая включает в себя понимание природы бытия, человека и его роли в мире. Но это ни в малейшей степени не умаляет научного значения философии. Более того, именно этот момент повышает его актуальность и значимость с точки зрения осознанного выбора перспектив развития человечества в XXI веке.

Наука и философия всегда шли рядом, - дополняя и обогащая друг друга. Философия неустанно черпает свежие силы из научных открытий, материалы для широких обобщений и передает наукам идеологические и методологические импульсы своих универсальных принципов. Философия обостряет мышление, обогащает и укрепляет его культурный и интеллектуальный потенциал. Если проследить всю историю естественных и общественных наук, то нельзя не заметить, что ученые в своих конкретных исследованиях, в построении гипотез и теорий постоянно применяли, иногда бессознательно, мировоззренческие и методологические принципы, категории и логические системы, выработанные философами и усвоенные учеными в процессе их обучения и самообразование.

Тема моей будущей научно-исследовательской работы: «Моделирование и прототипирование элементов интегральных схем (КФУ)».

На самом базовом уровне ученые используют модели. Научные модели могут быть физическими объектами, и ученые строят их для воспроизведения систем в реальном мире путем упрощения, для проведения эксперимента. Подобный эксперимент невозможно провести в реальном мире, чтобы объединить несколько известных научных идей в единое целое для построения и проверки гипотез.

Типы моделей могут быть: физические, концептуальные, математические.

Как физические, так и концептуальные модели продолжают оставаться важными компонентами научных исследований. Кроме того, многие ученые теперь строят модели математически с помощью компьютерного программирования. Эти компьютерные модели

служат многим, потому что в основе своей исходят из тех же целей, что и физические модели. Но, как правило, они полностью определяются математическими и физическими отношениями между переменными, которые определяются численно. В этом случае строительными блоками являются фундаментальные понятия и теории, такие, как, например, математическое описание турбулентного течения в жидкости, закон сохранения энергии или законы термодинамики, которые могут быть собраны в самые разные модели.

Все модели ориентированы на то, чтобы быть точными копиями физических вещей. При разработке концептуальной модели, такой как атомная модель, физической модели, или компьютерной модели, первым шагом является - определение моделируемой системы и целей модели. «Система» — это общий термин, который может относиться к чему-то очень маленькому (например, к отдельному атому), чему-то очень большому (например, к атмосфере Земли) или чему-то промежуточному, например, к распределению питательных веществ в местном потоке. Таким образом, определение системы обычно включает в себя проведение границ (буквально или образно) вокруг того, что нужно смоделировать. Следующим шагом необходимо определить ключевые переменные и взаимосвязи между этими переменными.

Главная индивидуальность моделирования состоит в том, что данная методика дает возможность исследователю косвенно узнать мир при помощи подстановочных объектов. Именно данная индивидуальность методики моделирования определяет конкретные формы применения абстракций, аналогий, догадок, других категорий и методик познания. Без четкого и безошибочного понимания процессов, которые происходят в самой технической системе, создать ее не предоставляется возможным. Само проектирование технической системы должно также учитывать требования по материалоемкости и энергопотреблению, условия эксплуатации и характеристики, включающие техническое обслуживание.

Последние исследования системы образования, его модернизация показывают, что одним из важных показателей роста системы общего образования является изучение процесса внедрения цифровых технологий в учебно-образовательный процесс, изучение процесса внедрения в образование инновационных цифровых техноло-

гий. На сегодня данные условия в особенности актуальны, так как сфера человеческой деятельности в условиях технологического терпора в данный момент меняется чрезвычайно быстро.

При создании гибридной среды обучения по предмету, связанному с преподаванием математики и физики в средней школе, возникает ряд актуальных проблем. В частности, одним из инструментов повышения эффективности преподавания математики в средней школе является использование аддитивных технологий (АТ) при преподавании математики в системе общего образования.

Аддитивные технологии - обобщённое название технологий, лежащих в основе комплекса принципиально новых производственных процессов, подразумевающих изготовление изделия (3D-печать) по цифровой модификации (CAD-модель) послойным добавлением разных видов материала (от англ. add - «прибавить»). Так, в сфере образования 3D-печать предоставляет множество возможностей: создание макетов, визуальная демонстрация уменьшенных копий настоящих деталей и механизмов, визуальное изучение физико-химических процессов. В силу своих индивидуальностей и веского потенциала АТ поэтапно внедряются в учебный процесс образовательных учреждений всех уровней образования и имеют широкие перспективы для использования в науке.

Сегодня мне хотелось бы отметить то, как некоторые учебные заведения используют методы прототипирования в своей учебно-воспитательной работе. Прототипирование дает возможность воплотить самое смелое техническое решение в учебной деятельности. Все эти проекты связаны с процессом познания нового мира, новых образовательных технологий. Новые технологии делают учебный материал не только интересным, понятным, но и познавательным. Вместе с тем, исходя из того, что я вижу, 3D-печать используют часто, и она является важным элементом прототипирования как в учебном процессе, так и воспитательной работе.

В частности, цифровая трансформация на уроках физики и астрономии с применением аддитивных технологий связана с компьютерным моделированием разнородной реальности, а также связана с визуальным представлением материала. Такой подход к учебе приводит к независимому эксперименту с физико-математическими

объектами. Также одним из перспективных направлений внедрения АТ в учебно-исследовательские процессы является взаимодействие и обмен опытом с научными предприятиями и высшими учебными заведениями в форме онлайн-конференций и научных обучающих мероприятий, рабочие выездные совещания и регулярные обучающие события, а также внедрение дополнительных программ высокопрофессиональной переподготовки для развития АТ.

Эта статья имеет философско-методологическую направленность, но не претендует на профессиональное философское осмысление проблем научного знания, по которым существует обширная литература. Растущая общепризнанная роль моделирования в научной литературе находит отражение в появлении новых понятий: «моделирование», «добыча данных», «глубокое знание», «цифровое проектирование» и др., которые, как и приведённый выше термин «информатика», до сих пор не нашли популярных аналогов в русском языке. Но в целом видно тенденции, свидетельствующие о формировании нового поколения науки о знаниях, которое развивает личные когнитивные технологии и онтологические принципы. Новые ошеломительные технологические потрясения требуют гуманитарного осознания, и в работах философов и мыслителей-футуристов такие процессы связаны с категориями «научная революция», «эволюция ума».

В заключении хочу подчеркнуть значение внедрения технологий скорого прототипирования в образовательные и исследовательские процессы, поскольку это обусловлено не только их значительным инновационным потенциалом, но и целесообразностью и необходимостью их применения в различных областях и сферах деятельности. Важность внедрения передовых технологий для экономики страны отметил президент России Владимир Путин в приветствии участникам всероссийского форума: «Широкое внедрение передовых технологий и результатов научных исследований является одним из ключевых факторов укрепления экономического потенциала регионов РФ и страны в целом».

В нашем вузе КФУ им. В. И. Вернадского, на мой взгляд, необходимо - создание Центра специализированной теории, методологии и методики изучения АТ, которая позволит готовить высококвалифицированных преподавателей, технических и управленческих

специалистов АТ, а также реализовывать инновационные проекты по развитию АТ. Необходимо реальное совместное сотрудничество (в том числе, обмен опытом), школ, университетов, промышленных предприятий, а также открытие и функционирование ЦМИТ и технопарков в регионах. Новый шаг в развитии АТ может быть связан с изучением искусственного интеллекта и когнитивных технологий в образовательном процессе университетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Басалин П. Д. и др. Реализация гибридной интеллектуальной обучающей среды производственного типа //Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2018. – Т. 14. – №. 1. – С. 256-267.
2. Слепцов А. Ф., Слепцова М. В. Интеллектуальная образовательная среда: теоретические подходы и возможности реализации //Modern Research of Social Problems. – 2016. – Т. 61. – №. 5.
3. Булин-Соколова Е. И., Обухов А. С., Семенов А. Л. Будущее педагогическое образование. Направление движения и первые практические шаги //Психологическая наука и образование. – 2014. – Т. 19. – №. 3. – С. 207-226.
4. Knyazeva H. The synergetic principles of nonlinear thinking //World Futures. – 1999. – Т. 54. – №. 2. – С. 163-181.

УДК 004.896:165.12

**ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ЧЕЛОВЕКА И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМАХ
ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОНИКИ****HISTORY AND PERSPECTIVES OF INTERACTION
BETWEEN PEOPLE AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE
IN AUTOMATED ELECTRONICS DESIGN SYSTEMS***Цапик Дмитрий Константинович**аспирант Физико-технического института Крымского федераль-
ного университета им. В.И. Вернадского**Tsapik Dmitry Konstantinovich**postgraduate student Physical-Technical Institute Crimean Federal V. I.
Vernadskiy University*

Аннотация. Идеи создания искусственного интеллекта встречаются в работах античных учёных. В XXI веке его применение в производстве электроники помогает ускорить процесс проектирования, а также уменьшить число ошибок. Взаимодействие человека и искусственного интеллекта приводит к улучшению качества жизни и уменьшению рутинных операций.

Abstract. Ideas for creating artificial intelligence are found in the works of ancient scientists. In the 21st century, its use in electronics manufacturing helps speed up the design process, as well as reduce the number of errors. The interaction of people and artificial intelligence leads to an improvement in the quality of life and a decrease in routine operations.

Ключевые слова: машины, электроника, искусственный интеллект, нейронные сети, неолуддизм

Key words: machines, electronics, artificial intelligence, neural networks, neoluddism

Искусственный интеллект прошёл долгий путь от научной фантастики до реальности. Сегодня искусственный интеллект является ведущей технологией в современной промышленности, а также частью повседневной жизни. Современные электронные устройства значительно упрощают или исключают рутинные операции, с которыми человечество сталкивалось несколько веков назад.

Первые упоминания об искусственном интеллекте и концепции разумных человекоподобных машин встречаются в мифологии Древней Греции [1]. В качестве подтверждения данного тезиса можно привести миф о Гефесте – боге-кузнеце [2], создавшем Талоса, бронзового автомата, для защиты Европы, супруги Зевса [3]. Важно отметить, что также существовали и реальные люди, изучавшие проблемы автоматизации, механики, математики и интеллекта в древнегреческую эпоху: Архит Тарентский (согласно Диогену Лаэртскому первым «упорядочил механику, приложив к ней математические основы, и первый свёл движение механизмов к геометрическому чертежу» [4]), Евдокс Книдский (получил фундаментальные результаты в различных областях математики [5, с. 306]), Аристотель (изобрел силлогистику и формальную дедуктивную систему рассуждений).

В средние века люди предпринимали процесс очеловечивания механизмов. В 1206 году арабский изобретатель Аль-Джазари сконструировал четыре механических робота-гуманоида, сидящих в лодке и играющих на барабанах и цимбалах. Во время монарших вечеринок лодку запускали в озеро, и роботы, используя энергию потока воды, играли музыку [1; 6].

Безусловно, человекоподобные машины Аль-Джазари вызывали восторг и восхищение, однако, работали они по одному жестко «запрограммированному» сценарию. Это существенное ограничение не давало возможности построить системы с откликом на различные воздействия. В 1804 году французский торговец и ткач Жозеф Мари Жаккар изобретает зевобразовательный механизм ткацкого станка, использующий перфокарты для управления перемещением нитей [1]. Таким образом, станок Жаккара можно назвать прототипом программируемого устройства, появившегося задолго до изобретения вычислительных машин.

В XIX веке внедрение вышеупомянутых станков в индустриальную жизнь общества привело к усилению технофобии и возникновению движения луддитов – участников протестов против внедрения машин в ходе промышленной революции в Англии [1]. Какую цель преследовали луддиты, уничтожая станки? Станки ставили под угрозу работу ремесленников. Зачем платить дорого ко-

му-то, способному ткать быстро, если можно приобрести станок и научить человека «с улицы» им пользоваться и получить большой объём? Ремесленники, потратившие годы жизни на оттачивание навыков, столкнулись с угрозой увольнения [7].

Справедливо ли будет утверждение, что станки XIX века обладали прототипами искусственного интеллекта? Если следовать определению, что искусственный интеллект - свойство интеллектуальных систем выполнять функции (творческие), которые традиционно считаются прерогативой человека [8], то машины последнего столетия Нового времени обладали примитивным «интеллектом», поскольку для того, чтобы соткать полотно, необходимо соблюсти чёткий алгоритм действий, разработанный человеком.

Человека Новейшего времени сложно будет удивить машинами, способными ткать полотно или, например, играть какую-либо мелодию. Стремительно развивающиеся технологии автоматизированного проектирования, отдельных микросхем или устройств вскоре превзойдут человека по скорости и качеству разработки [9].

Недавнее исследование [10] Азалии Мирхосейни, Анны Голди и др., представляющих группу учёных из компании Google показало, что проектирование микросхем с использованием методов глубокого обучения с подкреплением может занимать меньше шести часов. Искусственный интеллект способен гораздо быстрее проектировать топологию микросхем, чем группа специалистов, которой для выполнения тех же операций требуется месяцы. По таким параметрам, как энергопотребление, производительность и площадь, искусственный интеллект может превосходить или быть сопоставим с работой высококвалифицированных специалистов. В публикации учёных «интеллект» описывается как программное обеспечение – агент, представляющий собой глубокую нейронную сеть, которая обучается с использованием парадигмы, называемой глубоким обучением с подкреплением, когда положительные изменения фиксируются как возможные решения, а отрицательные отбрасываются [9]. В качестве данных для обучения агент использует готовые конструктивные решения, разработанные проектировщиками. Это позволило «интеллекту» решать проблемы размещения, с которыми она никогда раньше никогда не сталкивалась, при этом варианты, созданные программой после обучения,

оказались лучше исходных, разработанных людьми [10].

Исходя из вышесказанного назревает вопрос: сможет ли искусственный интеллект полностью заменить творческую деятельность человека в проектировании электроники? Люди, в отличие от машин, способны самостоятельно получать информацию и обмениваться ею с другими людьми. Искусственный интеллект в этом плане работает иначе: он многократно обращается к своим ошибкам и удачным действиям, корректируя и развивая установленный алгоритм. Также можно отметить, что мыслительные процессы человека разнообразны – это анализ и синтез, сравнение, абстрагирование, конкретизация, обобщение, классификация, в то время как искусственному интеллекту доступны, в основном, решения задач классификации [11].

Искусственный интеллект находит применение в системах автопилотирования, навигации, медицины, поиска информации, промышленности, рекламы и языков. Без него сложно представить жизнь современного человека, он способен во много раз оптимизировать рутинные операции. Избавляя человека от рутинных операций, мы позволяем развиваться ему в образе творца, мыслителя, который может генерировать новые идеи и технологии. Это важно в современном процессе глобализации, поскольку время – самый ценный ресурс человека. Можно быть сторонником идей неолуддизма, высказываться против современных технологий, относиться к ним с опасением, однако развитие технологий приводит к существенному улучшению качества жизни, что в конечном счёте положительно влияет на человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. AITopics – An official publication of the AAAI [Электронный ресурс]: A Brief History of AI / Хьюстон: i2k Connect Inc, 2022. URL: <https://aitopics.org/misc/brief-history> (дата обращения 29.04.2022)
2. Greek Mythology Link [Электронный ресурс]: Nephæstus / ред. Карлос Парада, Майкар Фёрлаг. 1997. URL: <http://www.maicar.com/GML/Nephæstus.html> (дата обращения 29.04.2022)

3. Greek Mythology Link [Электронный ресурс]: Talos / ред. Карлос Парада, Майкар Фёрлаг. 1997. URL: <http://www.maicar.com/GML/Talos1.html> (дата обращения 29.04.2022)
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Редактор тома и автор вступительной статьи А. Ф. Лосев. — второе. — М.: Мысль, 1986. — (Философское наследие)
5. Башмакова И. Г. Лекции по истории математики в Древней Греции // Историко-математические исследования. — М.: Физматгиз, 1958. — № 11.
6. Мир фантастики [Электронный ресурс]: Если бы. Изобретения Востока / ред. Михаил Попов. М.: «Техномир», 2008. URL: http://old.mirf.ru/Articles/art2552_2.htm (дата обращения 29.04.2022)
7. Мир фантастики [Электронный ресурс]: Луддизм: борьба против машин в прошлом и будущем / ред. Леонид Мойжес. М.: «Техномир», 2008. URL: <https://www.mirf.ru/science/luddizm-borba-protiv-mashin/> (дата обращения 29.04.2022)
8. Аверкин А. Н., Гаазе-Рапопорт М. Г., Пospelов Д. А. Толковый словарь по искусственному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992. — 256 с.
9. iXBT.com [Электронный ресурс]: Искусственный интеллект превзошел человека в проектировании микросхем / ред. Соколов П.И. М.: ООО "Аспект Исследования и Публикации", 2021. URL: <https://www.ixbt.com/news/2021/06/14/iskusstvennyj-intellekt-prevzoshel-cheloveka-v-proektirovanii-mikroshem.html> (дата обращения 29.04.2022)
10. A graph placement methodology for fast chip design / A. Mirhoseini, A. Goldie, M. Yazgan и др. // Nature. — 2021. — №594. — С. 207–212. URL: <https://doi.org/10.1038/s41586-021-03544-w> (дата обращения 29.04.2022)
11. Научно-образовательный портал IQ [Электронный ресурс]: Человеческий мозг против искусственного интеллекта: 5 преимуществ людей перед машинами / ред. Ульяна Сироткина, Полина Кривых. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2021. URL: <https://iq.hse.ru/news/471342993.html> (дата обращения 29.04.2022)

УДК 004.946

КИБЕРПРОСТРАНСТВО: НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ?

CYBERSPACE: A NEW REALITY SPACE OR A NEW REALITY?

Даниленко Александра Николаевна
обучающаяся 4 курса, направления подготовки
«Философия» Гуманитарно-педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского» в г. Ялте
Научный руководитель: Шевченко О. К., доктор философских наук,
доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-
педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В.И.Вернадского» в г. Ялте
Danilenko Alexandra Nikolaevna,
4th year student, training direction "Philosophy"
Supervisor: O. K. Shevchenko, Doctor of Philosophical Sciences, Associ-
ate Professor of the Department of History and Philosophy of the Human-
itarian and pedagogical Academy (branch)

Аннотация. В силу развития цифровизации, IT-технологий, а также глобализации в XXI веке каждый человек столкнулся с новым феноменом – с киберпространством. Статья посвящена проблематике киберпространства, выявлению ключевых особенностей и аспектов, позволяющих говорить о связи с реальностью и другими пространствами реальности.

Abstract. Due to the development of digitalization, IT technologies, as well as globalization in the XXI century, everyone is faced with a new phenomenon – cyberspace. The article is devoted to the problems of cyberspace, identifying key features and aspects that allow us to talk about the connection with reality and other spaces of reality.

Ключевые слова: киберпространство, Интернет среда, реальность, пространство.

Key words: cyberspace, Internet environment, reality, space.

Современные реалии каждый день доказывают, что быстротечностью обладает уже не только время, события, но и потоки информации. В 2007 году британский историк Мартин Гильберт со своей командой в Южной Каролине провел эксперимент, в котором было подсчитано, что человек ежедневно получает столько информации, сколько уместилось в более чем ста семидесяти газет. И это данные за далёкий, по меркам цифрового развития, 2007 год. В 2022 году в связи с развитием Интернета, IT-технологиями, масштабами глобализации и цифровизации потоки информации увеличились. Теперь в Интернете и в различных социальных сетях мы наблюдаем не только главные происшествия в стране и в мире, но и в маленьком городе или деревни, новости из личной жизни известного человека или соседки: Интернет заполнился не просто пользователями и аккаунтами, а мыслями, мнениями, позициями людей. Так более 50% людей перебивает в Интернет среде, а каждый россиянин проводит более 4 часов в социальных сетях. В результате произошло постепенное и закономерное зарождение и развитие киберпространства, о котором в конце XX века герои Уильяма Гибсона «Сожжение Хром» лишь мечтали.

Приставка «кибер-» или в оригинальном варианте «cyber-» теперь применяется к огромному количеству вещей и феноменов: кибербулинг, кибератаки, кибербиржа и ещё более десятков слов. И все эти слова имеют прямое отношение не просто к Интернету или к компьютеру, а именно к киберпространству. К киберпространству как к некому явлению, которое объединяет людей буквально по всей планете, позволяя обмениваться информацией любого формата в реальное время. На основе этого возникает вопрос: киберпространство – это новое пространство реальности или новая реальность?

Вопрос возникает из-за различия свойств данного феномена в зависимости от категории – пространство или реальность –, к которому оно относится. Из-за различия свойств различают и воздействие на человека. Если киберпространство – это пространство, то человек переходит из одного пространства в другое, как ранее это было из социального пространства в психологическое, к примеру, а, значит, это не несёт какие-либо изменения в восприятия реальности, ведь реальность остается прежней. Но если киберпространство – это новая реальность, то здесь возникают вопросы, касающиеся того, как явлен действи-

тельный мир, есть ли вообще действительность и как в целом осуществляется бытие человека в новой реальности.

Для начала обратимся к терминам «реальность» и «пространство»:

1. «Реальность в чистом рассудочном понятии есть то, что соответствует ощущению вообще, следовательно, то, понятие чего само по себе указывает на бытие (во времени)» [2, с. 161];

2. «Ни пространство не в субъекте, ни мир - в пространстве. Пространство наоборот «в» мире, насколько оно разомкнуто конститутивным для присутствия бытием-в-мире. Пространство не обретается в субъекте, ни он не созерцает мира, «как если бы» тот был в пространстве» [3, с. 183].

Таким образом, реальность – это объективно явленный мир, а пространство – это способ, при помощи которого существует мир, и пространство является частью реальности. Так к реальности относится физическое пространство, биологическое, социальное, психологическое, и каждое из этих пространство обладает своими качествами, своими формами в которых человек осуществляет свою деятельность. К примеру, психологическое пространство – это та часть реальности, которая наполнена чувствами, переживаниями человека, его взглядом на мире, восприятием мира и других людей, предметов, явлений.

Киберпространство мы же можем рассматривать в трёх ключевых аспектах его существования: в физическом, социальном и информационном [1].

К физическим аспектам проявления киберпространства следует относить все физические составляющие компоненты, которые собственно и формирует киберпространство – это различные IT-технологии, которые используются для способа выхода в Интернет, среди которых компьютеры, смартфоны, планшеты, часы; социальные сети, которые представляют собой множество протоколов HTTP и HTTPS в виде гипертекстовых документов, которые созданы специально для передачи информации; сам Интернет представляющий собой всемирно объединяющую сеть.

К социальному аспекту киберпространства следует относить непосредственно пользователей Интернет среды, которые путём

взаимодействия и обмена информацией в различных формах: текст, видео, фото, смайлики и т.п., создают социальные объединения, заполняя социальные сети личным мнением, эмоциями, взглядами. Так взаимодействия между людьми в киберпространстве не имеет географических и временных рамок: для общения нужен лишь гаджет и Интернет.

К информационному аспекту относятся непосредственно та самая информация, которую пользователи публикуют в киберпространстве: фото, видео, записи и др. Информация может как переноситься из реального мира, так и создаваться в самой Интернет-среде. Разнообразные NFT продукты или же онлайн курс, компьютерный дизайн или оскорбления в комментариях – всё это и формирует информационный аспект киберпространства.

Таким образом, мы можем вывести определение, согласно которому киберпространство – это некое не сводимое к физическому явление, созданное IT-технологиями и Интернетом для взаимодействия людей по всей планете без привязанности к месту и времени. Киберпространство объединяет Интернет среду, все социальные сети, различные приложения, в которых человек может проявлять себя, свое мнение, свою деятельность. Киберпространство не имеет границ, так как хранится в двоичном коде 0 и 1 на физических серверах и расширяется при помощи самих же пользователей, которые создают некий контент: фото, видео, музыку, курсы, сайты и т.п.

На основе изученных аспектов киберпространства мы делаем вывод, что киберпространство является новым пространством реальности, а не новой реальностью. Причинной этому являются следующие факторы:

а) все три аспекта киберпространства: физическое, информационное и социальное – являются частью других пространств реальности, а значит самой реальностью. IT-технологии, которые создают и хранят киберпространство, являются физическими носителями, при уничтожении которого уничтожается само киберпространство;

б) всю информацию, а также чувства, эмоции, мысли человека, которыми наполнено киберпространство – всё это также части других пространств реальности, в которых личность существует, а значит всё наполнение киберпространства – это тоже реальный мир.

В силу того, что новая реальность должна отличаться, быть другой, чем является нынешняя реальность, а этого мы не видим в киберпространстве, киберпространство – это новое пространство реальности, которое позволяет людям по всей планете быть включенным в жизнь всего социума, взаимодействуя друг с другом без привязанности ко времени, месту, языку и социальному положению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добринская, Д. Е. Киберпространство: территория современной жизни / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – Т. 24. – № 1. – С. 52-70.
2. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант ; пер. с нем. Н. Лосского ; сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным ; прим. Ц. Г. Арзаканяна. – М. : Эксмо, 2007. – 736 с.
3. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер; Пер. с нем. В.В. Биbihина. — Харьков: «Фолио», 2003 — 503 с.

УДК 336.7

ФИЛОСОФСКОЕ ПОНИМАНИЕ КРЕДИТА И ЗАЙМА

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF CREDIT AND LOAN

Малько Андрей Васильевич

Аспирант кафедры Финансов и кредита, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

Malko Andrey Vasilievich

Post-graduate student of the Department of Finance and Credit, Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky

Аннотация: В данной статье исследуются понятия «кредит» и «займ» как взаимоотношение между двумя и более субъектами социального процесса. Выделяются основные элементы кредита и займа, необходимые в процессе взаимодействия финансовых структур, сформулированы главные вопросы возникающие в процессе кредитования.

Abstract: This article explores the concepts of "credit" and "loan" as a relationship between two or more subjects of the social process. The main elements of credit and loan necessary in the process of interaction of financial structures are singled out, the main issues arising in the process of lending are formulated.

Ключевые слова: долг, кредит, займ, этика, понимание, финансы.

Keywords: debt, credit, loan, ethics, understanding, finance.

«С точки зрения денег, когда мы закончим наш путь в этой жизни, мы, образно говоря, в последний раз развяжем свои финансовые шнурки. Наши финансовые достижения и неудачи в расходах, достижения в заимствованиях и сожаления об инвестициях повлияют на тех, кого мы оставляем позади. Особенности философского понимания кредита и займа отражены в трудах известных учёных, таких как Иммануил Кант, Карл Маркс, Г. Зиммель» [4, с. 76-81].

Немецкий философ Г. Зиммель (1858-1918) писал о растущей власти денег, когда они становятся целью деятельности и действий людей. В своем фундаментальном труде "Философия денег" (1900) он подчеркнул, что историческая миссия денег заключается не только в развитии ориентированной на прибыль рыночной экономики, но и в формировании «экономического человека» с его особыми ценностями, стремлением к прибыли, обогащению. Еще один немецкий социальный философ - Вебер, подчеркивал важность денежного фактора в формировании протестантской этики и формировании «духа капитализма» в Европе.

Прежде, чем банк или любое другое кредитное агентство одолжит вам деньги, кредитный инспектор должен быть удовлетворен ответами на следующие пять вопросов:

1. Являетесь ли вы потенциальным заемщиком? Несмотря ни на что, характер заемщика стоит на первом месте. Далее идет ваша способность управлять своим бизнесом [3, с. 45-54].

2. Что вы собираетесь делать с деньгами? Ответ на этот вопрос определит тип кредита - краткосрочный или долгосрочный. Деньги, которые будут использованы для покупки сезонных запасов, потребуют более быстрого погашения, чем деньги, использованные для покупки основных средств.

3. Когда и как вы планируете вернуть его? Суждение вашего банка о вашей кредитоспособности и типе кредита, который вы берёте, будет решающим фактором при ответе на этот вопрос.

4. Достаточно ли велика кредитная подушка безопасности? Другими словами, учитывает ли запрашиваемая сумма соответствующие непредвиденные потери? Банк решает этот вопрос на основе вашего финансового отчета, в котором описывается состояние вашего бизнеса и ипотечного обеспечения.

5. Каковы перспективы бизнеса в целом и вашего бизнеса в частности? Банк хочет предоставлять кредиты компаниям, которые являются платежеспособными, прибыльными и растущими. Двумя основными финансовыми отчетами, используемыми для определения этих терминов, являются бухгалтерский баланс и отчет о прибылях и убытках. Первый является основным критерием платежеспособности, в то время как второй - прибыль. Непрерывная анализ этих двух заявлений в течение определенного периода времени является основным средством измерения финансовой стабильности и потенциала роста.

При опросе претендентов на получение кредита и изучении их банковских записей особый интерес представляют следующие факты и цифры.

Общая информация: Являются ли отчёты актуальными и в хорошем состоянии? Каков статус кредиторской задолженности? Каковы заработная плата должностных лиц компании? Все ли налоги в настоящее время уплачены? Какова задержка в выполнении заказов? Каково количество сотрудников?

Дебиторская задолженность: Есть ли какие-либо признаки того, что часть дебиторской задолженности уже передана в обеспечение другому кредитору? Каков оборот дебиторской задолженности? Ослабевает ли общая дебиторская задолженность из-за того, что многие клиенты сильно задерживают свои платежи? Был ли создан достаточно большой резерв для покрытия сомнительных счетов? Каков объём задолженности по крупным счетам и какой процент от общего количества счетов составляет эта сумма [5, с. 68-87]?

Запас: Находится ли товар в хорошем состоянии или его придется продать со скидкой? Сколько сырья имеется в наличии? Ка-

кой объём работы находится в процессе? Какой объём запасов составляет готовая продукция? Соответствует ли оборачиваемость запасов обороту других компаний в той же отрасли?

Основные средства: Каков тип, возраст и состояние оборудования? Какая амортизационная политика применяется? Каковы планы по приобретению основных средств на будущее?

Люди говорят, что заем - это средства, предоставляемый кредитором - организацией, банком, заемщиком под определенные проценты за пользование этими средствами. Философия кредита - это сама жизнь и все, что с ней связано.

Кредит существует не только на печатных листах, он находится вне нас, он находится в нас. Это больше, чем просто сумма денег.

Физическим и юридическим лицам, наличным и безналичным, залоговым и беззалоговым, целевым и потребительским – это кредиты, которые можно получить быстро и на выгодных условиях. Но наши годы, наши жизни - это кредиты другого, более высокого порядка. И как бы это ни было неприятно, но вы всегда должны возвращать долги.

Следует подчеркнуть, что сила денег кредитора исходит не из их реальной формы, а из содержания социального процесса, который опосредует их движение и делает его возможным перед человеком, который взял кредит.

Источник власти денег заключается в их способности быть инструментом социального взаимодействия людей посредством обмена. Это взаимодействие сводится к двум чередующимся актам: присвоению и отчуждению. Таким образом, в процессе распределения социальных благ (товаров и услуг) создается определенный порядок. В постоянном чередовании актов отчуждения и присвоения проявляется механизм социального взаимодействия частных интересов, посредством которого реализуются цели, желания и планы отдельных людей. В этом процессе также гарантируется свобода выбора.

В свое время К. Маркс в экономических трудах раскрыл природу товарного и денежного фетишизма, в частности фетишизма кредитного займа. Он показал, что деньги представлены не только ими самими. В них закреплены социально значимые «мыслеформы», следовательно, символы, возникшие в результате общественного развития.

Маркс анализирует сущность кредитных денег с помощью понятия «преобразованной формы». Последнее обозначает содержание чего-то другого, кроме него самого, представляя скрытые общественные отношения для непосредственного наблюдения. Мистическая природа кредитных денег, тайна денежной формы заключается в том, что определенные отношения самих людей принимают в них фантастическую форму отношений между вещами [2, с.14-17].

Многие ученые считают, что кредитные деньги содержат в себе не только чисто экономическую силу, но и глубокую моральную и психологическую, а также в некоторой степени управляющую мифологическую силу. Еще в древнеиндийской философии - «займ» интерпретировался как явление, поработавшее человека, становящееся объектом его поклонения.

Деньги определяют количественные пределы возможностей в действиях людей и в то же время выражают качественную бесконечность в человеческом поведении. Недаром по этому поводу известный голландский философ Б. Спиноза остроумно заметил: «Лучшее качество денег - это их количество» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что источником власти денег является их способность быть инструментом социального взаимодействия людей посредством обмена, при этом гарантируется свобода выбора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петров Ю. В. Антропологический образ философии. - Томск: Изд-во НТЛ, 1997. - 448 с.
2. Долгин А. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. - М.: АСТ, 2010. - 256 с.
3. Слейгер Д. Забирая рынок у экономистов // Экономическая социология. - 2008. - Т. 9. - С. 29-45.
4. Борисов А. Б. Большой экономический словарь. - М.: Книжный мир, 2007. - 860 с.
5. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 1. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.; «Изд-во Олега Абышко», 2006. - 632 с.
6. Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 2. - СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.; «Изд-во Олега Абышко», 2007. - 731 с.

X. ГОРИЗОНТЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ ЗЕМЛЕЙ

УДК 332.37:005

**НООСФЕРА: ИДЕИ АКАДЕМИКА В. И. ВЕРНАДСКОГО
В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА****NOOSPHERE: THE IDEAS OF ACADEMICIAN V. I. VERNADSKY
IN THE MODERN REALITIES OF AGRICULTURE***Стадничук Ольга Вячеславна**Аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный
университет имени В. И. Вернадского, аспирант кафедры земле-
устройство и кадастра**Stadnichuk Olga Vyacheslavna**Postgraduate student, Simferopol, V. I. Vernadsky Crimean Federal
University, postgraduate student of the Department
of Land Management and Cadastre*

Аннотация. Занимаясь вопросами эколого-экономического обоснования размещения многолетних насаждений в Предгорной области Крыма, я пришла к мысли рассмотреть эту проблему не только с точки зрения точных наук, а в едином комплексе научного знания, духовной и эмоциональной составляющей и с позиции жизненной реальности действующих лиц процесса. Потому что невозможно обосновать экологические и экономические данные без учёта человеческого фактора и мотивации. Многолетние плодовые насаждения не могут существовать без участия живых людей, именно в этой сфере чётко просматривается, как, по мысли академика Вернадского, разумная человеческая деятельность становится главным определяющим фактором развития.

Annotation. Dealing with the issues of ecological and economic justification of the placement of perennial plantings in the foothill region of Crimea, I came up with the idea to consider this problem not only from the point of view of exact sciences, but in a single complex of scientific knowledge, spiritual and emotional component and from the perspective of the vital reality of the actors in the process. Because it is impossible to substantiate environmental and economic data without taking into account the human factor and motivation. Perennial fruit plantations cannot exist without the participation of living people, it is in this area that one can clearly see how, according to Academician Vernadsky, reasonable human activity becomes the main determining factor of development.

Ключевые слова: многолетние насаждения, ноосфера, практический смысл, идейная мотивация.

Keywords: perennial plantings, noosphere, practical meaning, ideological motivation.

Любые формы жизни включают в себя два взаимодействующих компонента: материальный и информационный. Информация как отношение различных явлений друг к другу пронизывает всё мироздание. До настоящего времени продолжают споры между материалистически мыслящими учёными и идеалистами, стремящимися понять внутреннюю информационную сущность жизни. В основе западного образца мышления долго преобладала упрощённая модель понимания явлений природы и человека. Считалось, что мир как машину можно разобрать и свести к составным частям. Этот аналитический способ рассуждения отделил душу от тела, а человека от окружающей среды. В последние годы прошлого века и в начале нового многие учёные поняли, что надо объединять идеалистические философские видения с материалистическими достижениями науки, чтобы выйти на новый уровень развития человечества и, самое главное, на уровень сохранения человеческого вида.

Современные исследования подтверждают, что всё живое на земле несёт в себе заряд собственной энергии и информации, поглощает её из окружающего мира и делится с ним своей. Поэтому, все происходящие на нашей планете события просто не могут не отражаться на каждом из нас.

В прошлом веке французскими учёными Э. Ле Руа и П. Тейяром де Шарденом [1] было введено понятие Ноосферы (от греч. «ноос» – разум, «сфера» – шар). Они считали, что разумная деятельность человека становится решающим фактором в эволюции планеты. Ноосфера представлена как облекающая земной шар идеальная «мыслящая» оболочка, формирование которой связано с возникновением и развитием человеческого сознания. Академик В. И. Вернадский [2] развил представление о ноосфере как качественно новой форме человеческого существования. «Ноосфера – новая, высшая стадия биосферы, связанная с возникновением и развитием в ней человечества, которое, познавая законы природы и совершенствуя технику, начинает оказы-

вать определяющее влияние на ход процессов в охваченной его воздействием сфере Земли (впоследствии и в околоземном пространстве), глубоко изменяя её своей деятельностью...» В понятии ноосферы подчёркивается необходимость разумной (т.е. отвечающей потребностям развивающегося человека) организации взаимодействия общества и природы в противоположность стихийному, хищническому отношению к ней, приводящему к ухудшению окружающей среды.

Полевые структуры всех живых существ, слившись в единое информационное поле Земли, образуют некое глобальное хранилище информации всего что есть, было и даже будет. Такая система подобна голограмме, где любая её часть хранит информацию о целом изображении. Поэтому дефект даже в мельчайшей части непременно будет отражаться на всей системе. Вот почему так важно осознавать, что каждое наше слово, каждое наше действие не проходит бесследно, а влияет не только на человечество, но и состояние всей планеты в целом. Человечество как бы образует единый мыслящий групповой организм с общим планетарным сознанием.

В природе примером такого группового организма являются муравьи и пчёлы. Они блестяще ориентируются в окружающем пространстве, обмениваются информацией, совместно организуют свою жизнь, защищаются от врагов. Удивительным образом эти насекомые имеют чётко организованную социальную структуру. Каждый выполняет точно отведённую ему роль, и каждый из этого общества, проживая индивидуальную жизнь, действует только во благо всего муравейника и улья. Человечество существует в такой же системе.

Практический смысл многолетних плодовых насаждений – это максимально полное, рациональное и экологичное использование земельных ресурсов для блага людей. Если представить, что люди, имеющие отношение к производству и потреблению конечных продуктов садоводства, – это большой муравейник, то условно их можно разделить на группы по принципу функционирования.

К первой группе можно отнести специалистов, которые непосредственно и осознанно принимают участие в подготовке и производстве – землестроители, агрономы, техники, логисты, специалисты по продажам и рекламе, руководители. Эти люди сознательно выбрали свои профессии, решили посвятить любимому делу жизнь и зарабатывать деньги именно в этих сферах. Вторая группа общества,

причастного к производству – люди, которые оказались «привязаны» к месту жительства в районах этих садов, и у них по разным причинам не было возможности выбрать себе профессию по душе. Они вынуждены жить в своих поселениях и зарабатывать трудом в садах или в цехах по переработке плодовой продукции. Третья группа – потребители. Те, кто наслаждается плодами труда производителей. Они покупают продукцию. Это даёт возможность участникам производства существовать и обеспечивать свои семьи, а также даёт стимул производить больше и качественнее.

Возможен ли процесс насаждения многолетних культур без участия одного из звеньев этой цепи? Вероятно, нет – потеряется смысл стараний других участников. Как же сохранять и стимулировать процесс? Как восполнять потребности живых людей, участвующих в этом производстве? Почему в Крыму много заброшенных садов и виноградников, а также поселений на грани нищеты и вымирания? Почему привозная продукция дешевле произведённой в Крыму? И почему крымской настолько мало, что она даёт место чужой? Вероятно, нарушены связующие звенья большого процесса.

В СССР создавались колхозы и совхозы в уже существующих поселениях, также строились новые поселения, их новые жители организовывали и вели коллективное хозяйство. С начала времён распада СССР крестьяне поверили в призрачную идею красивой лёгкой жизни в городах. В СМИ появилось много яркой эффектной рекламы, воздействующей на эмоции и глубины подсознания человека. Такая реклама не просто призывала много и бесконечно потреблять, но и навязывала новые эфемерные шаблоны жизни, не имеющие в себе практического основания. Таким образом, сильнейшая сфера экономики – сельское хозяйство была разрушена почти до основания. Став жертвами массовой пропаганды, разрушающей сильное стабильное государство, люди, привыкшие жить коллективным разумом, оказались неспособны планировать и строить свои жизни самостоятельно, в одиночку.

Многие люди даже не замечают, как зависят от чужого мнения. Чем ниже духовный уровень индивида, тем легче ему попасть под власть толпы. У такого человека нет собственного мировоззрения, так называемое, общественное мнение становится для такого чело-

века своим. «Идея, овладевшая массами, становится материальной силой» - говорил В. И. Ленин.

Так какая же высокая и достойнейшая идея должна овладеть умами и душами сельских жителей, чтобы они, ведомые любовью к родным просторам, увидели возможность процветать там, где живут?

Прогрессивные фермеры России и других стран практикуют полный цикл производства, от проекта до реализации конечного продукта. Пример цикла: планировка земли, подготовка почвы, выращивание саженцев, высадка в грунт, уход, сбор урожая, хранение, переработка в цехах консервирования или заморозка, реализация оптовым потребителям или через фирменные магазины. Такой подход к делу с внедрением полного цикла производства даёт возможность не зависеть от сторонних партнёров, быть уверенными в слаженности и постоянстве процесса. Это большой объём работы. Какой персонал привлекать, чтобы производство работало бесперебойно и прогрессивно? Ответ очевиден: работать должны люди, которые заинтересованы в результате, желающие получить достойную оплату своего труда.

В наше время, закладывая сады на новых землях, необходимо заботиться, при поддержке государства, о достойной инфраструктуре местности, обеспечении жильём специалистов, культурной жизни поселения, для того чтобы это благоприятствовало освоению лучших земельных ресурсов местности. В России на государственном уровне принято решение возродить в Крыму садоводство и виноградарство. На этом этапе очень важно, чтобы люди поверили в силу своего человеческого потенциала в тандеме с богатыми ресурсами Крымской земли, утверждая этим на информационном уровне принцип взаимодействия природы и общества.

Крым прекрасен. Когда еду в Орловку через далёкие забытые сёла – Долинное, Фурмановка, Айвовое, Вишнёвое и любуюсь видами зелёных холмов, скалистых обрывов, аккуратными садами и теплицами, тогда мысленно я желаю счастья тем людям, которые родились и живут в этой местности. А гости Крыма, покупая золотистые яблоки, персики, абрикосы и все плоды, приносят доход и изобилие этой плодородной солнечной земле.

Это эссе-размышление не даёт ответы на вопросы, заданные в её тексте. Но наглядно показывает, как возможно увидеть недостающие

звенья и решить проблемы, прикладывая к существующей ситуации «шаблон» в виде наследия многолетних исследовательских трудов академиков, мыслителей и практиков. Эти труды являются безусловно ценным ресурсом человечества, соединятся в информационном поле Земли и преобразуются в своевременно приходящее знание для тех, кто его ищет. А всем людям, занятым в сельскохозяйственных процессах, нужно получить из информационного поля такую достойную мотивацию, которая сделает их способными рационально преобразовать и сделать свой мир прекрасным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Сб. очерков и эссе: Пер. с фр. / П. Тейяр де Шарден / Сост. и предисл. В.Ю. Кузнецов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 553.
2. Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения: научное издание / Отв. ред. А. А. Ярошевский ; АН СССР. - 2-е изд. - М.: Наука, 1987.

УДК 627.81:1(091)

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЗДАНИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ВОДНЫМИ РЕСУРСАМИ

ECOLOGICAL IMPERATIVE AS A NECESSARY CONDITION FOR THE CREATION OF WATER MANAGEMENT SYSTEMS

Борбот Ирина Николаевна¹

аспирант, г. Симферополь, Институт «Академия строительства и архитектуры» Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского

Захаров Роман Юрьевич²

к-т технич.наук, доцент заведующий кафедрой Природообустройства и водопользования Института «Академия строительства и архитектуры» Крымский федеральный университет

имени В. И. Вернадского

Borbot Irina Nikolaevna¹

Postgraduate student, Simferopol, Institute "Academy of Construction and Architecture" Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Zakharov Roman Yurievich²

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Environmental Management and Water Use, Simferopol, Institute "Academy of Construction and Architecture" Crimean Federal V. I. Vernadskiy University

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы управления водными ресурсами путем трансформации речного стока с учетом экологического императива. Проведен философский анализ важности понимания экологических последствий при управлении водными ресурсами.

Abstract. The article deals with the issues of water resources management through the transformation of river flow, taking into account the ecological imperative. A philosophical analysis of the importance of understanding environmental impacts in water resources management is carried out.

Ключевые слова: экологический императив, управление водными ресурсами, речной сток.

Keywords: water resources management, ecological imperative, river flow.

В условиях интенсивной хозяйственной деятельности человечества и постоянно растущей антропогенной нагрузки на природные экосистемы все большую актуальность приобретают вопросы управления водными ресурсами, рациональной организации водохозяйственной деятельности с учетом экологических императивов.

Вода является ценнейшим природным ресурсом, составляющим основу жизни. Она всегда была и остается одним из важных объектов философской рефлексии. Высказывание родоначальника европейской философии Фалеса (625—547 гг. до н.э.) «Все есть вода» выражает суть нового вида мудрости: не бог, а вода, одна из природных стихий, названа причиной и целью существования всей природы. По космогонии Фалеса вода лежит в основе мироздания. В мифологических традициях различных народов вода находится в начале и конце процесса космогенеза.

Позднее беспредельные воды океана символизировали в библейской интерпретации первозданный хаос.

Осваивая нашу планету, люди селились прежде всего у воды — на берегах морей и рек. Дефицит воды в прошлом становился началом конца многих цивилизаций. Проживание и ведение хозяйственной деятельности у берегов рек сопрягалось с рисками разливов рек. Так еще в древние времена у людей возникла идея об аккумуляции воды в искусственных водоемах.

Первые гидротехнические сооружения были созданы в Древнем Египте более 3 тыс. лет до н.э. При фараоне Мейесе сооружена плотина Кошиш длиной 450 м и высотой 15 м. Изменилось русло Нила, поскольку рядом строилась столица г. Мемфис. Примерно в 2800-2500 гг. до н.э. в 3 км южнее Каира была возведена плотина Сагд-Кафара на р. Вади-Гарави высотой 12 и длиной 108 м, которая вскоре после строительства была размыта под действием напора воды в водохранилище из-за отсутствия водослива [1].

Уже на том этапе развития цивилизации люди столкнулись с негативными последствиями антропогенного влияния на водные ресурсы и уже тогда становится актуальным понятие экологического императива.

«Экологический императив - форма запретов и ограничений, распространяющихся на любую человеческую деятельность. Имеет безусловным приоритетом сохранение живой природы, видового разнообразия планеты, защиту окружающей среды от чрезмерного загрязнения, несовместимого с жизнью» [2].

Идея взаимосвязи человека с природой поднимается в произведениях классиков философии - Платона, Аристотеля, И. Канта, Г. Гегеля, Марка Аврелия, А. Бергсона, Ф. Бэкона, К. Маркса, Л.А. Сенеки, Л. Фейербаха, Э. Фромма, Ф. Энгельса и др.

В отечественной философии идеи коэволюции рассматриваются в трудах русских космистов - Н.Ф. Федорова, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, В.И. Вернадского и др., где формируется мысль о том, что человек и общество определяют самих себя через отношение к природе, космосу.

Проблема экологического императива крайне многоплановая, обеспечение дальнейшего развития цивилизации требует глубокого понимания смысла экологического императива как основы выбора стратегии человечества в целом, так и в конкретных действиях, в конкретных ситуациях [3].

Общество должно научиться управлять собой и соизмерять свою деятельность с природным фактором, обеспечив такое взаимоотношение с окружающей средой, которое позволит гармонично развиваться всей социоприродной целостности. С этой целью человечеству необходимо отказаться от ряда стереотипов мышления и направить вектор цивилизационного развития на формирование сферы разума (ноосферы, по В.И. Вернадскому) [4].

Поэтому вопросы экологически безопасного развития цивилизации в условиях сокращения возможного использования доступных ресурсов вышли на передний план научного поиска и общественного сознания в целом.

Реализация экологического императива зависит от взаимоотношения человека с окружающей природой, от глубокого понимания того, что природу, человеческое общество, научную мысль следует рассматривать в их нерасторжимой целостности.

Таким образом, только активная работа во всех отраслях человеческой деятельности по формированию нового отношения к природе, разработка рационального природопользования, ресурсосберегающих технологий будущего смогут решать экологические проблемы сегодняшнего дня и перейти к гармоничному сотрудничеству с природой, приоритету так называемого «экологического императива».

Н. Н. Моисеев дает следующее определение понятию экологический императив: «Таким термином условимся определять совокупность тех ограничений в активной деятельности людей, нарушение которых уже в ближайшие десятилетия может обернуться для человечества самыми катастрофическими последствиями» [3]. Хотя в этом определении присутствует некоторая формальная неточность: «совокупность ограничений» - это не есть требование, императив; но в принципе понятна мысль автора: экологический императив - это те разрабатываемые в рамках специальных наук требования, которые необходимо соблюдать для обеспечения дальнейшего нормального существования людей.

Для осуществления разумного управления состоянием гидросферы и водных ресурсов на территории Республики Крым необходимо не только знать устройство и механизмы этой сложной и огромной системы, но и иметь возможность влиять на ее процессы в желаемом и научно-обоснованном направлении.

Примером такой сложной системы управления водными ресурсами в Республике Крым является Государственный комитет по водному хозяйству и мелиорации Республики Крым.

Основными принципами процесса управления водохозяйственными системами и водными ресурсами являются:

- системный подход;
- партнерство заинтересованных сторон;
- учет неопределенности (стохастичности) целого ряда воздействующих факторов;
- бассейновый (географический) подход и опора на серьезные научные исследования и надежные данные.

Правила регулирования стока представляют собой зависимости, связывающие величину расхода воды, пропускаемой через каждый вид водоприемных и водосбросных отверстий с некоторыми гидрологическими и водохозяйственными характеристиками, рассматриваемыми в качестве аргументов. В каждый данный момент времени условия работы системы определяются соотношением между наличием воды и потребностью в ней.

Изменения в форме и критериях для императивов при изменчивости ситуации, применительно к которой оценивается состояние системы, можно пояснить на примере использования целевой функции и сценариев.

Целевая функция управления водными ресурсами на основе многопараметрической оптимизации водохозяйственного комплекса (ВХК) должна пониматься как обеспечение подачи воды нужного качества в заданное место в заданное время с наименьшими потерями при минимуме затрат и при обеспечении экологической безопасности территорий.

При обеспечении этих требований возможен переход к стратегическому управлению ВХК на основе системного внедрения

научно-обоснованных адаптивных технологий и норм и интегрированных методов управления.

Для осуществления выбора целевой функции при стратегическом управлении требуется, помимо анализа существующей ситуации, разработка долгосрочных сценариев развития ситуации в рассматриваемой системе.

В отношении водных ресурсов под долгосрочным сценарием понимается сценарий изменения количественного и качественного обеспечения водными ресурсами в рассматриваемом регионе, то есть порядок проведения различных мероприятий по осуществлению стратегических и тактических целей по улучшению обеспечения водными ресурсами в регионе с указанием места, времени, ответственных с расшифровкой конкретных задач и конкретных результатов [5].

При трансформации речного стока путем сооружения водохозяйственных объектов в пойме и на речных террасах, а также на прилегающих к ним участках строго соблюдаются принципы «экологического императива».

Изменение режима водного объекта сразу же сказывается на условиях обитания и численности живой природы в водном источнике, изменяется ландшафт.

Расход воды, который необходим для сохранения экосистемы ниже створа изъятия воды, имеет большое значение. Ведь с изменением водности меняются многие физические и химические характеристики водного объекта.

Количество воды, которое необходимо оставить в русловой сети для нормального существования речной системы, характеризуется различными терминами. Это - санитарный расход, предельно допустимый расход, остаточный сток, природоохранный расход и, последняя трактовка - экологический сток.

В естественном состоянии в режиме реки наблюдаются колебания от максимальных в период весенних паводков до минимальных - в летний период. При этих расходах сохраняется экологическое равновесие водной экосистемы. Но с уменьшением этих расходов появляются отрицательные моменты в жизни рек, о чем говорилось выше. Во избежание негативных экологических последствий уменьшение расхода в реках меньше минимально наблюдаемых

не допустимо. Минимальный расход должен быть таким, чтобы неблагоприятные явления на речной системе отсутствовали, поэтому минимально допустимый расход (МДР) нельзя рекомендовать ниже минимального наблюдаемого суточного в характерных периодах года, тем самым выполняется условие экологического императива.

При изъятии какого-то количества воды необходимо установить величину предельно допустимого истощения, при этом эта величина должна обеспечить устойчивость и надежность существования любой водной экосистемы ниже створа изъятия воды. Для речных экосистем Крыма это период весеннего половодья, осенних паводков, летней и зимней межени; температура воды и другие физические и химические свойства водного объекта.

Учитывая это, величину МДР рекомендуется принимать для меженного периода не ниже минимального месячного расхода обеспеченностью 95%, а для периода половодья - не ниже 75 % ной обеспеченности от месячных расходов низкого половодья 95 % - ной обеспеченности по объему, но не менее МДР для меженного периода.

Особый вопрос в назначении МДР при строительстве каких-либо водохозяйственных объектов связан с соблюдением ряда экологических требований, таких как:

- скорость воды в реке не должна быть меньше скоростей, при которых русло не зарастало бы в естественных условиях (а это, как правило, 0,20- 0,30 м/с);
- концентрация загрязнений не должна превышать ПДК;
- уровни грунтовых вод должны оставаться в пределах, обеспечивающих гидродинамические характеристики, близкие к естественно природным.

В Республике Крым насчитывается 14 водохранилищ естественного стока. Практически все они многолетнего регулирования.

Это отражается на гидрологических характеристиках водных объектов. Альминское, Бахчисарайское и Тайганское водохранилища построены на боковых балках, а не собственно в руслах рек, они аккумулируют часть стока рек без существенной трансформации самого водного потока.

Уровень понимания экологических последствий при управлении водными ресурсами осуществляемый, в том числе, путем трансформации речного стока, обеспечит реализацию требований экологического императива. При глобальном характере большинства проблем экологии и разделенности человечества на культуры и субкультуры необходима всесторонняя просветительская работа по анализу и обобщению способов понимания социально-экологической ситуации. Понимание социоприродной ситуации существенно зависит от ценностей мировоззрения, уровня образованности человека, традиционной культуры, доступности, гласности экологической информации, связанной с использованием всех видов ресурсов, и водных в обязательном порядке, на определенные нужды на территориальном уровне.

Разные цивилизационные общности будут по-разному воспринимать природные ограничения на субтерриториальном уровне и искать свои пути дальнейшего развития систем управления водными ресурсами, но на этом пути возможны конфликты из-за ресурсов. В этом и заключается экологическая сущность современного социокультурного анализа современного периода развития человечества и синергетическая потребность в повышении эффективности генезиса «экологического императива».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ясовеев М. Г. Экологический мониторинг и экологическая экспертиза. Электронный ресурс. Точка доступа: https://studref.com/312227/ekologiya/kratkiy_ocherk_razvitiya_nauki.
2. Кикель П. В., Сороко Э. М. Краткий энциклопедический словарь философских терминов / П. В. Кикель, Э. М. Сороко. – 2-е изд. – Минск : БГПУ, 2008. – 266 с. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://terme.ru/slovari/kratki-enciklopedicheskii-slovar-filosofskih-terminov.html>.
3. Моисеев Н. Экология человечества глазами математика (Человек, природа и будущее цивилизации) – Москва: «Молодая гвардия», 1988 г. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://bookree.org/reader?file=1335096>.
4. Экологический императив в аспекте экологического развития. Электронный ресурс. Точка доступа: <https://studbooks.net/931635/>

ekologiya/istoriya_nakopleniya_bazovyh_znaniy_ekologicheskom_imperative

5. Захаров Р. Ю. Актуальные вопросы повышения энергоэффективности оросительных систем: Монография/ Н.А. Закусилов, Т.В. Зуева, Д.В. Лунёв под ред. Р.Ю. Захарова. – Симферополь: СО-НАТ, 2009. – 128 с.

УДК 502/504

РЕШЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ (ПЛОДОРОДИЯ ПОЧВЫ) И ФИЛОСОФСКИЕ КОНЦЕПЦИИ: ЕСТЬ ЛИ ВЗАИМОСВЯЗЬ?

SOLVING PRACTICAL PROBLEMS (SOIL FERTILITY) AND PHILOSOPHICAL CONCEPTS, IS THERE A RELATIONSHIP?

Захарчук П.С.,

аспирант факультета агрономии, садово-паркового и лесного хозяйства, Институт «Агротехнологическая академия» ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Zakharchuk P.S.,

postgraduate student of the Faculty of agronomy, landscape gardening and forestry, Institute "Agrotechnological academy", FSAEI HE " Crimean federal university V.I. Vernadsky";

Аннотация: Занимаясь узкоспециальной задачей (плодородие почвы), автор приходит к выводу, что идеи практического характера берут начало в мировоззренческих философских теориях.

Abstract: Dealing with a highly specialized task (soil fertility), the author comes to the conclusion that practical ideas originate in micro-philosophical philosophical theories.

Ключевые слова: Плодородие почвы, биоценоз, ноосфера.

Keywords: Soil fertility, biocenosis, noosphere

С тех самых пор, как зародилось сельское хозяйство, человечество сталкивается с двойной проблемой деградации почв и их эрозии. Хотя обе эти беды, по большей части, рукотворные, решить их

вполне в наших силах. Складывается впечатление, что ни рядовые граждане, ни журналисты, ни политики не воспринимают их столь же серьезно, как неустойчивость финансовых рынков, изменение климата или любые другие стоящие перед обществом вызовы. То, как мы обращаемся с землей, как мы относимся к почве – вот вопросы, от которых зависит здоровье и само выживание современной цивилизации.

Почва – это неисчерпаемый природный ресурс, который играет важную роль в мировом производстве продовольствия и жизни на всей земле. Однако интенсивное воздействие человечества на сельскохозяйственные угодья в последнее время достигает критических масштабов. На сегодняшний день около 35% глобальных почвенных ресурсов подвергаются деградации из-за ветровой эрозии, засоления, уплотнения, водной эрозии (вымывания питательных веществ), загрязнения и других процессов, связанных с нестабильным и интенсивным использованием земельных ресурсов.

Неотъемлемой частью почвы как природного тела является ее плодородие. От плодородия зависит жизнь на планете не только человека, но и растений и животных. Не случайно в древние времена плодородие почвы обожествлялось наравне с солнцем и водой: в Древнем Египте богиней плодородия почвы была Изида, а в Древнем Риме — Прозерпина, у славян - Род (бог света, плодородия и творения). О плодородии почв писали трактаты философы, писатели и поэты античной Греции и Рима (Аристотель, Феофраст, Лукреций, Вергилий, Колумелла, Плиний и др.) Делались попытки определить истоки плодородия почвы, обсуждались вопросы «старения» и «истощения» земли, давались советы, какие почвы как лучше использовать. Различия в уровне плодородия разных почв учитывались при исчислении земельных налогов и податей, при продаже и оценке земли, особенно в эпоху феодализма и капитализма. В XVIII— XX вв. социально-экономическое значение плодородия почвы стало предметом особого внимания ряда ученых экономистов и социологов.

По мере накопления сведений о почве и развития естествознания и агрономии менялось и представление о том, чем обусловлено плодородие почвы. В самые древние времена его объясняли наличием в почве особого «жира» или «растительных масел», «солей»,

порождающих все «растительное и животное» на Земле, затем — наличием в почве воды, перегноя (гумуса) или элементов минерального питания и, наконец, плодородие почвы стали связывать со всей совокупностью свойств почвы в понимании генетического Докучаевского почвоведения. Менялось и определение самого понятия «плодородие почвы». В то время, когда была распространена «гумусовая» теория питания растений (А. Теер, 1830), под плодородием почвы понимали способность ее обеспечивать растения перегноем, а несколько позже сторонники минерального питания растений (Ю. Либих, 1840) — способность почвы обеспечивать растения всеми минеральными элементами.

Проблема в том, что если бы для человечества прилагалась инструкция по эксплуатации Земли, заглавием первого раздела должно быть: «Как защитить почву, мать всей жизни». Описание земной поверхности (плодородной почвы) описывался бы как динамическая взаимосвязь между геологией и биологией.

Дэвид Р. Монтомери в своей книге «Почва. Эрозия цивилизаций» писал: «рассматривая историю сельского хозяйства через призму геологии, я заметил эффект бумеранга – то, как мы обращаемся с землей, определяет то, как земля обращается с нами и насколько хватит ее запасов» [4].

Когда же человечество начало изучение почвы, её плодородия и влияние на цивилизацию?

В текстах многих религий говорится о взаимосвязи человека и Земли. В Библии первого человека на Земле звали Адам, на иврите является производным от слова «adama», что означает «землю, почву». Имя жены Адама, Евы, происходит от слова «hava», означающего на иврите «дающая жизнь», взаимосвязь земли и жизни лингвистически отражает основу библейской истории сотворения мира. Господь создал землю – Адама, а жизнь – Ева – зародилась из земли – ребра Адама.

Почвоведение – вполне светская наука, одна из многих естественных научных дисциплин. Она родилась как географическая и сельскохозяйственная наука, но уже тогда В. В. Докучаев (1846-1903) называл почву «душой ландшафта». Эта мысль В. В. Докуча-

ева была разработана В. И. Вернадским в учении о биосфере, где почве отведено одно из центральных мест [2].

Н. В. Тимофеев-Ресовский, отмечая общие тенденции в развитии отечественного естествознания в аспекте создания общего учения о «биосфера и человечество», писал, что начало этой проблемы проходит через научные школы В. В. Докучаева, В. И. Вернадского.

К середине XX века стал очевиден факт превращения человечества, по выражению В. И. Вернадского, в мощную геологическую силу, что привело к образованию планетарной формы противоречивой системы «биосфера и человечество». В результате «промышленной революции», развития сельского хозяйства (распашка целины, вырубка лесов и т. д.), произошло нарушение геологически и исторически сложившихся систем биосферных процессов. Противоречие этих систем состоит в том, что человечество безвозмездно и бесконтрольно использует природные ресурсы. В то время функционирование и развитие биосферных систем основано на взаимосвязи разнородных природных процессов, создаваемых веками [4].

В. В. Докучаев писал, что изучение биосферных естественно-исторических систем ставит задачу выявления той «генетической, вековой и всегда закономерной связи, какая существует между силами, телами и явлениями, между мертвой и живой природой, между растительным, животным и минеральным царствами, с одной стороны, человеком и его бытом и даже духовным миром — с другой» [6]. Эта задача исследователей биосферных систем противоположна задачам фундаментальных, технических и прикладных наук: в них ведется изучение отдельных объектов и процессов, они рассматриваются как независимые.

Плодородие слоя земли является многовековым процессом биосферных систем и выступает как совокупность физических, химических свойств и явлений. В. В. Докучаев выделяет почву как естественноисторическое – природное тело, которое сформировалось в результате исторически длительного взаимодействия между мертвой и живой природой.

Косное и живое — два противоположных типа вещества, между которыми, как отмечал Вернадский, существует резкая граница. Биосферные системы — это те реальные природные формы (тела), в которых устанавливается сопряжение живого и косного

вещества. Установление этого сопряжения (но не равновесия) и представляет собой процесс становления и формирования биосферных систем [6].

Установление сопряжения косного и живого вещества есть формирование многосложной и многообразной системы связей между биосферными процессами, есть выработка определенной организации биосферных систем и организованности всей биосферы — понятия, введенного учеником В. В. Докучаева В. И. Вернадским [5].

Человечество живет и развивает сельское хозяйства путем потребления сформированного плодородного слоя почвы, уничтожая все процессы путем распашки, внесения удобрений и применение пестицидов. Держание полей под чистыми парами не дает возможности восстановления всех почвенных процессов. Время — настоящее богатство биосферы, ее основной ресурс. Вольное или невольное разрушение организованности почв означает расхищение этого богатства биосферы [3].

К середине XX века выяснилось, что человечество в ближайшие столетия может полностью исчерпать запасы почвы, накопленных деятельностью «былых витасфер». Человечество вступило в фазу противоречия с биосферой в целом. Именно теперь, когда полем деятельности человечества стала биосфера в целом, биосферные проблемы приобрели глобальный и необычайно острый характер.

В настоящее время положение В. И. Вернадского о том, что человечество является общепланетарной силой, стало очевидным. Выявилась границы существования человечества – его зависимость от конечных размеров биосферы.

В последние годы своей жизни В. И. Вернадский выдвигает идею ноосферы как высшего этапа эволюции биосферы, этапа, на котором человечество перестраивает биосферу, стремясь достигнуть гармоничного единства человека с природой. Предпосылкой перехода в ноосферу является не только высокий уровень развития науки, техники и производства, но и необходимость морального и этического совершенствования людей [5, 6].

Ноосфера (от греч. *noos* — разум) — это биосфера, разумно управляемая человеком. Ноосфера является высшей стадией разви-

тия биосферы, связанной с возникновением и становлением в ней цивилизованного общества, с периодом, когда разумная деятельность человека становится главным фактором развития на Земле.

В сельском хозяйстве переход на прямой посев и высев промежуточных культур является ключевым аспектом сохранения плодородия почвы и его накопления. Данная технология предусматривает отказ от обработки почвы, что не будет нарушать сформированные процессы жизни растений и микроорганизмов. Главная цель – это создание агробиоценоза путем выращивания смесей культурных растений в промежуточных посевах, где человек не уничтожает биосферу, а помогает формированию агробиоценоза.

Человечество должно осознать, что выращивание сельскохозяйственных культур – это сложный процесс взаимосвязей в агробиоценозе, бездумное применение пестицидов не приведет к процветанию. Малейший, на первый взгляд, организм играет большую роль в биосфере.

Подход к поиску сохранения плодородия почвы следует искать в философских концепциях В. И. Вернадского и В. В. Докучаева: в понимании того, что Земля, все живое на земле и человек – являются сложной динамической системой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возникновение и развитие земледелия / Ред. В. Д. Блаватский, А. В. Никитин. – М.: Наука, 1967.- 232 с.
2. Докучаев В.В. Русский чернозем. Отчет Императорскому Вольному экономическому обществу. СПб., 1883. - 376 с.
3. Дэвид Р. Монтгомери. Почва. Эрозия цивилизаций /Перевод с англ. Х. Муминджанов Анкара: Субрегиональное отделение ФАО по Центральной Азии, 2015. - 434 с.
4. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста – М.: Наука, 1988. - 522 с.
5. Вернадский В.И. Проблемы биогехимии // Тр. биохим. лаборатории. — М., 1980. Т. 16. – 320 с.
6. Докучаев В. В. Избранные сочинения. 1949. - М., Том 3. – 446 с.

УДК 123.2

ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

HUMANITARIAN ASPECT OF THE PROBLEMS OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SMALL ENTERPRISES OF THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX

Кузнецова Елизавета Евгеньевна

*аспирант, г. Симферополь, Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского, аспирант кафедры управления персоналом.*

Kuznetsova Elizaveta Evgenievna

*Graduate student, Simferopol, V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
postgraduate student of the Department of Personnel Management.*

Аннотация. Сегодня принято думать, что проблемы цифровизации связаны только с вопросами использования компьютерных технологий, математических и информационных моделей. Если же взглянуть глубже в цифровизацию, то можно увидеть, что прежде всего это социально-политическая и социогуманитарная проблема. По этой причине необходим экзистенциальный подход к осмыслению существования человека в новой цифровой реальности. Стоит заметить, что сами по себе технологии, вошедшие в жизнь людей, дают новые возможности для коммуникации, настроены на овладение новыми знаниями и повышение эффективности развития бизнеса, помогают с большей точностью формировать методики для разработки прогнозов и стратегий. Но по другую сторону ускоренного технического прогресса для получения большей прибыли оказывается различное влияние на психическое и физическое здоровье человека; таким образом, необходимо определить границы и потребности самого человека, а как следствие агропромышленной сферы в цифровой трансформации.

Annotation. Today it is customary to think that the problems of digitalization are related only to the use of computer technologies, mathematical and information models. If you look deeper into digitalization, you can see that first of all it is a socio-political and socio-humanitarian problem. For this reason, an existential approach to understanding human existence in the new digital reality is necessary. It is worth noting that the technologies

themselves, which have entered people's lives, provide new opportunities for communication, are configured to acquire new knowledge and increase the efficiency of business development, help to form methods for developing forecasts and strategies with greater accuracy. But on the other side of accelerated technological progress, in order to get more profit, there is a different impact on the mental and physical health of a person, so it is necessary to determine the boundaries and needs of the person himself, and as a consequence of the agro-industrial sphere in digital transformation.

Ключевые слова: экзистенциальный аспект, цифровизация, малые предприятия, агропромышленный комплекс, цифровая трансформация.

Key words: existential aspect, digitalization, small enterprises, agro-industrial complex, digital transformation.

В связи с активным развитием цифровых технологий происходит процесс осмысления и перестроения социума под современные реалии. Всё большее количество сфер охватывает цифровая трансформация, диктующая новые условия культуры, воспитания, обучения, бизнеса, общения, самореализации и других процессов, вследствие этого складывается новая область исследования экзистенциального влияния цифровой науки, в центре которой стоит проблема цифровой экзистенции.

Ещё К. Ясперс в середине XX века задавался такими вопросами как: «Принято ли во внимание то радикальное изменение, которое связано с современной техникой?», «Какие свойства человеческой природы остаются неизменными?», «Что в личностном развитии остается не затронутым техникой, а что изменилось?». Исследуя феномены цифровизации, К. Ясперс пытается измерить степени произошедших трансформаций, приходя к выводу, что влияние современных технических прогрессов на социальный мир переводит его в совершенно другие реалии. Теперь изучение проблемы человеческого существования невозможно без взгляда с точки зрения цифровых изменений.

Критическое мышление XXI века осознает подсознательную борьбу человека и техники, возможной угрозы экологических катаклизмов, ядерной войны, кардинальные изменения культуры в традиционном ее понимании, перестройки жизненных ценностей, искусства и свободы. Осмысление насыщенного цифровыми техно-

логиями социума, где виртуальное постепенно замещает место привычного нам реального, реализуется в произведениях искусства, фильмах и книгах о последствиях технологической эволюции и цифровизации.

Последствия цифровизации трактуются и оцениваются неоднозначно. Упрощают ли цифровые технологии человеческое существование или разрушают его? Так, с некоторых сторон существование человеческой жизни в цифровой культуре все больше теряет однозначность в восприятии и получении опыта. В виртуальном мире повседневная жизнь лишается материальности, события теряют ощущения живого присутствия, теряются территориальные барьеры.

Указанные характеристики проникают во все сферы человека, в том числе и в сельскохозяйственный сектор. Вхождение цифровых инноваций в процессы производства сельскохозяйственной продукции уже не является чем-то новым для агропромышленного комплекса Российской Федерации. Нано-и биотехнологии, геномная инженерия, автоматизация процессов позволяют усовершенствовать возможности аграрной продукции подстраиваться под разные группы потребителей и повышать производительность. Игнорируя цифровизацию, не представляется возможным поддерживать необходимые показатели рентабельности, обеспечивать продовольственную безопасность, контролировать процессы на всех этапах, начиная от посева зерна и заканчивая доставкой конечному потребителю.

Внедрение цифровых технологий в агропромышленной сфере, в том числе и для малых предприятий, является важнейшим шагом в развитии России. Технологии решают все большее количество задач, таких, как анализ внешнего окружения, оптимизации, процессов производства, принятия управленческих решений, стратегическое планирование, управление рисков. Наряду со всеми положительными сторонами цифровизации сельское хозяйство сталкивается с проблемами внедрения данных инноваций. Причиной служат не только финансовые аспекты, хоть они являются ключевыми в решении данной проблемы, но и проблемы социального характера,

так как любое, даже самое не существенное изменение привычных укладов является раздражающим фактором для социума.

Наше поколение находится на переломном моменте цифровизации, так как в масштабах жизни одного человека пройден путь от ручного вспахивания, посева и сбора до механизированного, от ручного ведения учета продукции до автоматизации. Безусловно, данные процессы уменьшают трудозатраты, которые необходимы для производства продукции, и параллельно приводят к сокращению потребностей в персонале. Если 5 лет назад в штат принималось 10 дояров, то сегодня предприятиям, использующим автоматизацию процессов необходим один человек, который контролирует процесс автоматической дойки коров, причем этот человек даже не один из предыдущего штата, состоящего из 10 дояров, так как контроль этих процессов подразумевает не только познания в дойке, но и в работе программного обеспечения и механизмов данного комплекса. С точки зрения управляющего предприятием, автоматизация процессов сокращает затраты на персонал и увеличивает прозрачность производства, параллельно в режиме реального времени ведет контроль показателей качества продукции. С точки зрения 10 дояров автоматизация выступает переломным моментом, который вынуждает полностью менять их привычную жизнь.

По этим причинам беспрепятственное вхождение цифровой трансформации, как в сферу АПК, так и во все остальные сферы жизни человека, сможет осуществляться после полной смены поколения людей, которые видели производство и вели деятельность без нее. Когда человек не сможет представлять свою жизнь без автоматизированных процессов, вопрос о плюсах и минусах цифровизации даже не будет возникать, так как это будет казаться невозможным.

Несмотря на то, что практически невозможно спрогнозировать последствия цифровизации, нам необходимо заранее думать о возможных проблемах, которые могут возникнуть в результате данного процесса. Очевидным становится тот факт, что в результате глобальной цифровизации в сферах деятельности человека, он постепенно будет вытесняться из производственного процесса. Так, например, мы можем получить большое количество незанятого населения, что может привести к напряжению, депрессиям в со-

циуме. Совершенно ясно: целью цифровой трансформации является улучшение качества жизни человека, поэтому проблемы человека, его интересы должны определять и формировать вектор развития цифровизации во всех сферах деятельности человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скидан О. П. Антропологические аспекты цифровой трансформации социума: постановка проблемы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – №. 5. – С. 105-117.
2. Мельков С. А., Салтыкова М. В. Осевое время цифровой трансформации: экспертная оценка актуальной публичной научной коммуникации // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2020. – Т. 9. – №. 3. – С. 39-44.
3. Баева Л. В. Экзистенциальные риски информационной эпохи // Информационное общество. – 2013. – Т. 3. – С. 18-27.
4. Гуров О. Н., Петрунина М. А. Цифровая трансформация: человеческое измерение // Гуманитарный вестник. – 2020. – №. 2 (82). – С. 8.
5. Береславская В. А. Методологические аспекты формирования стратегии развития Агро-промышленного комплекса // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. – 2005. – №. 2. – С. 112-119.
6. Тельнова Н. Н. Приоритетные направления экономического развития сельскохозяйственных предприятий // Проблемы экономики и юридической практики. – 2012. – №. 1. – С. 209-212.
7. Скидан О. П. Антропологические аспекты цифровой трансформации социума: постановка проблемы // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/antropologicheskie-aspekty-tsifrovoy-transformatsii-sotsiuma-postanovka-problemy> (дата обращения: 21.04.2022).
8. Касавина Н. А. О бремени техники и миссии ученого // Epistemology & Philosophy of Science. – 2019. – Т. 56. – №. 3. – С. 36-39.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник материалов
V научной конференции**

Формат 60x84/16. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 16,51. Тираж 300 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru